



3 1761 04572986 0

И. С. АКСАКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИЦА

С ПЕТЕРБУРГЪ.

Leskov. M. 10. 11. Semenovsk.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
Polnoe sobranie
СОЧИНЕНІЙ
Sochineniya

Н. С. ЛѢСКОВА.

—|—
izd 3
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

—|—
f. 28 = 30
ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

—|—
Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

551809
27 10 52



Артистическое заведение А. Ф. МАРСА, Пизмайл. пр., № 29.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

СЪ ПИСЬМОМЪ Н. С. ЛЬСКОВА

КЪ

ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

(1871 г.)

Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Я, весьма вѣроятно, не рѣшился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса въ защиту молодого человѣка, злополучныя приключенія котораго здѣсь рассказаны. Вашъ начинъ въ этомъ дѣлѣ далъ мнѣ мысль и возможность нѣсколько подробнѣе опровергнуть злостныя клеветы, преслѣдовавшія Артура Бенни при его жизни и не пощадившія его въ некрологѣ, напечатанномъ послѣ его смерти. Мнѣ не разъ приходилось въ настоящемъ рассказѣ упомянуть Ваше почтенное имя, такъ какъ Вашими добрыми мнѣніями о Бенни я старался подкрѣплять свое собственное мнѣніе о немъ, и потому первому Вамъ посылаю эту книгу съ просьбою принять ее. Чтобы сдѣлать эту повѣсть возможно полною, я, при вышшемъ изданіи, воспользовался Вашими указаніями на прежніе промахи и ошибки въ моемъ рассказѣ и дополнилъ кое-что съ Вашихъ словъ и со словъ П. Д. Боборыкина, а равно присовокунилъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ Бенни, напечатанныя въ трехъ номерахъ періодическаго изданія г-жею Якоби. Такимъ образомъ въ этой книжкѣ теперь собрано почти все, касающееся того «загадочнаго человѣка», который, при безвѣстности своего происхожденія и отсутствіи выдающихся и крупныхъ дарований, приобрѣлъ себѣ у насъ самую разнообразную извѣстность въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ и котораго потомъ неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого съ такимъ успѣхомъ, каковаго, къ сожалѣнію, не достигаютъ попытки установить настоящій взглядъ на Бенни. Но тѣмъ не менѣе, дѣлая еще одну и послѣднюю такую попытку, названную Вами въ почтенномъ письмѣ Вашемъ

ко мнѣ «дѣломъ хорошимъ и честнымъ», я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что отнынѣ клеветѣ, до сихъ поръ съ непоколебимою упорностію не позабывающей Артура Венин, уже придется имѣть противъ себя печатное свидѣтельство четырехъ человекъ, то-есть Ваше, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившаго мнѣ свое намѣреніе не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу паглядный образецъ, чѣмъ оно увлекается то въ ту, то въ другую сторону и какъ у насъ, благодаря шаткости общественнаго мнѣнія, составлялись и составляются репутаціи.

Есть люди, которые смотрятъ на напечатаніе моихъ воспоминаній о Венин совсѣмъ не такъ, какъ взглянули на это Вы и другія почтенныя лица, сочувствіе и одобреніе которыхъ мнѣ пріятно и дорого. Нашлись господа, которымъ хотѣлось бы, чтобы Артуръ Венин остался въ томъ самомъ убранствѣ, въ которое они его снарядили, сваливая всякую дрянь съ большой головы на здоровую. Я получалъ не только укоризны, но даже угрозы, не продолжать этой исторіи, но я ее продолжилъ, окончилъ и издаю въ свѣтъ отдѣльною книгою, предоставляя кому угодно видѣть въ этомъ прямой отвѣтъ мой на всѣ заявленныя мнѣ неудовольствія, а Вамъ я тутъ же, на первой страницѣ этой книги, позволяю себѣ припести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мнѣ Вашими строками. утвердивъ меня во мнѣніи, что моя попытка возстановить истину въ этой запутанной исторіи есть *дѣло честное*, къ которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще разъ прошу Васъ, принимая книгу, посылаемую при настоящихъ строкахъ, принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и увѣреніе въ моихъ почтительнѣйшихъ къ Вамъ чувствахъ, съ каковыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Лысковъ*.

С.-Петербургъ, июнь 1871 г.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИСТИННОЕ СОБЫТІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новѣстователи и романисты одного довольно страннаго литературнаго направленія долго рассказывали о какихъ-то неносѣдливыхъ людяхъ, которые все будто уѣзжали изъ Петербурга въ глубь Россіи и дѣлали тамъ какія-то «предпріятія»; но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ писателей этого односторонняго направленія не воспроизвелъ сколько-нибудь осязательнаго типа упомянутыхъ имъ предпринимателей, и тайна, въ чемъ именно заключаются такъ называемыя ихъ «предпріятія», остается для всѣхъ до такой степени тайною, что множество людей даже сомнѣваются въ томъ, были ли въ дѣйствительности самые предприниматели? Между тѣмъ, несомнѣнно, что «предприниматели» такіе—не совсѣмъ выдумка. Предприниматели, дѣйствительно, бывали, и вотъ одинъ изъ таковыхъ, не сочиненный и не измышленный, а живой, съ настоящимъ его именемъ и въ настоящемъ его свѣтѣ и значеніи.

Въ 1870 г. въ «Иллюстрированной Газетѣ» г. В. Зотова было напечатано извѣстіе о смерти нѣкоего *Артура Бенни*, человѣка, приобрѣвшаго себѣ нѣкогда въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ самую быструю и странную извѣстность. Онъ слылъ то за герценовскаго эмиссара и предпринимателя, то за англичанина и тайнаго агента одного изъ административныхъ русскихъ учреждений.

Газетное извѣстіе о смерти этого человѣка слово въ слово заключается въ слѣдующемъ: «Скончался Бенни, англійскій

поданный, высланный за границу (Россію), по опредѣленію правительствующаго сената. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, Бенинъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихкихъ изданіяхъ: «Русской Рѣчи», «Сѣверной Ичелѣ», «Книжномъ Вѣстникѣ». О немъ ходило много толковъ, такъ какъ никто не зналъ, зачѣмъ онъ прибылъ въ Россію. Нѣкоторые изъ этихъ толковъ были неблагопріятны для него. Въ послѣднюю Римскую кампанію онъ поступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ и убитъ при Ментанѣ».

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знавшій покойнаго Бенина за человѣка честнаго, вступился за оскорбленіе его памяти намекомъ, кинутымъ на нее упоминаніемъ о тѣхъ толкахъ, которые, по словамъ некролога, «были неблагопріятны для Бенина», и напечаталъ въ другой газетѣ, что покойный Бенинъ былъ человѣкъ чистый и неповинный въ томъ, что столь недостойно на него возводилось.

Вотъ и все краткое сказаніе о жизни и смерти человѣка, дѣятельность котораго въ Россіи не лишена самаго живого интереса и лучше всякаго вымышленнаго напразленскаго романа знакомитъ насъ съ характерами дѣятелей недавно минувашаго, безпокойнаго и оригинальнаго времени. Но, прежде чѣмъ мы дойдемъ до того рода дѣятельности Артура Бенина, которая давала поводъ досужимъ людямъ выдавать его то за герценовскаго эмиссара, то за шпіона, скажемъ два слова о томъ, кто таковъ былъ въправду этотъ Бенинъ, откуда онъ взялся на петербургскую арену и какими путями доходилъ онъ до избранія себѣ той карьеры, которою сдѣлался извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ русской сѣверной столицы.

Все, что далѣе будетъ слѣдовать за снмъ, изложено частью по личнымъ воспоминаніямъ автора и свидѣтельствамъ другихъ, исполнѣ достоверныхъ очевидцевъ, частью же по разсказахъ самого покойнаго Бенина, съ которымъ авторъ состоялъ въ долгихъ и впрочемъ дружескихъ отношеніяхъ, не прекращавшихся до высылки Бенина изъ Россіи. Авторъ не скрываетъ, что, печатая, можетъ-быть, нѣсколько рано этотъ свой очеркъ, онъ имѣетъ желаніе очистить честную память Бенина отъ возведенныхъ на него злостныхъ и безчестныхъ клеветъ. Авторъ проситъ вѣрить ему, что онъ не вынужденъ для оправданій Бенина прибѣгать ни къ какимъ утайкамъ и натяжкамъ, да это было бы и невозможно,

потому что въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы теперь еще слинкомъ много живыхъ людей, которыми исторія покойнаго Бенни известна, если не во всемъ цѣломъ, какъ она здѣсь излагается, то по деталямъ, изъ которыхъ сгруппировано это цѣлое. Ни лжи, ни лести здѣсь нѣтъ, да ихъ и не нужно: пусть гдѣ Бенни былъ ребячливъ и смѣиошъ, пусть онъ тамъ такимъ и останется, дѣло не въ его ребячливости или его серьезности, даже и не въ его умѣ, а въ его честности и отчасти въ занимательности и поучительности его странной судьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Артуръ Бенни убитъ въ самой цвѣтущей молодости. Ему и теперь не было бы еще 28 лѣтъ *). Изъкоторые въ Петербургѣ утверждали, что имя «Артура Бенни»—есть имя вымышленное, и что человекъ, который жилъ здѣсь, между насъ, подъ этимъ именемъ, есть *подольскій шляхтичъ Беннелавскій*: это вынустилъ въ Петербургѣ покойный г. Европеусъ. но это неправда. Артуръ Бенни *дѣйствительно былъ Артуръ Бенни*. Онъ родился въ Царствѣ Польскомъ, въ мѣстечкѣ Томановѣ-Равскомъ, гдѣ отецъ его, Юганшъ Бенни, былъ пасторомъ томановскаго евангелическаго прихода. Старикъ Бенни пользовался прекрасною репутаціею и умеръ въ 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло въ свѣтъ это правдивое повѣствованіе. У Артура Бенни остались также братья: старшій Германъ (внѣстѣдствіи томановскій пасторъ) и младшій Карлъ (медикъ, обучавшійся въ Парижѣ и нынѣ практикующій въ Варшавѣ). Кромѣ этихъ двухъ братьевъ, у него живы двѣ сестры—Лива и Марія. Все это настоящіе члены настоящаго, а не вымышленнаго, и весьма почтеннаго семейства покойнаго томановскаго пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило въ Польшѣ, домъ Бенни оставался всегда домомъ английскимъ; ихъ домашніе нравы, обычаи, все это было чисто английское, и английскій языкъ былъ ихъ домашнимъ языкомъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Артуръ Бенни былъ отвезенъ въ польскую гимназію, въ городъ Піотркови, и поступилъ прямо въ третій классъ. Это былъ первый выходъ

*) Писано въ началѣ 1870 года.

Артура Бени изъ дома своего отца — изъ того дома, въ которомъ онъ, живучи въ Польшѣ, могъ гораздо удобнѣе воображать себя римляниномъ, афиняниномъ или спартапцемъ, чѣмъ полякомъ, ибо воспитанный отцомъ своимъ, большимъ классикомъ, Артуръ Бени о Римѣ, Свартѣ и Аонпахъ зналъ въ это время гораздо больше, чѣмъ о Польшѣ. По разсказамъ покойнаго Бени (которыхъ онъ никогда не давалъ повода заноздрѣвать ни въ малѣйшей несправедливости), онъ въ домѣ отца своего советамъ не зналъ польскаго характера, а, придя въ соприкосновеніе съ своими польскими сверстниками въ піотрковской гимназій, не умѣлъ ни на чемъ сойтись съ ними и съ перваго же раза *не любилъ ихъ*.

— «Д,—говорилъ Бени:—услыхать отъ этихъ дѣтей ложь, хвастовство и льстивость, которыхъ я никогда не слыхалъ въ домѣ отца моего, гдѣ никто никогда не лгалъ и не лукавилъ. Притомъ у нихъ бывали часто такіе безстыдные разговоры, что это мнѣ было противно. А болѣе же всего я рѣшительно не могъ выносить высокомернаго и презрительнаго отношенія этихъ мальчиковъ къ простолюдиамъ, и особенно къ ихъ собственнымъ слугамъ, съ которыми у насъ въ домѣ всегда было принято обращеніе самое мягкое».

Бени былъ ребенокъ очень иѣжкий, впечатлительный и способный увлекаться до безконечности. Въ то самое время, когда имъ овладѣвало негодованіе на своихъ товарищей-мальчиковъ за ихъ высокомеріе съ простолюдинами, рядомъ съ этимъ въ его иѣжную душу задало безграничное сожалѣніе къ самимъ этимъ простолюдинамъ, которые сплюю обстоятельствъ поставлены были въ необходимость переносить господское высокомеріе. Что это за сила обстоятельствъ?—рабство и бѣдность, — бѣдность рабства и рабство бѣдности. (Такъ рѣшило себя дитя). Кто же создалъ такое положеніе? Для кого оно выгодно? Для кого оно пужно? Кто можетъ желать его сохраненія? Виновниками такого положенія выходили, разумѣется, помещики и вообще капиталисты. Иѣжкое и воспримчивое дитя, дойдя путемъ своихъ размысленій до такого рѣшенія, нашло въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ, для людей, создавшихъ такое положеніе другимъ людямъ, мѣсто непримиримой вражды, и съ тѣхъ поръ въ ребенкѣ росли всѣ необходимые задатки

для того, чтобы изъ него, подъ извѣстными вліяніями, со-временемъ могъ создаться настоящій, некрещенный и ревностный демократъ и социальстъ.

Обстоятельства этому благопріятствовали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ то самое время, когда Артуръ Бенин, собогъзнуи своимъ отроческимъ сердцемъ о неравномѣрности распре-дѣленія на землѣ правъ и богатствъ, ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ такихъ формъ общежитія, при кото-рыхъ бы возмущавшая его неравномѣрность не могла имѣть мѣста, — въ Польнѣ стояло много русскихъ войскъ, и одинъ полкъ, или одинъ отрядъ ихъ были расположены въ Піотрковѣ. Нѣсколько солдатъ изъ этого отряда квартиро-вали въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ ученикъ Артуръ Бенин. Случилось такъ, что когда опъ, вообще чуждавшійся въ то время своихъ товарищей, сидѣлъ однажды на дворѣ, гдѣ играли его сверстники, на этотъ же дворъ вылозтъ подышать воздухомъ какой-то больной русскій солдатъ, и легъ на солнышкѣ, на кучѣ сваленныхъ на дворѣ бревенъ. Расшавившіеся польскіе мальчики, товарищи Бенин, замѣ-тивъ обезсиленнаго, больного русскаго солдата, стали кидать въ него мячемъ. Мальчики дѣлали это какъ-будто неша-рочно; но Бенинъ зналъ, что они это дѣлаютъ съ умысломъ, чтобы досаждать больному. Благовоспитанному сыну тома-шовскаго пастора такой поступокъ представился крайне неблагороднымъ. Бенинъ не вытерпѣлъ и сказалъ товари-щамъ, что они поступаютъ дурно и «не по-рыцарски». Мальчики отвѣчали ему, что онъ самъ ужъ «за nadto gusecz» (черезчуръ рыцарь), что онъ, какъ полякъ, не дол-женъ поступать по-рыцарски съ москалемъ.

— А я, —разсказывалъ, смѣясь, Бенин: —полный въ то время прочитанныхъ мною повѣстей о славныхъ рыцарихъ и великихъ людяхъ древнихъ и новыхъ временъ, всегда по-ставлялъ себѣ задачею подражать этимъ людямъ. У насъ, въ нашемъ томашовскомъ саду, были и свои замки, и свои рыцарскіе уставы, и все мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнувъ дорожить «ры-царствомъ», я вснылилъ, что будто можно быть «рыцаремъ черезчуръ». Миѣ этотъ солдатъ, изъ-за котораго началось дѣло, конечно, былъ совсемъ чужой человекъ по всему;

но тутъ я вдругъ просто полюбилъ его. «Москаль не стоить сожалѣнія»... Миѣ сейчасъ же припомнилась извѣстная американка, которая сказала, что если хотя три человека будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ аду, то она будетъ просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя отъ гнѣва, отвѣтилъ, что если, будучи полякомъ, нельзя быть рыцаремъ, то я лучше не хочу быть и полякомъ»...

— Впрочемъ,—продолжалъ Бенни:—я, и успокоясь, не чувствовалъ особенной опрометчивости въ этомъ отвѣтѣ. Послѣ миѣ только было досадно, что я оскорбилъ національное чувство моихъ товарищей, но самъ для себя я не чувствовалъ никакой неловкости отъ того, что отрекся быть полякомъ. Я, напротивъ, былъ очень радъ почувствовать послѣ этой сцены, что не имѣю рѣшительно никакихъ національныхъ пристрастій и что у меня *нѣтъ никакого отечества* — что для меня просто милы и дороги люди, — что я люблю все скорбящее и бѣдствующее чело-вѣчество.

Такимъ образомъ юный демократъ и социалистъ отыскалъ въ себѣ и еще одно новое свойство, пригодное для воспитанія въ немъ совершеннѣйшихъ социалистическихъ симпатій: онъ былъ *космополитъ* и (что всего рѣже) Бенни былъ космополитъ самый искренній, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитомъ? Отецъ Бенни (извѣстный гебраистъ) жилъ въ землѣ чужой, и родство у Бенни по мужской линіи было сврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, гдѣ ей довелось жить; онъ самъ родился въ Польшѣ, странѣ, подвластной Россіи и ненавидящей ее, — какое, въ самомъ дѣлѣ, могло быть отечество у такого, такъ сказать, беспочвеннаго гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданиномъ вселенной*, — онъ такъ себя и чувствовалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Усвоивъ себѣ эти чувства, Бенни не сталъ скрывать ихъ отъ своихъ пблскихъ товарищей, и, въ доказательство своего равнодушія къ патріотической польской петеримости, часто ходилъ бесѣдовать съ квартировавшими съ нимъ на одномъ дворѣ русскими солдатами. Отъ одного изъ этихъ

солдаты онъ узналъ, что въ Россіи есть такая вещь, какъ *общинное владѣніе землею* у вольныхъ крестьянъ. Бенин это поразило! Та форма общенія, о которой онъ мечталъ и которую собирался отыскивать, была уже открыта, и притомъ открыта простыми людьми и людьми той національности, которую вокругъ него всё не уважали, называли варварскою и всячески ее порочили и осуждали. За что же осуждать такой народъ, который любитъ и удерживаетъ такія, какъ находилъ мальчикъ, безиримѣрно хорошія учрежденія? Бенин, напротивъ, почувствовалъ съ этого времени симпатію къ Россіи и весь предался изученію русскаго языка и русской исторіи.

— Въ классѣ надо мною за это смѣялись,—говорилъ покойникъ: — и даже строго осуждали мое вниманіе къ Россіи; но дома, прѣвзжая на каникулы, я весь отдавался моему любимому чтенію объ этой странѣ съ такимъ восхитительнымъ земельнымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, при безпрерывномъ чтеніи, Бенин дочитался до болѣе ясныхъ опредѣленій русской круговой поруки, общины и артели (которыми, здѣсь можно кетати сказать, покойный всегда бредилъ, идеализировалъ ихъ и никогда не понималъ ихъ какъ слѣдуетъ).

— Не знаю,—говорилъ Бенин:—и не понимаю, что за критическій взглядъ проводился на эти формы русской жизни тѣми заграничными писателями, у которыхъ я все это вычиталъ; но помню, что и артель, и община, и круговая порука мнѣ нравились все болѣе и болѣе, и я съ одной стороны старалъ нетерпѣвнѣе увидать, какъ живутъ люди въ общинѣ и въ артели, а съ другой—приходилъ въ отчаяніе, какъ честные люди всего міра не видятъ преимуществъ такого устройства передъ всякими иными организаціями? Я былъ твердо убѣжденъ, что русская община современемъ будетъ понята и усвоена всѣмъ міромъ, и тогда на свѣтѣ будетъ конецъ пролетариату. Я рѣшилъ и всегда потомъ чувствовать, что отсюда начнется исполненіе пророчества Іезекіиля о приближеніи времени, когда «всѣ мечи раскуютъ на рала». *«Жизнь мою, говорилъ Бенин:—я тогда же опредѣлилъ положить за успѣхъ этой задачи».*

Все это такъ и осталось вѣчною его задачею, къ осуществленію которой онъ постоянно рвался горячо, искренно, со

вѣтъ ниломъ настоящаго фанатика и со всею безтактностью юнаго теоретика.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Артуръ Бени окончилъ гимназическій курсъ очень рано, чуть ли не 15-ти лѣтъ, и былъ посланъ для продолженія своего образованія въ Англію, подъ надзоръ одного изъ братьевъ своей матери. Въ Лондонѣ онъ доучился и потомъ поступилъ въ англійскую службу инженеромъ, въ вильвичскій арсеналъ.

— Миѣ жилось бы прекрасно,—говорилъ Бени:—если бы для меня *«прекрасно»* выразалось въ томъ, что у меня есть все нужное, а впереди — ровная, хорошая служебная карьера; но такая жизнь была далека отъ моего идеала жизни».

Русскія симпатіи Бени повлекли его въ Лондонѣ къ сближенію съ тогдашнимъ лондонскимъ русскимъ революціоннымъ кружкомъ. Бени познакомился съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеромъ), съ Бакунинымъ, съ Огаревымъ, съ возвратившимся послѣ на родину и писавшимъ свои покаянія эмигрантомъ Василиемъ Ивановичемъ Кельсиевымъ и со многими другими революціонными людьми, группировавшимися въ то время въ Лондонѣ вокругъ Герцена. Въ домѣ Герцена Бени былъ принятъ пріятельски и, кромѣ того, давалъ нѣкоторое время какіе-то уроки дочери покойнаго Герцена, Ольгѣ Александровнѣ,—кажется, онъ училъ эту молодую дѣвушку языкамъ, такъ какъ онъ, при хорошемъ общемъ классическомъ образованіи, былъ большой и довольно просвѣщенный лингвистъ. О томъ же, какъ онъ долженъ былъ казаться пріятнымъ дѣтямъ, нечего и говорить, такъ какъ это былъ человекъ образцовой мягкости, благовоспитанный, нѣжный, честный, много начитанный, беззавѣтно веселый и безповоротливо самоотверженный. Однимъ словомъ, герой для самаго восторженнѣйшаго романа!

Сближеніе юнаго, пылкаго и рѣшительнаго Артура Бени съ герценовскимъ кружкомъ имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія судьбы пылкаго юноши.

Слѣдуетъ не забывать, что все то, о чемъ мы разсказываемъ, для Бени возымѣло свое начало еще въ эпоху бывшаго въ Россіи крѣпостнаго права, которому хотя тогда и

паступили уже послѣдніе дни, но кончинѣ котораго даже и здѣсь, въ Россіи, еще плохо вѣрилось. Въ Лондонѣ же тогда всевластно господствовало убѣжденіе, что единственный путь спасенія Россіи отъ крѣпостнаго права, злосудія и произвола есть социально-демократическій переворотъ, а переворотъ этотъ надо произвести посредствомъ народнаго возстанія противъ правительства и при этомъ порѣшить помещиковъ. Однимъ словомъ—это относится еще къ порѣ столь памятнаго, хотя совсѣмъ не безпристрастно растолкованнаго герценовскаго воззванія: «къ топорамъ!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Такъ какъ вся революція, которая считалась нѣкими тогдашними нашими политиками столь необходимою и сбыточною, и замыслилась будто бы на пользу тѣхъ великихъ формъ русской народнои жизни, въ которыя былъ сентиментально влюбленъ и о которыхъ мечтали и грезилъ Артуръ Бенни, то онъ, какъ боевой конь, ждалъ только призыва, куда бы ему броситься, чтобы умирать за народную общину и артельную Россію, въ борьбѣ ея съ Россією дворянскою и мопархическою. Въ Лондонѣ же, изъ тамошнихъ русскихъ революціонныхъ людей, настоящихъ охотниковъ столь рьяно и безразсечно искать смерти за мужицкую Русь не находилось, или, по крайней мѣрѣ, они не выступали. Тогда еще только *говорили*, а ничего не *дѣлали*. (Поездки въ Норвегію Герцена-сына и Бакунина, равно какъ и пріѣздъ въ Россію Василья Кельсиева съ наспортомъ турецкаго подданнаго Янина—все это дѣла дней позднѣйшихъ). Въ то же время, котораго это касается, опять повторяю, въ Лондонѣ *только говорили* о революціяхъ *да писали*, а къ дѣламъ вовсе не приступали. Петербургливаго юношу Бенни это чрезвычайно огорчало: онъ становился безпокоенъ, назойливъ, рвался и напрашивался на дѣло. Онъ вообще былъ не изъ говоруновъ, и фразерства терпѣть не могъ, а потому, чтобы избавиться отъ его порывовъ къ дѣлу, его непременно надо было или пускать въ ходъ, или скорѣе вовсе съ рукъ спустить. Можно полагать, что Бенни своею пылкостью и назойливостью началъ надѣлать своимъ русскимъ лондонскимъ друзьямъ, но самъ онъ, тогда нетерпѣливо ожидая похода на Россію, ничего этого не замѣчалъ. Онъ только томился передъ во-

просами: «когда же? и скоро ли?» Но тѣ, къ кому приступалъ онъ съ этими вопросами, сибѣшили потихоньку и только ораторствовали въ интимныхъ бесѣдахъ и на большихъ выходахъ. Эта медлительность и равнодушіе лондонскихъ революціонныхъ зачинщиковъ повергала Бенинъ въ отчаяніе. Онъ тѣмъ больше кипятился, что въ это время въ Россіи правительство уже освободило крестьянъ съ земельными надѣлами, задумало дать гласный судъ и ввести другія реформы, при которыхъ доказывать русскимъ людямъ настоятельную необходимость революціи становилось день-отодня все труднѣе и труднѣе. Въ это время, какъ нарочно и какъ на горе Бенинъ, подвернулся слѣдующій незначительный случай. Одинъ русскій сибирскій купецъ прибылъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Лондонъ. (Имя его—секретъ Полишинеля). Проѣздомъ черезъ Парижъ онъ тамъ схороводился кое съ кѣмъ изъ русскихъ распространителей «Колокола»; разболтался съ ними, разлиберальничался и, столкнувшись потомъ съ ними въ Лондонѣ, гдѣ они желали представиться Герцену, онъ и самъ ощутилъ въ себѣ потребность исполнить эту церемонію. Представившись Герцену, заѣзжій сибирякъ познакомился черезъ него съ прочими людьми лондонской революціонной семьи, собиравшейся у Герцена при его большихъ выходахъ. Въ числѣ этихъ новыхъ знакомствъ сибирскаго гостя оказался и Артуръ Бенинъ. Увлечшись заманчивостью своего новаго положенія и находясь подъ обаяніемъ ласкъ самого Герцена (чѣмъ тогда дорожили и не такіе люди), сибирскій купецъ на время позабылъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ говорится, «по своимъ дѣламъ», а вовсе не для того, чтобы вертѣться около г. Герцена. Онъ началъ добродушно лисить передъ всеми людьми герценовскаго кружка и, съ свойственною русскому человѣку лукавинкою, сейчасъ смекнулъ, какъ ему здѣсь держать себя, чтобы на него глядѣли лучше. Онъ сталъ говорить, что прибылъ въ Лондонъ именно съ тѣмъ единственно, чтобы завязать здѣсь съ самимъ Александромъ Ивановичемъ и съ его вѣрными людьми хорошія и прочныя связи на жизнь и на смерть, и затѣмъ, уѣхавъ въ Сибирь, служить оттуда, изъ дома, тому самому дѣлу, которому они служатъ здѣсь, въ Лондонѣ.—«Дескать, поручите мнѣ что вамъ угодно: перепечатывать ли тамъ, въ Сибири, герценовскій «Колоколъ»,—

будемъ «Колоколъ» перепечатывать; или издавать прокламаціи, какихъ потребуютъ обстоятельства, и на это, говорить, готовы: прокламаціи будемъ издавать».

Однимъ словомъ, готовы человѣкъ вести въ Сибири соціально-демократическую пропаганду и рыть подкопы противъ существующаго правительства, которое (какъ тогда было рѣшено) освободило крестьянъ скверно, и само ничего не способно разрѣшить удовлетворительно и сообразно съ выгодами народа.

Въ Лондонѣ предпочли всему одобрить перепечатку «Колокола» и распространеніе его въ Сибири. Сибирякъ съ полною готовностью взялся и за то, и за другое, и завѣрялъ, что Сибирь непременно очень скоро взбунтуется.

Одного сибирскому соціалисту яко-бы недоставало: грамотнаго, представительнаго и смѣлаго человѣка, который бы взялъ на себя трудъ по затѣянной перепечаткѣ въ Сибири «Колокола». Купецъ, раскинуевъ здравымъ умомъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что охотника взяться за такое дѣло въ Сибири, въ числѣ живущихъ въ Лондонѣ людей, конечно, не найдется ни одного, и онъ только цовздыхаетъ передъ лондонцами своими гражданскими вздохами, что «вотъ все бы-де такъ; я на все готовъ, но людей нѣтъ», да все и тѣмъ и покончится.

— Такъ, молю, это Господь милосердый и пронесетъ, и вернемся мы оиать къ своимъ дѣламъ и станемъ жить да поживать, да добро наживать. Надую, молю, всѣхъ васъ въ одно слово, да и только.

Но не тутъ-то было: купецъ промахнулся. Онъ все соображалъ, прикидывая всѣхъ на масштабъ тѣхъ революціонеровъ, какихъ ему случилось видѣть въ Россіи и частію въ Парижѣ, а не зная, какіе антики водятся въ Лондонѣ.

На этомъ его Богъ и попуталъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не успѣлъ купецъ понечаловаться, что онъ не имѣеть человѣка для перепечатыванія въ Сибири «Колокола», какъ ему сейчасъ же съ оинка былъ предложенъ для этого дѣла человѣкъ, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россію. Человѣкъ этотъ былъ Артуръ Бенинъ.

Купцу-соціалисту, захваченному такою панастыю врас-

плохъ, въ Лондонѣ некуда было отъ этого попятиться. Онъ увидалъ, что попался очень крупко, но тотчасъ же понялъ, что отвыраться ему неловко, и что пока онъ здѣсь, въ Лондонѣ, ему надо себя выдержать. Онъ рѣшился принять предложеннаго ему революціоннаго агента и провезть его съ собою въ Россію, въ качествѣ инженера, нужнаго будто бы для его сибирскихъ фабрикъ и заводовъ. Артуръ Бенин торжествовалъ. Онъ радостно прощался съ Англіею и оставилъ безъ малѣйшаго сожалѣнія свое мѣсто при вульвичскомъ арсеналѣ, гдѣ онъ получалъ около 500 фунтовъ жалованья (по позднѣйшему курсу около 5000 р. с. на наши деньги). Артуръ Бенин досталъ себѣ англійскій паспортъ, въ которомъ значился «*натурализованнымъ англійскимъ субъектомъ*», и снарядился въ путь съ своимъ русскимъ принципаломъ въ Россію.

Купецъ отпльвалъ съ Бенин совершенно спокойно, потому что у него уже было столько же простой, сколько оригинальный и вѣрпый планъ, какъ ему развязаться и съ транспортируемымъ имъ революціонеромъ, и со всею задуманною въ Лондонѣ революціею въ Сибири.

Перевалившись на континентъ Европы, сибирякъ, которому принастили Артура Бенин, тотчасъ же нѣсколько попустилъ съ своихъ плечъ революціонную хламиду. Прежде всего во Франціи онъ захотѣлъ, что называется, «пожуровать своею жизнью». Дѣвственный Бенин былъ для этого самый плохой компаніонъ: онъ не любилъ и даже не выносила вида никакихъ оргій, самъ почти ничего не пилъ, въ играхъ ни въ какихъ не участвовалъ, легкихъ отношеній къ женщинамъ со стороны порядочныхъ людей даже не допускалъ, а самъ и вовсе не зналъ плотскаго грѣха и считалъ этотъ грѣхъ большимъ преступленіемъ нравственности (Артуръ Бенин былъ *двѣстесникъ*,—это извѣстно многимъ близко знавшимъ его лицамъ и между прочимъ одному уважаемому и нынѣ весьма извѣстному петербургскому врачу, г. Г—му, пользовавшему Бенин отъ тяжкихъ и опасныхъ болѣзней, причина которыхъ лежала въ его *двѣстесности*, боровшейся съ пламеннымъ темпераментомъ его пылкой, почти жгучей патуры). Купцу же, въ свою очередь, не нравилось такое цѣломудріе, и онъ безъ церемоній говорилъ Бенин:

— Экой же ты, братъ, шутъ, что не знаешь ты самого

хорошаго, безъ чего жить нельзя! Ты примѣрайся, а то мы такихъ не любимъ.

Артуръ Бенинъ, дорожа своимъ русскимъ революціонеромъ, скрѣпя сердце, отнучивался, праву его не препятствовать, и заочевали они съ нимъ изъ столицы въ столицу Европы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Купецъ раснелся и безобразничалъ, — Бенинъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на его дикія оргіи, но все терпѣлъ. Переносилъ изъ страны въ страну, купецъ даже нашелъ средство извлекать себѣ изъ слѣдовавшаго за нимъ Бенина изрядную пользу. Онъ отпустилъ въ Парижъ своего наемнаго переводчика, котораго до сей поры возилъ съ собою, и обратился къ переводчику Бенина, разумеется, безъ всякаго ему за это вознагражденія.

Купецъ не свѣшилъ въ Россію, а Бенинъ слѣдуя за нимъ, прокаталъ почти все свои небольшія деньги и все только удивлялся, что это за странный закалъ въ этомъ русскомъ революціонерѣ? Все онъ только ѣсть, пьеть, мечеть банки, рѣзать штоссы, раздѣвастъ и одѣвастъ лоретокъ и только между дѣломъ иногда вспомнить про революцію, да и то вспомнить для шутки: «А что, молъ, скажешь, какъ, милый баринъ, наша революція!»

Будь на мѣстѣ Артура Бенина сопутникомъ этого сибирскаго кунца какой хотите не совѣтъ безголловый чловѣкъ, не нашингованный и не наученный лондонскими знатоками русскаго народа видѣть въ каждой наглости, грубости и глупости простаго русскаго чловѣка черту особыихъ, одному русскому простолюдину свойственныхъ, высокиихъ качествъ, этотъ чловѣкъ давно бы увидѣлъ, что его дурачить дуракъ и бросилъ бы этого дурака посреди его дороги. Но Бенинъ уже такъ было наказано, что революціонистѣ русскаго раскольника вѣтъ никого въ мірѣ, и что какъ онъ, этотъ раскольникъ, по своей непосредственности, ни чуди и ни юродствуй, а уже противъ него никто не постоитъ ни въ умѣ, ни въ твердости, ни въ разсудкѣ. Въ то наивное время такъ вѣрили и не въ одномъ Лондонѣ. Такъ точно вѣрилъ и протодушный Бенинъ и все терпѣлъ отъ своего безобразника; но, наконецъ, кунцу надоѣло раздѣзкать да ньянствовать; подходило время ѣхать домой. На пути въ

Росію ему оставался одинъ нѣмецкій Берлинъ; нужно было только взять на желѣзной дорогѣ сквозной билетъ въ Росію, и переводчикъ съ иностранныхъ языковъ купцу больше не нуженъ. Купецъ взглянулъ на Бенни и рѣшилъ, что уже тутъ пора ему съ нимъ и кончить.

— Думалъ-было я его сбросить, гдѣ пошло, по дорогѣ,— разсуждалъ сибирякъ:— да поманулося мнѣ, что онъ на всѣ языки знаетъ, и завезъ его вотъ какъ далеко.

Тогда сибирскій социалистъ, много не обинюясь съ Бенни, сказалъ ему: «Куда же это мы теперь съ тобою, милый баринъ, подѣхали?»

— Мы въ Пруссіи,—отвѣчалъ Бенни.

— Знаю, что въ Пруссіи, да кой насъ, прости Госноди, дукавый вмѣстѣ сюда занесъ? Вѣдь изъ самой изъ этой Пруссіи летятъ къ намъ гуси нашу пшеницу клевать.

— А что?—спросилъ удивленный Бенни.

— Да вѣдь говорю же тебѣ *что*. Да еще вонъ я теперь вспомнилъ, что ихъ король-то съ нашимъ государемъ и по сейчасъ въ родствѣ!

Изумленный Бенни смотрѣлъ на своего спутника недоумѣвая, что онъ хочетъ этимъ сказать, и, наконецъ, спросилъ его, что же такое изъ этого слѣдуетъ, что прусскій король въ родствѣ съ русскимъ государемъ?

— А то слѣдуетъ,—отвѣчалъ купецъ:— что ѣхалъ бы ты теперь, нѣмчикъ, отсюда назадъ.

— Какъ назадъ?—спросилъ съ удивленіемъ произведенный въ нѣмчики Бенни.

— А такъ, что вѣдь тебѣ у насъ по настоящему дѣлать совсѣмъ нечего: я съ тобою не поѣду, да и всего этого, что я вамъ говорилъ, ничего не будетъ,—объявилъ онъ Бенни и добавилъ, что все, что онъ тамъ въ Лондонѣ разсказывалъ, то это было какъ во снѣ, и онъ самъ ничего этого теперь не вспомнить.

— А къ тому же,—говорить,—мы и сами въ своемъ мѣстѣ не послѣдніе капиталисты, и насъ-де и хорошіе люди, благодаря Бога, не за пустыхъ людей почитаютъ, да есть, молъ, у меня и жена, и дѣти; ну, однимъ словомъ, не хочу дѣлать революцію да и все тутъ, и ступай, нѣмчикъ, назадъ.

Бенни сталъ уговаривать купца, чтобы онъ хоть только къ своимъ дѣламъ его въ Сибирь взялъ.

— Итъ, и этого,—говорить,—душа моя, никакъ невоз-

можно: потому у меня братья — простецы, необразованные; имъ этихъ нашихъ съ тобою политическихъ дѣловъ ни за что не понять... Итъ, и не собирайся, ни за что нельзя.

Венни пустился уговаривать его, что никакихъ политическихъ предпріятій въ ихъ домъ не разовьетъ, что онъ только хочетъ взглянуть на Сибирь и познакомиться съ нею; но сибирякъ сталъ на своемъ, что и этого нельзя, да и не стоитъ.

— Чего ес,—говорить,—и смотришь, Сибирь-то? Ёе у насъ только поневоля, за наказанье смотреть, сторопа ссыльная, да глухая, а у меня онятъ тоже и матушка съ батюшкою такіе же люди старозаконные; а ты, кто тебя знаешь, какой вѣры; они съ тобою за столъ не сядутъ, а тамъ еще, помилуй Богъ, что откроется...—Итъ. Въ общемъ выводѣ выходитъ онятъ: «ступай, иѣмчикъ, назадъ, да и все тутъ».

— Вѣдемте же, по крайней мѣрѣ, хоть вмѣстѣ въ Россію?—уговаривалъ его Венни; но купецъ и отъ этого отказался и самымъ рѣшительнымъ образомъ запротестовалъ противъ того, что Венни везетъ на себѣ множество листовъ «Колокола», съ которыми его могутъ поймать на границѣ.

— По вѣдь это все только меня будетъ касаться, а не васъ,—отвѣчалъ агитаторъ.

— «*He васъ*»,—отозвался купецъ.—Ага! вы вѣдь думаете, что у насъ, небось, какъ у прочихъ, какъ въ Англии, слабости въ начальствѣ-то! Итъ-съ, у насъ на это честно: у насъ, какъ прижучать, такъ вы тогда и про меня скажете. А мы съ вами давай лучше добромъ здѣсь разстанемся; вотъ почесломкаемся, да и бывайте здоровы. Ей-Богу, такъ лучше.

Венни посмотрѣлъ на своего партнера и холодно отвѣчалъ ему, что ему итъ дѣла до его соображеній, и что онъ все-таки поѣдетъ въ Россію.

— Да вы, пожалуй, если охота пропадать, такъ и поѣзжайте,—говорилъ купецъ.—Только вмѣстѣ намъ ѣхать не надо; а то поѣзжайте.

Венни еще суше замѣтилъ, что онъ поѣдетъ, когда захочетъ.

— А ну, если вы отъ меня тутъ добромъ по отстанете и поѣдете вмѣстѣ со мною,—зарѣшилъ купецъ:—такъ я,—вотъ рука отсохни,—какъ на границу взѣду, сейчасъ и укажу, чтобы васъ обыскали.

Бенни понял все значеніе этой угрозы и отсталъ отъ своего политическаго русскаго единомышленника въ Берлинѣ.

— Послѣ отхода поѣзда, съ которымъ уѣхать мой купецъ,—говорилъ Бенни:—я, признаюсь, долго думалъ: зачѣмъ же этотъ человѣкъ взманивалъ меня, зачѣмъ онъ меня везъ, и что это такое онъ теперь сдѣлалъ? Я ничего этого не могъ себѣ разрѣшить и чувствовалъ только, что, вѣроятно, еще ни одинъ революціонеръ въ мірѣ не былъ поставленъ въ такое смѣшное, глупое и досадное положеніе, въ какое поставленъ былъ я. Я былъ жалокъ самому себѣ и самого себя ненавидѣлъ; но возвращаться не хотѣлъ. Меня словно что-то роковое неодолимо тянуло въ Россію.

Возвращаться назадъ въ Лондонъ Бенни, кромѣ того, казалось чрезвычайно смѣшнымъ и даже невозможнымъ, да и къ тому же, какъ сказано, онъ хотѣлъ видѣть Россію. Теперь посмотрѣть Россію ему казалось даже еще необходимымъ, потому что ему хотѣлось удостовѣриться: много ли въ Россіи сибирскихъ купцовъ, въ родѣ его дорожнаго спутника, и познакомиться съ тѣми лучшими петербургскими людьми, изъ которыхъ онъ съ одними встрѣчался у Герцена, а о другихъ много слышалъ какъ о людяхъ развитыхъ, серьезныхъ, умныхъ и держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ нити русской социальна-демократической революціи. Стало-быть, стоить доѣхать въ Петербургъ, сойтись съ этими людьми, и снова можно попасть другимъ путемъ въ то же самое дѣло. Бенни такъ рѣшилъ и съ остатками своихъ деньжонокъ махнулъ изъ Берлина въ Россію участвовать въ дѣльницѣ социальна-демократической революціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люди, къ которымъ Бенни явился въ Петербургѣ, первоначала очень обрадовались такому гостю. Свелъ Бенни съ этою партіею нѣкто умершій подъ арестомъ въ крѣпости акцизный чиновникъ Пичишоренко, а къ Пичишоренкѣ Бенни явился потому, что звалъ объ этомъ жалкомъ и въ то же время роковымъ человѣкѣ отъ В. П. Кельсена, съ которымъ Пичишоренко былъ товарищъ по неситанію въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и поддерживалъ перепискою съ нимъ непрерывныя сношенія. Здѣшніе молодцы (теперь уже одни старцы, а другіе покойники), съ

которыми Пичиноренко свелъ Бенини, приютили его и безъ мѣры радовались, что къ нимъ прибылъ «герценовскій эмиссаръ». Другого имени Бенини не было, и отсюда онъ такъ и пошелъ *герценовскимъ посланцемъ*, пока потомъ тѣми же самыми людьми былъ объявленъ *шпиономъ*.

Бенини до самой послѣдней минуты утверждалъ, что онъ никогда и нигдѣ не выдавалъ себя за герценовскаго посла, и не знаетъ, *кто первый* выпустилъ этотъ слухъ; но съ другой стороны утверждалось, что онъ будто когда-то называлъ себя этимъ титуломъ, и это было поводомъ ко многимъ несприятностямъ для горячаго и легкомысленнаго юноши (Бенини впоследствии два раза писалъ Герцену и просилъ его вступиться за него и оправдать его, но Герценъ этого не сдѣлалъ. Почему? Бенини говорилъ, что Герценъ не хотѣлъ нарушать согласія въ здѣшнихъ кружкахъ, и это было источникомъ многихъ горестивѣйшихъ для Бенини минутъ).

Но вотъ и здѣсь, въ Петербургѣ, съ Бенини открылась та же забота, что была съ нимъ въ Лондонѣ: эмиссару надо дать занятіе, достойное герценовскаго посла: надо было показать ему, что вся русская революція, о которой тогда били тревогу за границу, тутъ уже совсѣмъ на мази, что все здѣсь и ключомъ кипитъ, и огнемъ горитъ, и что еще денекъ-другой, да и «завтра бой». А между тѣмъ дѣль-то, собственно говоря, какъ извѣстно, не было почато никакихъ, да и никто не зналъ, какъ ихъ еще и починаютъ. Знали, что во время революціи люди сходятся на площадяхъ, и вздумаютъ: «можетъ-быть, и намъ бы на площадь?» и сошлются сойтись на площадь. А какъ опять это администривировать, чтобы сойтись на площадь, даже и объ этомъ не было ни у кого ни малѣйшаго понятія.

Все, что умѣли дѣлать тогдашніе революціонеры, заключалось развѣ въ томъ, чтобы, ѣдучи съ извозчикомъ, наговорить ему, сколь много стѣбитъ армія, или чего стѣбать дворцы; или же дать солдатикѣ почитать «Колоколъ». Больше же никто ничего не умѣлъ дѣлать, чѣмъ вопли и объясняется, что въ романахъ и повѣстяхъ, гдѣ выводились люди, устраивающіе революцію, глухо говорилось, что люди эти *полагали дѣлать предпріятіе*, а какъ это «предпріятіе» надо дѣлать?—того никто не зналъ. Гораздо спустя, только уже у позднѣйшихъ далѣе развившихся писателей встрѣчаемъ, что *предпріятіемъ* ишыряютъ по городамъ, сидятъ гдѣ-то въ

свободахъ и все *пишутъ до-бъла свѣта*, но и эти позднѣйшіе писатели все-таки опять не могли придумать, что такое именно пишутъ ихъ предприниматели, и оттого эти герои ихъ опытному человѣку всего болѣе напоминали собою нарочныхъ чиновниковъ, секретно повѣряющихъ ревизскія сказки. Артуръ же Бени, несмотря на свои юные годы, былъ въ революціонныхъ дѣлахъ человѣкъ, если не очень опытный, то, по крайней мѣрѣ, наслышанный и начитанный: онъ видать въ Лондонѣ избраннѣйшихъ революціонеровъ всѣхъ странъ и теоретически зналъ, какъ у людей распускаютъ революціи, и что для этого нужно. Первое, что онъ присовѣтовалъ своимъ новымъ политическимъ друзьямъ (Н. Курочкину, В. Якушкину и С. Громеко), заключалось въ томъ, чтобы они пробовали отъ времени до времени дѣлать примѣрные «маневры». Его долго увѣряли, что этого вовсе не надо, что у насъ это все сдѣлается безъ всякихъ плановъ и маневровъ; но онъ, однако, упрямилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ назначенный день и часъ всѣ люди, преданные въ Петербургѣ дѣлу революціи и готовые къ ней, проишли по одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ площадей. Падъ этимъ смѣялись, находя все это совершенно ненужнымъ: увѣряли, что у насъ и на козла посмотрѣть тысячи народу собирается; но, однако, изъ снисхожденія къ прихоти англичанина сдѣлали для него распоряженіе о маневрахъ.

— «Англичанинъ — да, эксцентрикъ, — пусть-де его тѣшится!»

Ни одному изъ хитрыхъ людей, недоумѣвавшихъ, зачѣмъ лужень Бени этотъ смотръ, и въ голову не бросилось, что англичанинъ не прихотничаетъ, а просто хочетъ повѣрить самимъ ихъ, революціонеровъ.

Сколько молъ ихъ? Не лгутъ ли они?

Маневры были назначены, и на нихъ явилось *три человека* по шифротеріи (въ томъ числѣ Громеко) и *два* на извозникѣ, чтобы легче удирать (они-таки, поворотили, и далеко удрали, *но съ гору*, а не подъ гору, куда скатился злополучный эмиссаръ. произволившій имъ смотръ, стоя у магазина Даціаро). Бени пересчиталъ всѣхъ пятерыхъ храбрцовъ, рискнувшихъ пройтись и проѣхаться, и нашелъ, что наличная революціонная армія еще не довольно сильна, чтобы вступать въ открытыя бои съ императорскими вой-

сками, и притомъ довольно плохо дисциплинирована. Бенини понималъ, что хозяева его лгутъ, что въ Петербургѣ по революцію еще и кони не сѣданы и что все, что въ Лондонѣ и здѣсь рассказываютъ о близости революціи въ Россіи, есть или легкомысленный обманъ, или злостная ложь.

Послѣ этого смотра, или этихъ маневровъ, и Бенини, и тѣ, кто долженъ былъ репрезентовать чужеземному революціонеру домашнія русскія революціонныя силы, внезапно почувствовали, что имъ стало не совсѣмъ ловко смотрѣть въ глаза другъ другу.

Неудачность маневровъ старались приписать тому, что Бенини новое лицо, и что ему не всѣ довѣряются: Бенини показавъ, что онъ этому вѣритъ; но онъ прекрасно понималъ, что это одна увертка. Теперь онъ, при всей своей дѣтской довѣрчивости, видѣлъ уже и то, что люди, бредящіе въ Петербургѣ революціею, совсѣмъ люди не того закала, какой требуется для революцій, и отписавъ объ этомъ со всею искренностію, кому находилъ нужнымъ, въ Лондонъ. По поводу писемъ, въ которыхъ все это было описано и которыхъ недаромъ имѣли основанія бояться здѣшніе революціонеры, произошла исторія. Бенини долго выкидалъ случаи отираивать эти письма съ благонадежнымъ человѣкомъ. Здѣшніе революціонеры навязчиво предлагали ему свои услуги для отираивки этихъ писемъ: имъ хотѣлось или совсѣмъ удержать ихъ у себя, или, по крайней мѣрѣ, подпечатать ихъ и ирочность. Бенини очень легко провидѣлъ эту хитрость. Онъ принялъ эти услуги, но не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы только испытать людей, съ которыми ему довелось имѣть дѣло. Онъ отослалъ свои письма въ Лондонъ съ знакомымъ ему англійскимъ шкиперомъ, а написалъ два другія малозначащія письма, для передачи его родственникамъ, и эти-то два письма и вручилъ своимъ петербургскимъ друзьямъ (Н. Курочкину и Ничипоренко), которые вызывались переслать его корреспонденцію черезъ вѣрныя руки въ Лондонъ. Петербургскіе политическіе друзья играли съ Бенини, а онъ игралъ съ ними.—Искренности, нужной для согласныхъ дѣйствованій, между ними уже не было никакой; они уже съ этихъ же первыхъ дней боялись другъ друга и другъ съ другомъ хитрили. Питерцы чувствовали, что они всанравду совсѣмъ не революціонеры и что Бенини, пожалуй, все это замѣтилъ въ нихъ и отписалъ объ этомъ,

и потому они хлопотали захватить въ свои руки его письма. Дескать: «распечатаетъ ихъ, прочтемъ, и тогда сами предупредимъ его и его опишемъ какъ нельзя лучше.» Бенин же, читая пачквозь этихъ дипломатовъ, съ таинственнѣйшимъ видомъ вручилъ имъ, въ одномъ большомъ пакетѣ, письма, содержаніе которыхъ резюмировалось фразой: «кляннитесь бабушки и поцѣлуйте ручку».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, чтобы не терять попусту своего времени въ Петербургѣ, Артуръ Бенин пожелалъ проѣхать по Россіи. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, чѣмъ за народъ сидитъ тамъ, въ глубинѣ русскихъ трущобъ, и посчитаться, съ кѣмъ тамъ придется вести дѣло, если бы затѣялась революція. На это петербургскіе предприниматели говорили Артуру Бенину, что въ провинціяхъ статья эта уже давно обработана, что Поволжье готово все встать какъ одинъ человѣкъ, и что въ Петербургѣ есть такіе знатоки русскаго міра, которые «все знаютъ»; но Бенин уже не вѣрилъ своимъ политическимъ друзьямъ и все-таки собрался на ярмарку, въ Нижній-Новгородъ. Видя его непреклонность, съ нимъ перестали спорить, но для сопровожденія его и для руководства его въ ознакомленіи съ страшною снарядилою того же юркаго и чрезвычайнаго въ то время популярнаго акцизнаго чиновника Андрея Ничипоренко. Этотъ молодой человѣкъ, имя котораго намъ уже приходилось вспоминать выше, въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ пользовался славой перваго русскаго революціонера. Особенно онъ былъ силенъ у низшихъ и высшихъ чиновниковъ нѣкоторыхъ канцелярій, гдѣ сидѣли наилучшіе герценовскіе корреспонденты изъ Петербурга, которыхъ этотъ Ничипоренко всѣхъ потомъ и перенуталъ. Онъ-то, еей самый Ничипоренко, и былъ избранъ менторомъ къ молодому, неопытному и восторженному Телемаку. Ихъ снабдили рекомендаціями (даже П. И. Мельниковъ въ этомъ участвовалъ) и даны были наставленія: какъ, куда ѣхать, съ кѣмъ свидѣться, къ чему прислушаться? Кромѣ того, имъ даны были и особыя порученія привезти сюда съ ярмарки по оказіи нѣкоторыя мелочи: кому кальянъ, кому кавказскаго вина, кому другія подобныя хозяйственныя бездѣлушки. Забыли имъ дать только одного — денегъ, но зато имъ было внушено, что

они могут отлично ѣздить и безъ денегъ, зарабатывая все нужное на путевыя издержки корреспонденціями, которыя здѣшніе друзья ихъ взялись пристраивать въ газеты. Пичипоренко сразу и самъ убѣдился, что это, дѣйствительно, очень легко, и умѣлъ въ этомъ убѣдить и Артура Бенин. Менторъ и Телемакъ забрали въ саквояжи необходимыя письменныя принадлежности, сѣли въ Петербургѣ въ третьеклассный вагонъ Николаевской желѣзной дороги и поѣхали путешествовать по Россіи и «устраивать *предпріятіе*». Пѣкій театральныи чловѣкъ сказалъ имъ комическое благословеніе, которое можетъ быть ихъ и сопровождало...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эта поѣздка Бенин съ чиновникомъ Пичипоренко, сколько извѣстно, была первымъ дѣйствительнымъ «*предпріятіемъ*», совершеннымъ лѣтъ за пять до того, какъ начали ни на что не похоже описывать подобныя предпріятія въ выхахъ и неинтересныхъ новѣстяхъ и романахъ.

Будучи съ недалекимъ, болѣзненнымъ, чахлымъ и до противности неопытнымъ чиновникомъ Пичипоренко, Бенин немного нужно было, чтобы разгадать своего ментора. До Твери Бенин уже составилъ себѣ ясное понятіе, что спутникъ его крайняя ограниченность и песеть белиберду. Остановившись по дорогѣ въ Твери, гдѣ имъ слѣдовало сѣсть на пароходъ, они уже немножко поссорились. Въ маленькомъ трактирчикѣ, гдѣ они пристали, Пичипоренко, строго выскывая съ трактирнаго мальчика за какую-то несправность, толкнулъ его и обругалъ словомъ, которое Бенин понималъ и котораго не могъ слышать.

Бенин показалось ужаснымъ такое обращеніе со стороны чловѣка, который ѣхалъ «сходиться съ народомъ», и у нихъ произошла сцена. Бенин настоятельно потребовалъ, чтобы Пичипоренко или тотчасъ же извинился передъ трактирнымъ мальчикомъ и дать слово, что впередъ подобнаго обращенія ни съ кѣмъ изъ простолюдиновъ, въ присутствіи Бенин, не допустить, или оставилъ бы его, Бенин, одного и ѣхалъ, куда ему угодно.

Бенин поставилъ Пичипоренко свои условія съ такою рѣшимостью, что тотъ сразу увидѣлъ себя въ совершенной необходимости на которое-нибудь изъ нихъ рѣшиться. Ѣхать назадъ одному, ничего не сдѣлавши для «предпрія-

тія» и притомъ не имѣя что и разсказать о томъ, за что онъ прогнанъ, Ничипоренко находилъ невозможнымъ, и онъ извинился передъ мальчишкою и далъ Бенинѣ требуемое этимъ послѣднимъ слово воздержаться впередъ и отъ драчливости, и отъ брани.

За сѣмъ эмиссары снова поѣхали далѣе уже не по сухому пути, а по Волгѣ.

Ничипоренко, кажется, вовсе не понималъ всего значенія сдѣланной имъ уступки требованіямъ Бенинѣ: онъ не предвидѣлъ, что послѣ нея онъ уже не можетъ имѣть никакой менторской власти надъ своимъ возмущившимся Телемакомъ, и что онъ изъ руководителя и наставника вдругъ, ничего не вида, сошелъ на позицію школяра, котораго деруть за уши.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ Нижній-Новгородъ у Бенинѣ и Ничипоренко было (отъ П. П. Мельникова) письмо въ одинъ хорошій семейный домъ, хотя и не имѣвшій никакихъ прямыхъ связей съ предпріимчивою партіею, по весьма интересній для знакомства. Хозяинъ этого дома былъ молодой человѣкъ, чиновникъ съ родовыми связями и хорошо открытой карьерой. Въ то время этотъ господинъ всего года три какъ былъ женатъ на молодой дѣвушкѣ, тоже изъ очень хорошаго семейства. Молодые хозяева приняли рекомендованныхъ имъ изъ Петербурга гостей дружественно и радушно, — сдѣлали для нихъ обѣдъ и пригласили къ этому обѣду нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, мужчинъ и дамъ. Ничипоренко уже успѣлъ шепнуть всѣмъ по секрету, что сопровождаемый имъ человѣкъ, Артуръ Бенинъ, есть «герценовскій эмиссаръ», съ которымъ они ѣдутъ «дѣлать предпріятіе», и всѣ, кому это было сказано, разумѣется, сивилили, какъ на чудо, посмотрѣвъ на герценовскаго эмиссара. Ничипоренко, показывая Бенинѣ любовытпымъ нижегородцамъ, былъ, однако, не совсемъ имъ доволенъ: онъ находилъ, что его эмиссара не такъ себя держать, какъ бы слѣдовало, что онъ «сентиментальничаетъ», что это въ немъ отзывается англійская рутина, и что опъ, Ничипоренко, долженъ показать Бенинѣ, какъ слѣдуетъ нести себя съ провинціалами для того, чтобы производить на нихъ надлежащее впечатлѣніе. Ничипоренко приготовился блеснуть своимъ вольномысліемъ не-

редь собравшимся къ обѣду провинціальнымъ обществомъ. За обѣдомъ къ этому представился и удобный случай. Дамы, бесѣдуя съ Бенин (котораго дамы и полицейскіе всегда неотразимо принимали за настоящаго англичанина), говорили комплименты англійскимъ правамъ и хвалили чистоту идей, проводимыхъ въ большинствѣ англійскихъ романовъ.

— Тамъ никогда не позволяютъ себѣ издѣваться надъ семейными привязанностями и надъ бракомъ,—сказала одна дама.

— Это совершенно справедливо,—отвѣчалъ Бенин:—хотя бракъ уважается повсюду, но въ Англійи особенно крѣпки и семейныя связи, и семейныя преданія.

Ничипоренко нашелъ этотъ моментъ отмѣнно удобнымъ, чтобы за разъ и проучить Бенина, «чтобы онъ не подличалъ», и, въ то же время, показать, какъ людямъ ихъ званія слѣдуетъ направлять въ обществѣ такіе разговоры. Со всѣмъ свойственнымъ ему петербургскимъ вольномысліемъ того простодушнаго времени, Ничипоренко объявилъ во всеуслышаніе, что бракъ совсѣмъ не пользуется повсемѣстнымъ уваженіемъ, и что у насъ, у первыхъ, есть раскольники, которые не признаютъ брака, ибо бракъ есть—просто вредная глупость.

Имѣя въ виду, что такое суровое осужденіе брака было произнесено въ присутствіи замужней хозяйки и многихъ присутствовавшихъ здѣсь замужнихъ дамъ, нѣкоторая почтенная пожилая дама, родственница хозяйевъ, замѣтила Ничипоренку, что ему такъ при семейныхъ людяхъ разсуждать не годится, что она и сама вѣнчалась, и дочерей замужъ выдавала, но никакой вредной глупости въ этомъ не видитъ.

— Да кто же видитъ свои глупости!—отвѣчалъ развязный Ничипоренко.

— Хотѣла бы вамъ, батюшка, отвѣчать, что, слушая васъ, я готова повѣрить, что, дѣйствительно, бываютъ люди, неспособные видѣть свои глупости; но скажу вамъ только, что вы большой невѣжа.

— А вы мени, небось, этимъ хотите сконфузить?—отвѣчалъ, разсмѣявшись, Ничипоренко и махнувъ рукою, добавилъ:—Намъ мало дѣла до того, что о насъ думаетъ подгнивающее поколѣніе! А что касается до вашихъ дочерей,

которыхъ вы выдали замужъ, такъ мы еще не знаемъ, чѣмъ это окончится? Если спросить женщинъ, по совѣсти, такъ каждая изъ нихъ предпочитаетъ временныя свободныя отношенія вѣковѣчнымъ брачнымъ.

— Вы должны выйти вонъ! Сейчасъ вонъ!—вскрикнула, вся побагровѣвъ, старушка и, быстро отодвинувъ свое кресло, встала изъ-за стола.

Обѣдъ и дальнѣйшее гостеваніе въ этомъ домѣ были разстроены самымъ неожиданнымъ и самымъ печальнымъ образомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ печальная исторія эта должна была отразиться и на самомъ предпріятіи. Эмиссары рассчитывали получить въ этомъ нижегородскомъ домѣ рекомендательныя письма въ Казань, въ Астрахань и въ Саратовъ, и имъ уже были и обѣщаны эти рекомендаціи; но какъ же послѣ этого, устроеннаго Ничипоренкомъ, скандала заикаться напоминая объ этомъ обѣщаніи?

Ничипоренко еще увѣрялъ опечаленнаго Бенни, что это не значитъ ничего, что у насъ, въ Россіи, теперь молодые за старыхъ не стоятъ; но Бенни считалъ дѣло проигран-нымъ и ни за что не согласился просить писемъ.

— Мало того, что ихъ нельзя просить, но если бы мнѣ ихъ и дали, то я ихъ теперь не возьму, — рѣшилъ онъ Ничипоренкѣ.

Ничипоренко только пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Ну, такъ, батюшка мой, съ такими тонкостями вы въ Россіи ничего не сдѣлаете».

Бенни ему не отвѣчалъ.

Агитаторы оба взаимно были другъ другомъ недовольны и оба были не въ духѣ. Для перваго шага у нихъ уже было довольно неудачъ. Ничипоренко, однако, первый нашелся, какъ ему выйти изъ такого непріятнаго положенія. Сидя послѣ этого обѣда въ трактирномъ номерѣ у окна, въ которое ярко свѣтило спускавшееся къ закату солнце и въ которое врвался шумъ и громъ съ зарѣвья, гдѣ кипѣла ярмарка, Ничипоренко нѣсколько разъ озирался на своего унылаго и поникшаго головою партнера и, наконецъ, сказалъ:

— Да бросьте вы, Бенни, объ этомъ думать! Эка, чортъ возьми, невидаль какая, что старая барыня разсердилась! Намъ не они нужны, — намъ народъ нуженъ.

Бенни приподнял голову и взглянул на своего спутника остолбенчлыми глазами.

Большие, черные, как уголь, глаза Бенни при всяком грубом и неделикатном поступке имѣли странную способность останавливаться, и тогда стоило большого труда, чтобы его, въ такое время, снова докликаться и заставить перевести свой взглядъ на другой предметъ. Позже это знали очень многіе; но Ничипоренко не былъ предупрежденъ о такихъ столбняковыхъ принадлежностяхъ Бенни и очень испугался. Онъ облилъ Бенни водою и послалъ за докторомъ. Пришедшій докторъ велѣлъ пустить Бенни кровь, но пока отыскиали фельдшера, который долженъ былъ открыть жилу, большой пришелъ въ себя. Ничипоренко былъ несказанно этимъ обрадованъ: онъ вертѣлся около Бенни, лилъ и булькоталъ своимъ неприятнымъ голосомъ: «Намъ нуженъ народъ! Не они, а народъ. Я положительно говорю, что намъ нуженъ народъ!»

Разстроенный Бенни повторялъ за нимъ: «народъ».

— Именно народъ!—подхватывалъ Ничипоренко:—и мы должны идти къ народу, и мы должны сойтись съ нимъ.

Бенни смотрѣлъ на него молча.

— Чтò вы смотрите? Пойдемте! — заговорилъ вдругъ, оживляясь, Ничипоренко. — Я вамъ ручаюсь, что вы въ народѣ увидите совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ. Берите скорѣе шапку и идемъ.

Бенни взялъ шапку, и они пошли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Мепторъ велъ своего Телемака на ярмарку, которая волновалась и шумѣла, вся озаренная краснымъ закатомъ.

Они шли сходить съ народомъ.

Ничипоренко опять вналъ въ свою роль руководителя и хотѣлъ показать Бенни, какъ должно сходить съ русскимъ народомъ; но только, на свое несчастіе, онъ въ это время спохватился, что онъ и самъ не знаетъ, какъ за это взяться. Правда, онъ слышалъ, какъ Павелъ Якушкинъ разговариваетъ съ прислугою, и знаетъ онъ, что ужъ Павелъ Якушкинъ, всѣми признано, настоящій мужикъ, но опять онъ никакъ не могъ припомнить ни одной изъ якушкинскихъ

рѣчей; да и все ему мерещился ящикъ, который однажды сказалъ Якушкину:

— А зачѣмъ же на табѣ очки? Коли ты мужикъ, табѣ очки пенадобѣ. Нѣшто мужики очки носятъ?

Ничипоренко поскорѣе схватилъ съ себя синіе консервы, которые надѣлъ въ дорогу для приданія бѣльшей серьезности своему лицу, и едва онъ снялъ очки, какъ сго простымъ, не застолненнымъ стеклами, глазамъ представился небольшою чистенькій домикъ, съ дверями, украшенными изображеніемъ чайника, графина, рюмокъ и чайныхъ чашекъ. Вверху надъ карнизомъ домика была вывѣска: «*Бѣлая харчевня*».

Въ эту же минуту Ничипоренко почувствовалъ, что Бенинъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и остановился.

— Чего вы?—спросилъ его Ничипоренко.

Бенинъ ничего не отвѣчалъ, но зорко, не сводя глазъ, смотрѣлъ на обогнавшихъ ихъ трехъ купцовъ, которые шли, жарко между собою разговаривая и перекидывая другъ другу съ рукъ на руки какой-то образчикъ.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, кричавшій громко: «некогда! некогда!» былъ тотъ самый сибирскій революціонеръ, который сманилъ Бенинъ изъ Лондона и сказалъ ему въ Берлинѣ: «ступай, пѣмчикъ, назадъ». Вся эта исторія теперь проснулася въ памяти Бенинъ, и ему стало и еще тяжелѣе, и еще досаднѣе.

— И ему теперь некогда! думалъ я съ завистью,—разсказывалъ Бенинъ.—Онъ, сыгравшій со мною такую комедію, такъ счастливъ, что ему некогда, что его день, часъ, минута всѣ разобраны, а я все слоняюсь безъ дѣла, безъ толка, безъ знанія — что дѣлать, за что приняться? Онъ проходитъ теперь мимо меня, вовсе меня и не замѣчалъ... Не замѣтилъ онъ меня, или онъ меня побоялся?

Но прежде, чѣмъ Бенинъ успѣлъ рѣшить себѣ этотъ вопросъ, купецъ, поворачивая въ слѣдующій переулокъ, вдругъ быстро оборотился назадъ, погрозилъ Бенинъ въ воздухѣ кулакомъ и скрылся.

Въ раскрытыя окна «*Бѣлой харчевни*» послысь стукъ посуды, звонъ чашекъ, рюмокъ и тарелокъ, говоръ, шумъ и крикъ большой толпы и нескладные звуки русской пьяной, омерзительной пѣсни.

Бенни опомнился и, указывая на харчевню, съ гадливостью спросил:—«что это?»

Ничипоренко захохотал:

— Чего вы!—заговорилъ онъ. — Испугался!.. Небось не вѣсть что подумалъ, а это просто *народъ*.

— Но тутъ драка, что ли?

— Какая драка,—просто *русскій народъ!* Пойдемте.

Они вошли въ харчевню.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Оба агитатора были одѣты довольно оригинально: на Ничипоренкѣ былъ длинный коричневый пальмерстонъ и островерхая гарибальдйская шляпа, въ которой длинный и нескладный Ничипоренко съ его плачевною физиономіею былъ похожъ на факельщика, но такими шляпами тогда щеголяли въ Петербургѣ,—а на Бенни былъ гуттаперчевый макинтошъ и форменная англійская фуражка съ краснымъ околышемъ, на которомъ посрединѣ, надъ козырькомъ, красовался довольно большой, шитый золотомъ, вензель королевы Викторіи «R. V.» (*Regina Victoria*). Въ рукѣ Бенни держалъ дорогой шелковый зонтикъ, который привезъ съ собою изъ Англии и съ которымъ никогда не разставался. Въ этомъ стройномъ уборѣ они и предъявились впервые народу.

Взойдя въ харчевню и отыскавъ свободное мѣсто, Ничипоренко спросилъ себѣ у полового чаю и газету.

Половой подаль имъ чай и «*Ярмарочныя Известія*». Газета эта ни Бенни, ни Ничипоренко не интересовала, а другихъ газетъ въ *Бѣлой харчевнѣ* не было.

За недостаткомъ въ литературѣ надо было прямо начинать «сходиться съ народомъ».

Ничипоренко все озирался и выбиралъ, съ кѣмъ бы ему какъ-нибудь заговорить? Но посѣтители харчевни — кто пилъ, кто ѣлъ, кто пѣлъ, кто шопотомъ сговаривался и торговался, не обращая никакого вниманія на нашихъ предпринимателей.

Среди шума, гвалта и толкотни, въ толпѣ мелькала маленькая, сѣдая голова крохотнаго старичка, который плавалъ по залѣ, какъ легкій поплавокъ среди тяжелыхъ листовъ водяного напоротника. Онъ на секунду приостанавливался у какой-нибудь кучки и опять плылъ далѣе и такъ обтекалъ залу.

— Видите, какаѣ сила, — говорилъ Ничипоренко, кивая головою на пародъ. — Какова громадища, и вѣдь безстыжал, — все подъ себя захватить, исковеркаетъ и перемелеть, только сумѣйте заговорить съ нимъ ихъ языкомъ.

— «Сумеону Богопріимцу и Аннѣ Пророчицѣ на возобновленіе храма Божія будьте укладчики!» — тихо и молитвенно пропѣлъ надъ нимъ въ эту минуту подлившій къ нимъ съдой старичокъ въ сѣренькомъ шерстяномъ холодаѣчикѣ, съ книжечкою въ чехлѣ, съ позументнымъ крестомъ.

Ничипоренко взглянулъ на старичка и сказалъ: «Прходи, дѣдъ, проходи: у насъ деньги трудовыя, мы на пустишки ихъ не жертвуемъ».

Старичокъ поклонился, пропѣлъ: «Дай вамъ Богъ доброо здоровье, родителямъ царство небесное», и поплылъ далѣе.

— Когда, какъ церковь-то сгорѣла? — слышалъ Бенни, какъ началъ разспрашивать одинъ изъ сосѣдей подошедшаго къ нему сборщика.

— На семикъ, на самый семикъ, молоньей сожгло.

Старичокъ еще поклонился и добавилъ: «Жертвуй Сумеону и Авнѣ за свое спасеніе».

Мѣщанинъ вынулъ пытакъ, положилъ его на книжку и перекрестился.

Старикъ отвѣтилъ ему такъ же, какъ отвѣчалъ Ничипоренкѣ, — ни болѣе, ни менѣе, какъ то же: «Дай Богъ тебѣ хорошее здоровье, родителямъ царство небесное».

Старичокъ уже стоялъ передъ третьимъ столикомъ, за которымъ веселая компанія тянула пиво и орала пѣсни.

— Что? — крикнулъ пьяный парень, обводя старика несоловѣвыми глазами. — А! собираешь на церковное построеніе, на кабацкое разореніе, — это праведно! Жертвуй, ребята, живѣе! — продолжалъ парень и самъ досталъ изъ лежавшаго передъ нимъ картуза бумажный платокъ, зацѣпилъ изъ него нѣсколько мѣдныхъ конеекъ, бросилъ ихъ старику на книжку и произнесъ: «Будь она проклята эта питра, — унеси ихъ скорѣе, Божіѣ старичокъ!».

Бенни всталъ, догналъ старичка и положилъ ему на книжку рублевый билетъ.

Старикъ-сборщикъ, не выходя ни на секунду изъ своего спокойнаго состоянія, отдалъ Бенни свой поклонъ и протянулъ ему то же: «Дай Богъ тебѣ хорошее здоровье, родителямъ царство небесное».

Но пьяный парень не был так равнодушенъ къ пожертвованію Бенни: онъ тотчасъ же привскочилъ со стула и воскликнулъ:

— Вотъ графчикъ—молодецъ!

Парень быстро тронулся съ мѣста, шатаясь на погахъ, подошелъ къ Бенни и сказалъ:

— Поцѣлуемся!

Бенни, вообще не перепосившій безъ неудовольствія пьяныхъ людей, сдѣлалъ надъ собою усиліе и облобызался съ пьянымъ парнемъ во имя сближенія съ народомъ.

— Вотъ мы... какъ...—запенеталъ пьяный парень, обнижая Бенни и направляясь къ столику, за которымъ тотъ помѣщался съ Ничипоренкою. — Душа! ваше сіятельство... поставь пару пива!

— Зачѣмъ вамъ пить?—отвѣчалъ ему Бенни.

— Зачѣмъ пить? А затѣмъ, что загулялъ... Далъ зарокъ те пить... опять бросилъ... Да загулялъ,—вотъ зачѣмъ пью... съ досады!

Мѣщанищъ сѣлъ къ ихъ столу, облокотился и завелъ глаза.

Ничипоренко шеннулъ Бенни, что этому перечить нельзя, что нашему народу питье не вредитъ и что этого парня непременно надо попотчивать.

— Вотъ вы тогда въ немъ его духъ-то пародный и увидите,—рѣшилъ Ничипоренко и, постучавъ о чайникъ крышкою, потребовалъ пару пива.

Парень былъ уже очень тяжелъ и безпрестанно забывался; но стаканъ холоднаго пива его освѣжилъ на минуту: онъ кракнулъ, ударилъ дномъ стакана объ столъ и заговорилъ:

— Благодаримъ, дворецкій, за угощеніе...пей же самъ!

Ничипоренко вынулъ.

— Давай съ тобой, графчикъ, пѣсни пѣть!—отнесся парень къ Бенни.

— Я не умѣю пѣть,—отвѣчалъ клоша.

— Чего не умѣешь?

— Пѣть не умѣю.

— Отчего жь такъ не умѣешь?

— Не учился,—отвѣчалъ, улыбувшійся, Бенни.

— Ахъ, ты, чорты! Да нѣшто пѣть учатся? Заводи!

— Я не умѣю,—снова отвѣчалъ Бенни, вовсе лишенный того, что называютъ музыкальнымъ слухомъ.

— А еще графъ называешься!—презрительно отмахнувшись отъ него рукою, отозвался парень и, обратившись затѣмъ непосредственно къ Ничипоренкѣ, сказалъ: «ну, давай, дворецкій, съ тобой!»

Ничипоренко согласился; но онъ тоже, какъ и Бенни, и не умѣлъ пѣть, и не зналъ ни одной пѣсни, кромѣ «*Долго насъ помѣщики душили*», пѣсни, сочиненіе которой приписываютъ покойному Аполлону Григорьеву и которая одно время была застольною пѣснью извѣстной партіи петербургской молодежи. Но этой пѣсни Ничипоренко здѣсь не рѣшался спѣть.

А парень все приставалъ:

— Ну, пойдѣ, дворецкій, пойдѣ!

Ничипоренко помирилъ дѣло на томъ, чтобы парень самъ завелъ пѣсню, какаѣ ему была по обычаю, а онъ-де ему тогда станетъ подтягивать.

Парень согласился,—онъ закинулся на стулѣ назадъ, выставилъ впередъ руки и самую высокую пьяною фистулою заплѣлъ:

«Царь нашъ бѣлый, православный,
Витязь сердцемъ и душой!»

Пѣсня эта имѣла на Ничипоренко такое же вліяніе, какое производилъ на Мефистофеля видъ освященныхъ мѣсть: онъ быстро всталъ и положилъ на столъ серебряную монету за пиво; но тутъ произойдя маленькая неожиданность: парень быстрымъ движеніемъ руки покрылъ монету своєю ладонью и спросилъ:—«орелъ или рѣшетка?»

Ничипоренко смутился и сказалъ сурово парню, чтобъ тотъ не баловался и отдалъ деньги.

— Орелъ или рѣшетка?—съ азартомъ повторялъ, не поднимая руки, парень.

Ничипоренко досталъ изъ кармана другую монету, расчесалъ и ушелъ. Съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Бенни, получившій отъ мѣщанина на дорогу еще нѣсколько влажныхъ пятаковъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

«Предприиматели» или молча по утихавшимъ стогамъ деревяннаго ярмарочнаго города.

При послѣднихъ трепетаніяхъ закатныхъ лучей солнца, они перешли плоскоутный мостъ, соединяющій ярмароч-

ный городъ съ настоящимъ городомъ, и въ быстро густѣющей тѣни сумерекъ стали подниматься въ гору по пустынному нижегородскому взвозу. Здѣсь, на этомъ взвозѣ, въ ярмарочную, да и не въ ярмарочную пору, какъ говорили, бывало *нечисто*: тутъ въ ночной тьмѣ бродили уличные грабители и воринки, и тутъ же, подъ сѣнью обваловъ, ютился гнилой развратъ, не имѣющій пріюта даже за рогами кабачныхъ выставокъ.

Бенни и Ничипоренко шли по этому мѣсту, вовсе не зная его репутаціи, и ни въ одномъ изъ нихъ не было столько опытности, чтобы, по характеру мѣстности, сдѣлать приблизительно вѣрное заключеніе о характерѣ лицъ и сценъ, которыя всего легче можно здѣсь встрѣтить. Они шли теперь посреди сгущающейся вокругъ ихъ тьмы, разговаривая о народѣ, о которомъ Ничипоренко «зналъ все» и говорилъ о немъ съ большою самоувѣренностію тогдашнихъ народоувѣдцевъ.

Бенни съ чисто дѣтскою пытливостію хотѣлъ объясненій, отчего все эти люди давали на церковь, когда онъ былъ наслышанъ, что церковь въ Россіи никто не любитъ, и что народъ принадлежитъ къ расколу, ибо расколомъ замаскирована революція? Ничипоренко объяснялъ ему, что «это ничего не значить».

— Да какъ же ничего не значить?—пытало бѣдное дитя, еще не привыкшее нахально игнорировать возникающіе вопросы святого сомнѣнія.

— Да такъ, ничего не значить. Народъ знаетъ, что это, можетъ-быть, шпіонъ.

— Кто же шпіонъ?

— А вотъ этотъ старикъ, что на церковь просилъ.

— Въ такомъ случаѣ, *зачѣмъ же вы ему не дали?* Вѣдь это могло обратить на васъ его вниманіе.

— Ну, такъ,—очень нужно деньги тратить!

Бенни посмотрѣлъ въ глаза своему ментору, сколько могъ пристальнѣе, сквозь сумеречный мракъ и сказалъ:— «да какъ же не нужно?»

— А разумѣется, не нужно.

— Да вѣдь мы же должны дорезить, чтобы на насъ тѣни подозрѣнія не падало!

— Да оно и не падало бы, если бы вы не сузулись съ

своимъ рублемъ,—отвѣчалъ Ничипоренко, ввезанно почувствовавшій за собою силу положенія.

— Это вы все испортили, — продолжалъ онъ, развивая свою мысль:—васъ и назвали сейчасъ же отъ этого графомъ. Графъ! *Воп soir*, ваше сіятельство!

Ничипоренко енялъ шляпу и захохоталъ.

— Да; но и васъ, однако, тоже назвали дворецкимъ, — кротко отвѣчалъ Бенни.

— Дворецкимъ? — да дворецкимъ-то ничего, но не аристократомъ, не графомъ.

Бенни чувствовалъ, что Ничипоренко какъ будто вретъ что-то безъ толку, но, припоминая, что ему было наговорено о народѣ, невольно допускалъ, что, можетъ-быть, и вправду онъ всему виноватъ, что онъ нагнулъ своимъ рублемъ и выдалъ себя этимъ поступкомъ за такого человека, видя котораго, народъ перестаетъ быть искреннимъ и начинать хитрить.

— Согласны вы со мною?—допрашивалъ его Ничипоренко.

— Да; можетъ-быть вы и правы, — отвѣчалъ введенный въ сомнѣніе Бенни.

— Не можетъ быть, а это такъ есть,—отозвался, возвышая голосъ, Ничипоренко. — Да, это именно такъ есть; а зачѣмъ онъ, по-вашему, заиѣлъ эту пѣсню?

— Какую?

— Да вотъ эту: «бѣлый-то и православный?»

Бенни полагалъ, что это изъ оперы «Жизнь за Царя», но Ничипоренко это осмѣялъ и разъяснилъ дѣло иначе.

— Онъ охмелѣлъ и цѣль самъ не зналъ что,—отвѣчалъ Бенни.

Ничипоренко расхохотался.

— Не зналъ что! — повторилъ онъ и опять расхохотался. — Да, много вы, должно-быть, надѣлаете, если такъ будете понимать. Эхъ, вы, Англія, Англія, мореплаватели! А знаете ли вы, что народъ-то похитрѣе насъ съ вами? Народъ при «графчикахъ» никогда не заговоритъ о томъ, о чемъ онъ самъ съ собою говоритъ, — да-съ! Чтобы его знать, надо его слушать, когда онъ насъ не видитъ, когда онъ васъ не считаетъ ни графчикомъ, ни баринкомъ, тогда его изучать надо, а не тогда, когда вы сами себя выдали и вашимъ шелковымъ зонтикомъ, и вашею «Реживною Викториєю», и вашимъ рублемъ.

— Но какъ же его слушать и видѣть такъ, чтобы *она* насъ не видѣла? — спросила Англия, находя, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый, даже весьма немалый, смыслъ въ этомъ замѣчаніи.

— А это надо искать, надо ждать для этого случая... Ихъ, такихъ случаевъ, очень много, и надо только не унустать ихъ.

— Анаоема! шейгицъ... только обдирать народъ знаютъ! — слышалось вдругъ въ это время недалеко отъ нихъ, изъ сторонѣ.

«Предприиматели» вздрогнули и остановились. Кругомъ ихъ уже была темная ночь: вдали то затихало, то слова раскатывался грохотъ разѣзжавшагося по домамъ города; на небѣ изрѣдка проскакивали чуть замѣтныя звѣзды; на длинномъ, пустомъ, повидимому, взвозѣ не было замѣтно ни души живою.

Но вотъ опять изъ темноты раздастся:

— А рупь-то серебромъ узялъ. Зачѣмъ же ты рупь серебромъ узялъ? Узялъ да и по шеѣ — а? Есть развѣ теперь тебѣ такая правила, чтобы за свои дельги хрестьянъ бить по шеѣ — а? Ты думаешь, что хрестьяне ничего. Ты куру съ масломъ ѣшь, а хрестьянину не надо ничего?..

Ничиноренко дернулъ Бени за руку и прошепталъ: «*тсссъ!*»

— А если хрестьянинъ за это тебѣ, собакѣ, голову долой — а? Сънимъ банка долой — а? — произнесъ азартно, возвышаясь въ это время, очевидно, пьяный голосъ. — Ты думаешь, что тебѣ вѣкъ куру съ масломъ ѣсть!.. А я теперь, можетъ, и самъ хочу куру съ масломъ ѣсть!

— Идемъ! — воскликнулъ Ничиноренко, норовя Бени по тому направлению, откуда слышался голосъ.

— Вы слышите: онъ, должно-быть, хмеленъ, и вотъ увидите, этотъ ничего не скростъ, — онъ чортъ знаетъ какъ провется, а мы такого человѣка должны сберечь.

Бени съ этимъ согласился.

Они шли почти оцупью, потому что подъ прямымъ откосомъ прорѣзаннаго въ горѣ взвоза было еще темнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а дорогого человѣка, который могъ провратъси и котораго надо было снасти, не находили.

Но дорогой человѣкъ имъ самъ объявился.

— Что? — заговорилъ онъ снова въ пяти шагахъ отъ

нихъ. — Что тебѣ медаль на грудь нацѣпили, такъ ты и грабить можешь... — а? Да я самъ бляху-то куда хочешь себѣ подцѣплю!

Ничипоренко и Бени бросились на этотъ голосъ, какъ перепела на вабило.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подоспѣвъ на голосъ роптавшаго впотьмахъ незнакомца, Бени и Ничипоренко разглядѣли мужика, который стоялъ, упершись обѣими ладонями въ срѣзанную стѣну довольно высокаго земляного откоса и, изогнувъ на бокъ голову, косился на что-то черезъ правое плечо. Онъ былъ пьянъ до такой степени, что едва стоялъ на ногахъ и, вѣроятно, ничего не видѣлъ.

— Кто тебя ограбилъ?—спросилъ его Ничипоренко.

Мужикъ, шатаясь на подгибающихся колѣняхъ, продолжалъ сопѣть и ругаться. Онъ, очевидно, не видалъ подошедшихъ къ нему предпринимателей и не слышалъ Ничипоренковскаго вопроса.

Ничипоренко взялъ его за плечи, встряхнулъ и опять спросилъ, кто его обидѣлъ?

— А?—отозвался мужикъ.

— Кто тебя обидѣлъ, я говорю?

Мужикъ подумалъ съ минуту, посонѣлъ и, овявъ заворачиваясь вправо черезъ плечо, заговорилъ:

— Мош-ш-шен-и-никъ, анаома... шейгиць!..

— Кого ты ругаешь?—спросилъ Ничипоренко.—За что?

— А зачѣмъ онъ рунъ серебромъ узялъ!—отвѣчалъ мужикъ и снова закричалъ вправо:—«шейгиць! анаома... мошеникъ!»

— Откуда онъ у васъ взялъ ихъ?—спросилъ Бени, думая такимъ вопросомъ навести мысли пьянаго человѣка на ближайшія его соображенія.

Онъ но ошибся. Мужикъ тотчасъ перемѣнилъ токъ и съ довѣрчивостію заговорилъ:

— Да какъ же, скажи: зачѣмъ онъ у меня съ чертогона послѣдній рунъ серебра сдернулъ... а? Нѣнь ты зачѣмъ здѣсь поставленъ... а? Нѣнь ты за то будущиць названъ... а? Шейгиць ты, мошеникъ! — заговорилъ снова, вались вправо головою, мужикъ.

— Что такое «*чертогонъ*»?—спросилъ у своего спутника шонотомъ Бенни.

Ничипоренко пожалъ плечами и отвѣчалъ: — «Чортъ его знаетъ, что онъ мелеть!»

— Этого нельзя, — говорилъ мужикъ. — Ты въ будку для проспанья меня вель и рунь серебра смоталь... Ишь на это тебѣ законъ есть... а?

— Его просто нужно отравить домой, — проговорилъ Бенни, и затѣмъ, снова обратясь къ мужику, спросилъ: «гдѣ вы живете?»

— Что? •

Бенни повторилъ свой вопросъ.

Мужикъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Пошелъ прочь!

— Я хочу васъ домой довести.

— Пошелъ прочь, — оный такъ же незлобно отвѣчалъ мужикъ.

— Бросьте его, — сказалъ Ничипоренко.

Бенни этого не послушался.

— Я вамъ дамъ рубль серебромъ, и вы идите домой, — сказалъ онъ тихо, оттягивая мужика отъ глинистаго обрѣза, въ который тотъ упирался.

— Рунь серебромъ...

Мужикъ поставилъ пригоршни, сжимая ихъ такъ сильно, какъ будто ему хотѣли насыпать ихъ макомъ.

Бенни одною рукою поддерживалъ пьянаго, другою досталъ изъ своего кармана рублевый билетъ и подалъ его мужику.

Тотъ взялъ и началъ совать его въ штаны; но пьяная рука ему не повиновалась, и каждый разъ, какъ онъ по-опыталъ ее въ карманъ, она прямо проскальзывала мимо кармана.

— Я положу вамъ въ карманъ, — сказалъ Бенни, протягивая руку къ билету, но тотъ вдругъ неожиданно вскрикнулъ: «Пошелъ прочь!» быстро отдернулъ у Бенни свою руку и, не удержавшись на ногахъ, тяжело шлёпнулся во весь ростъ ѳ землю и лежалъ, какъ сырой конопляный сногъ.

Бенни рѣшительно не зналъ, что ему предпринять съ этимъ дорогимъ челоѳвомъ: оставить его здѣсь, гдѣ онъ лежитъ, — его могутъ раздавить; оттащить его назадъ и

слова приставить къ стѣнѣ, — съ него снимуть ночью и сапоги, и послѣднюю одежду. Къ тому же, мужикъ теперь охаль и жалостно стоналъ.

Бенни нагнулся къ его лицу и сквозь сумракъ ночи, къ которому въ это время уже достаточно приглядѣлись его глаза, увидѣлъ на лицѣ мужика печать серьезности, которою выражается только-что опущенное страданіе.

— Вы расшиблись?—спросилъ Бенни.

— Въ печеняхъ...—отвѣчалъ мужикъ.

— Больно?

— Больно,—отойди, больно.

— Ты расшибся?—спросилъ Ничипоренко.

— Поди прочь,—расшибся.

Ничипоренко объявилъ, что теперь нечего размышлять: что больше здѣсь стоять невозможно; что, чортъ его знаетъ, опъ, этотъ мужикъ, можетъ издохнуть, а не издохнетъ, такъ кто-нибудь какъ на грѣхъ подойдетъ и скажетъ, что они его убили и ограбили.

Бенни былъ другого мнѣнія; опъ находилъ, что это и прекрасно, если ихъ возьмутъ въ полицію, потому что имъ, при правотѣ ихъ, не трудно будетъ оправдаться; но зато тамъ и этотъ мужикъ тоже найдетъ себѣ защиту.

— Ну, да, защиту! Какъ же, вѣдь это, небось, вамъ Англія здѣсь, чтобы находить въ полиціи защиту?—заговорилъ, всныхнувъ и суетясь, Ничипоренко.—Такъ вотъ сейчасъ палочку пзъ-ноды сюртука вынуть — фитъ — и оправдаль... Вы это забудьте про вашу палочку, она въ Лондонѣ осталась, а вы тутъ въ Россіи. У насъ съ полицією не судятся; а молу отъ кафтана рѣжутъ, если она схватить, да уходятъ.

— Я ни отъ какой полиціи не побѣгу. У меня краденыхъ вещей нѣтъ.

— Зато у насъ съ вами полтора пуда «Колокола» въ номерѣ занерто.

— Полтора фунта развѣ,—замѣтилъ Бенни.

— Довольно полтора золотника, чтобы отсюда прямо да въ крѣпость.

Младшій же братъ, надъ разбитыми печенями котораго происходилъ теперь споръ, въ это время, отложивъ всякое житейское понеченіе, захранилъ.

Положеніе предприимателей становилось все труднѣе

и труди́бе, кажды́й изъ нихъ горячился и, возражая другъ другу, они дошли до того, что Ничипоренко сказала Бенин, что онъ разсуждаетъ «какъ либераль, филантропъ и трусъ», а Бенин отвѣчалъ Ничипоренкѣ, что онъ не хочетъ ставить его суждений выше болтовни революціонныхъ шарлатановъ и дураковъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оставалось очень немного до того, чтобы изъ совѣтъ переплюнуться черезъ спящаго младшаго брата, какъ счастливый случай вступился за предпринимателей. Сверху спуска слегка застучало, — громче, громче и, наконецъ, совѣтъ стало слышно, что это ѣдетъ экипажъ не массивный, не вѣскій, не карета и не коляска, а легкій извозчикій экипажець.

— Вотъ если это пустой экипажъ, и споръ весь конченъ, — сказалъ Бенин: — я найму кучера отвезть этого человѣка и пойдемте домой.

Ничипоренко не возражалъ и былъ очень доволенъ, лишь бы уйти.

Онъ даже вызвался самъ остановить извозчика и вышелъ для этого на середину дороги.

Спускавшійся экипажъ, дѣйствительно, принадлежалъ городскому извозчику, возвращавшемуся порожнякомъ домой.

Ничипоренко далъ извозчику поровняться съ собою и выступилъ къ нему въ свосмъ длинномъ пальмерстонѣ и островерхой гарибальдійской шляпѣ.

— Можешь ли ты свезть пьянаго человѣка? — спросилъ онъ возницу.

Извозчикъ, перехвативъ вожжи въ лѣвую руку, правую оперся о крыло дрожекъ и, склонясь къ Ничипоренкѣ, сказалъ полушопотомъ: «а онъ еще теплый?»

— Какъ теплый?

— Живой?

— Да, конечно, живой, — отвѣчалъ Ничипоренко.

— Пять цѣлковыхъ.

— Подлецъ! Ахъ, ты, подлецъ; ахъ, ты, рожа всероссийская!

— Чего же ругаться-то! — возразилъ извозчикъ.

— Какъ же не ругаться? пять рублей просишь человѣка въ городъ отвезть!

— Человѣка отвезты! Да вы его теперь какого сдѣлали, а онъ если за пять цѣлковыхъ у меня въ пролеткахъ очерствѣеть, да я и отвѣчай! Да я — чортъ съ вами и со всѣмъ... Но!.. — и извозчикъ покатилъ.

Бенни, слышавшій весь этотъ разговоръ, испугался, что извозчикъ уѣдетъ, и въ отчаяніи закричалъ ему, чтобы онъ остановился и взялъ человѣка, а что пять рублей ему будетъ заплачено.

Извозчикъ остановился, но потребовалъ, чтобы ему деньги были заплачены прежде, чѣмъ посадить его.

Бенни отдалъ ему деньги, которыя извозчикъ пощупалъ, повертѣлъ и, наконецъ, съ нѣкоторою отчаянностію сунулъ... «Э, моль, была не была: настоящая, такъ настоящая, а красная такъ красная!» *).

Теперь оставалось только поднять его и посадить на дрожки.

Предприниматели взялись за меньшого брата, подняли его и потащили; но меньшій братъ, на ихъ горе, неожиданно проснулся и спросонья во все мужичье горло заоралъ: «карраулъ!»

Чѣмъ энергичнѣе дергалъ его Ничипоренко за ухо и чѣмъ деликатнѣе и пѣжикѣе убѣждалъ его Бенни, говоря: «Вы нездоровы, вы поѣзжайте домой», тѣмъ младшій братъ оралъ ожесточеннѣе, доходя до визговъ, воплей и рева. Ничипоренко зажалъ ему рукою ротъ, тотъ укусылъ его за руку. Подъ вліяніемъ боли и досады, вообще скорый на руку Ничипоренко ударилъ младшаго брата укушенной имъ рукою по губамъ. Младшій братъ взревѣлъ, какъ будто его перерѣзали.

При этомъ неистовомъ воплѣ въ одномъ изъ откосовъ горы словно раздалась щель, въ которой на мгновеніе блеснулъ свѣтъ, и изъ этого свѣта выскочили двѣ человѣческія фигуры. Извозчикъ хлопнулъ по лошадямъ и унесся, — исчезъ во тьмѣ и Ничипоренко, крикнувъ Бенни: «спасайтесь!» Бенни оставался одинъ и слышать, какъ все сближалось шагъ бѣгущихъ къ нему людей. Еще ни одного изъ нихъ онъ не успѣлъ разсмотрѣть, какъ на грудь ему упалъ копецъ издали брошенной въ него веревки. Онъ

*) Тогда на нижегородской ярмаркѣ не мало обращалось фальшивыхъ бумажекъ, фабрикованныхъ будто бы гдѣ-то вблизи Красноярска и потому называвшихся въ народѣ «красноярками».

откинулъ отъ себя эту веревку, по въ эту же минуту почувствовалъ, что чрезъ плечо ему шлепнулась на спину другая. Отбрасывая поспѣшно эту вторую, онъ нащупалъ узелъ петли, быстро сдвигавшейся около кисти его руки. Онъ вырвалъ руку изъ аркана и бросился бѣжать куда глядѣли глаза.

За нимъ раздавалось: «Держи! держи! жуликъ ушелъ! держи!»

Казакъ или кто другой гнались за нимъ по пятамъ, но онъ не даромъ учился гимнастикѣ и бѣгалъ на геркулесовыхъ шагахъ: темнота и быстрыя поги помогли ему скрыться и достигъ благополучно своей гостиницы, съ номеромъ, гдѣ хранилась киня герценовскаго «Колокола».

О судьбѣ оставшагося на спускъ младшаго брата и Ничипоренки было ничего неизвѣстно, и Бенинъ былъ страшно встревоженъ, что случилось съ послѣднимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Озабоченный тѣмъ, что постигло Ничипоренко, Бенинъ не могъ оставаться дома въ покоѣ ни на одну минуту. Онъ спряталъ въ печку киню «Колокола» и собрался ѣхать къ полицеймейстеру. Но только-что онъ вышелъ въ коридоръ, какъ Ничипоренко предсталъ ему въ полномъ нарядѣ и въ добромъ здоровьѣ и, вдобавокъ, съ сияющимъ лицомъ. Онъ рассказалъ Бенину, что при первой же суматохѣ онъ бросился къ откосу, прилегъ за канавку и пролежалъ, пока казакъ побѣжали мимо его за Бенина, а послѣ всталъ, и вотъ благополучно пришелъ домой.

Ничипоренко разъяснилъ все случившееся съ ними такъ, что младшій братъ тоже былъ мошенникъ, который только притворялся пьянымъ для того, чтобы удобнѣе ихъ ограбить.

Бенинъ это казалось невѣроятнымъ, и онъ болѣе раздѣлялъ мнѣнiе стараго гостиничнаго слуги, который, выслушавъ рассказъ взволнованныхъ господъ, выводилъ изъ ихъ словъ, что пьяный мужикъ былъ не что иное, какъ просто пьяный мужикъ, какихъ часто обираютъ на этомъ спускѣ, и что обообрали его, вѣроятно, сами сторожевые казакъ, наполняющiе городъ во время ярмарки, или будочникъ: что извозчикъ принялъ Ничипоренко и Бенина за мошенниковъ, которые искали средствъ забросить куда-нибудь за городъ

побитаго, а можетъ-быть и совсѣмъ убитаго ими человека; а что казаки, желавшіе заарканить Бенини, обобрали бы, вѣроятно, и его точно такъ же, какъ они обобрали мужика.

День этотъ, законченный такимъ образомъ, былъ для предпринимателей днемъ такихъ тревогъ, что имъ не захотѣлось болѣе ни слова сказать другъ другу: они легли въ свои постели и уснули.

Несмотря на довольно разнообразныя чувства, которыя могли волновать агитаторовъ, они спали какъ убитые; но тѣмъ не менѣе въ третьемъ часу ночи все-таки случилось обстоятельство, которое ихъ разбудило.

Ничипоренкъ приснился во снѣ казакъ, который началъ на него метаться, лаять, кусать и, наконецъ, скинувшись синимъ пуделемъ, вспрыгнулъ ему на голову и поѣхалъ.

Ничипоренко, перепугавшись этого синяго пуделя, сталъ отъ него отмахиваться во снѣ, завертѣлся, забрыкалъ на диванѣ, на которомъ спалъ, зацѣпился за покрывавшую столъ скатерть и упалъ, стащивъ съ нею вслѣдъ за собою на полъ графинъ съ водою, стаканъ, тарелку съ сахаромъ и связку баранокъ.

Все это произвело такой шумъ, что Бенини проснулся.

Ничипоренко началъ рассказывать Бенини свое сновидѣніе; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить рассказъ, въ двери ихъ номера со стороны коридора послышался тихій, но настойчивый стукъ, и въ то же время въ нижнемъ полу блеснула яркая полоска свѣта.

— Господа, что у васъ такое? — окликнулъ ихъ коридорный.

— Ничего, — дай, пожалуйста, огня, — отвѣчалъ, приподнимаясь съ пола и съ тѣмъ вмѣстѣ роюя остальные вещи, Ничипоренко.

Въ эту минуту снаружи вложенный ключъ легко и быстро повернулся два раза въ замкѣ и дверь отперлась.

Бенини и Ничипоренко рѣшительно этого не ожидали.

Но если они не ожидали, что дверь ихъ номера во всякое время можно свободно отпереть съ другой стороны стороннею рукою, то еще менѣе они ожидали увидѣть въ распахнувшейся двери то, что представилось тамъ ихъ изумленнымъ глазамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Чуть только распахнулись отпертыя лакеемъ двери и по комнатѣ неровно разлился дрожащій свѣтъ свѣчи, Ничипоренко, стоящій въ это время въ одномъ бѣльѣ среди комнаты, присѣлъ на колѣняхъ и, побѣлѣвъ какъ полотно, затрепеталъ.

Въ открытой двери стояли съ зажженными свѣчами не одинъ человѣкъ, а нѣсколько, и между ними, къ тому же, пахотился жандармъ.

«Вотъ тебѣ и пудель», подумалъ Ничипоренко, чувствуя, что его оставляютъ силы, и ища сзади себя руками какой-нибудь опоры.

Въ самомъ дѣлѣ это не было сновидѣнiе, а здѣсь вмѣстѣ съ растерзаннымъ лакеемъ въ комнату, дѣйствительно, заглядывали жандармъ, квартальный и три головы въ скобку, за которыми еще видѣлись три или четыре головы, остриженныя по-солдатски.

Лакей внесъ свѣчу, осмотрѣлся и еще разъ спросилъ, что тутъ такое случилось? Бенни, сохраняя все наружное спокойствiе, рассказалъ, что тутъ ничего особеннаго не было; что его товарищъ просто свалился сонный съ дивана, зацѣпилъ скатерть и поронилъ все, что было на столѣ.

Отвѣтъ этотъ показался всѣмъ совершенно удовлетворительнымъ.

Лакей началъ убирать валявшiяся на столѣ вещи; жандармъ, съ окружавшими его, посмотрѣлъ еще одну минуту въ комнату и отошелъ, сказавъ бывшимъ при немъ людямъ, что это не ихъ дѣло. Лакей, котораго Бенни спросилъ о причинѣ появленiя здѣсь жандарма и полицейскихъ, объявилъ, что это коммисiя, которая ищетъ какихъ-то двухъ приѣхавшихъ на ярмарку петербургскихъ мошенниковъ, — тѣмъ вся эта передряга и окончилась, и Бенни съ Ничипоренкою остались спокойно досыпать свою ночь.

Но Ничипоренко вовсе уже не расположенъ былъ спать: напротивъ, сонъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ далеко отъ его глазъ.

Чуть только лакей скрылся за дверь, Ничипоренко заперъ эти двери и, не вынимая ключа изъ замочной скважины, подпрыгнулъ къ Бенни.

— Память остается, можетъ-быть, всего двѣ минуты. пока

насъ узнаютъ, и эти двѣ минуты мы должны употребить на то, чтобы съечь нашъ «Колоколь».

Съ этимъ Ничипоренко схватилъ спички и присѣлъ передъ печкою. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и рѣшительно не могъ слушать никакихъ убѣждений Бенни, доказывавшаго ему, что появленіе комиссіи въ коридорѣ, по всемъ вѣроятіямъ, дѣйствительно должно быть не что иное, какъ случайность, и что «Колоколь» жечь не изъ-за чего, тѣмъ болѣе, что печная труба вверху можетъ быть закрыта, что печка станетъ дымить, взойдутъ люди, и тогда непременно родится подозрѣніе, что они жгли что-нибудь недозволенное. Ничипоренко не послушался. Онъ только шепнулъ тихо на ухо Бенни: «Молчите! вы вѣдь ничего не знаете, а я сегодня оставляю «Колоколь» подъ подушками дрожекъ у извозчиковъ и даю десять пумеровъ одному полицейскому».

— Полицейскому!—воскликнулъ Бенни.

— Да, полицейскому; но это все пустяки, онъ хорошій человекъ; я и въ Петербургѣ очень много полицейскимъ давалъ,—да еще какимъ!.. это ничего,—между зимы тоже есть славные ребята,—и съ этимъ Ничипоренко опять кинулся къ печи и безжалостно зажегъ тѣ самые заграничные листы, которые съ такою тщательностію и серьёзностію транспортировалъ на себѣ изъ Англій въ Россію Бенни. Труба, однако, къ счастью предпринимателей, была открыта, и кипа «Колокола» сгорѣла благополучно.

Ничипоренко перемѣшалъ концомъ бенниевскаго дождевого зонтика пепель и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь просимъ покорно хоть и комиссію.

Комиссія къ нимъ, впрочемъ, не пришла, она поступила какъ гоголевскія крысы: «понюхала и пошла прочь», и Бенни съ Ничипоренкомъ провели остатокъ ночи благополучно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За утреннимъ чаемъ предприниматели были невеселы и неразговорчивы: они пили свой чай молча и не говоря другъ съ другомъ. Ничипоренко чувствовалъ, что Бенни не можетъ питать никакого уваженія ни къ его революціоннымъ убѣжденіямъ, ни къ его поведенію, и онъ въ этомъ не ошибался. Чтобы вывести Бенни на какой-нибудь разговоръ, онъ спросилъ его:

— А вы думаете, что это невозможно давать «Колоколь» полицейскимъ? Я знаю жандармовъ такихъ, которые Герцену матеріалы доставали.

Бенни, смотрѣвшій во все это время въ свою записную книжечку, вмѣсто того, чтобы отвѣчать Ничипоренкѣ, спросилъ его: помнить ли онъ ихъ маршрутъ? На маршрутѣ этомъ стояли Казань, Саратовъ, Царицынъ, Красный Яръ и Астрахань.

Ничипоренко маршрутъ помнилъ, но забылъ, что для совершенія этого путешествія нужны деньги; а предприниматели, повѣривъ свою казну, нашли, что она у обоихъ ихъ составляетъ уже всего около тридцати рублей, съ которыми спуститься до Каспія и снова всплыть до Тверцы было совсѣмъ невозможно. Положимъ, что, плывучи на пароходахъ въ третьемъ классѣ и питаясь булками да чаемъ, еще и можно было кое-какъ протащиться и съ этими деньгами; но теперь у Бенни рождался вопросъ: чего же ради имъ плыть внизъ? чего подниматься вверхъ, когда вѣдь опять будетъ все то же самое: трактиръ, улица, извозчики, кабакъ, да сборъ на церковь? А какъ сходитьсь съ народомъ, — кто это знаетъ? И притомъ не мало смущало Бенни, какъ это все скоро съ ними кончается, — ужасно скоро!

Бенни сообщилъ свои опасенія Ничипоренкѣ, что вездѣ, должно-быть, будетъ только то самое, что они уже видѣли, и что врядъ ли стѣитъ для этого тащиться далѣе? Ничипоренко, къ удивленію своего товарища, тотчасъ же согласился, что поваго и въ самомъ дѣлѣ ничего, пожалуй, не будетъ, и что тащиться до Астрахани имъ, дѣйствительно, нечего. Онъ совѣтовалъ перемѣнить маршрутъ, а именно: ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Москву; повидаться съ «московскою большою партіею» и потомъ ѣхать въ Полтавскую губернію, гдѣ жили родные Ничипоренки и гдѣ онъ надѣялся устроиться по акцизной части. Ничипоренко увѣрялъ Бенни, что малороссійскій народъ больше развитъ, и что имъ гораздо лучше начинать съ Малороссіи, гдѣ сенаратнесты примкнутъ къ нимъ и пойдутъ съ ними заодно.

Бенни уже ни на волосъ не вѣрилъ Ничипоренкѣ и слушалъ его только изъ вѣжливости; но ему хотѣлось видѣть и Москву, и Малороссію, и Ивана Сергѣевича Тургенева, котораго онъ зналъ за границу и который тогда жилъ въ

Орловской губернии въ своемъ мценскомъ имѣнии, какъ разъ на пути изъ Москвы въ Малороссію. А ко всему этому еще присоединилось то, что съ тридцатью рублями развѣзжать было довольно трудно; а въ Москвѣ Ничипоренко обѣщала Бенни достать много, много денегъ.

— Я,—говорилъ онъ:—тамъ сейчасъ же присяду и напишу серьезную корреспонденцію въ «*Экономическій Указатель*» и смѣнную въ «*Песню*», и у насъ будутъ деньги, а вы пишете что-нибудь изъ англійской жизни, — я все пристрою.

Ничипоренко говорилъ все это съ такою самоувѣренностію, что всѣмъ младенчески увлекавшійся Бенни опять ему довѣрился. Онъ согласился и ѣхать въ Москву, и писать «что-нибудь изъ англійской жизни». Ничипоренко тотчасъ же пошелъ послать одному изъ своихъ знакомыхъ въ Москву денешу, чтобы его ждали вмѣстѣ съ нѣкоторымъ таинственнымъ гостемъ, а Бенни, спустивъ своего спутника съ глазъ, почувствовалъ неотразимую потребность сходить въ тотъ домъ, гдѣ Ничипоренко вчера за обѣдомъ произвелъ вышерасказанный скандалъ, и извиниться тамъ за него и за себя передъ хозяевами. На случай, если бы его не приняли, Бенни приготовилъ небольшое письмо, и пошелъ; но его приняли и даже приняли очень радушно.

Бенни всегда съ самымъ восторженнымъ чувствомъ вспоминалъ объ удивившей его русской мягкости, съ которою его встрѣтили хозяйникъ и хозяйка этого дома, послѣ столь свѣжей и столь нелѣпой исторіи.

— Судя по нравамъ Англии и даже Польши,—говорилъ Бенни: — я думаю, что меня или вовсе не захотятъ на порогъ пустить, или же примутъ такъ, чтобы я чувствовалъ, что сдѣлать мой товарищъ, и я готовъ быть не обижаться, какъ бы жестоко меня ни приняли; но, къ удивленію моему, меня обласкали, и меня же самого просили забыть о случившейся вчера за столомъ исторіи. Они меня не сожалѣли, что я ѣду съ такимъ человѣкомъ, который такъ странно себя держитъ. Эта доброта поразила меня и расстрогала до слезъ.

Предприниматели направлялись въ Москву.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Во всю дорогу отъ Нижняго до Москвы Бенин съ Пичиноренко не говорили другъ съ другомъ ни слова. Бенин, въ одно и то же время, зачать былъ обдумываніемъ, что бы такое ему написать пригодное для печати изъ англійской жизни, и кипятился все болѣе и болѣе скрытымъ негодованіемъ на своего партнера. Пичиноренко былъ совершенно спокоенъ. По выѣздѣ изъ Нижняго, на лицѣ его опять засіяла значительная улыбка самолюбиваго, но ни къ чему не способнаго петербургскаго дѣятеля тогдашнихъ дней. Пичиноренко знакомился въ своемъ третьеклассномъ вагонѣ направо и налѣво, «разрушалъ предразсудки», «обрывалъ сентиментальность», «проводилъ идею» и вообще былъ въ своей сферѣ и въ своемъ любимомъ духѣ.

Это самодовольство Пичиноренки, послѣ столькихъ доказательствъ его неспособности и неумѣнія ни за что взяться, приводило Бенин въ отчаяніе. Отчаяніе это еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что этотъ Пичиноренко, по питерскимъ рекомендаціямъ, былъ звѣзда, жемчужина, Голиафъ, которымъ въ Петербургѣ любовались, на котораго надѣялись и у котораго заповѣдали Бенин учиться и брать съ него примѣръ, потому что онъ-де уже *все знаетъ* и научить, какъ и гдѣ себя держать, сообразно всякимъ обстоятельствамъ.

— Всю дорогу, глядя на Пичиноренку, — (говорилъ Бенин), — я спрашивалъ себя, что можетъ выйти изъ моей поѣздки съ этимъ человѣкомъ? Я все болѣе и болѣе убѣждался, что въ этой компаніи мнѣ не предстоить ничего, кромѣ какъ только безирестанно компрометировать себя въ глазахъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ людей; но я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ его дѣть и гдѣ некать другихъ людей.

Предприниматели прибыли въ Москву вечеромъ, остановились на Тверской въ гостиницѣ Шевалдышева и тотчасъ же принялись литераторствовать. Бенин имѣлъ при себѣ англійскій журналъ, въ которомъ была довольно занимательная для тогдашняго времени статья о мормонахъ. Онъ сѣлъ переводить ее, а Пичиноренко взялся писать корреспонденцію съ *дороги*, но почувствовалъ позывъ ко сну и легъ въ постель. Переводъ Бенин былъ сдѣланъ

очень дурнымъ русскимъ языкомъ и въ этомъ видѣ никуда не годился; но Ничипоренко обѣщался ему все исправить и пристроить. Самъ Ничипоренко написалъ корреспонденцію и подалъ ее черезъ одного своего знакомого въ «Русскую Рѣчь», чтобы здѣсь ее поскорѣ напечатали и выдали бы за нее деньги; но въ «Русской Рѣчи» корреспонденція эта не была принята, и Ничипоренко опять рѣшилъ послать ее въ «Искру» или въ «Экономическій Указатель». Сами же предприниматели оставались въ Москвѣ. Въ это время они попали здѣсь въ одинъ литературный домъ. Хозяйка этого дома, пожилая дама, отличалась благородствомъ своего личнаго характера и горячностью убѣждений, но страдала неукротимую невыдержанностью въ спорахъ, до которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ была страстная охотница. Теперь случай сводилъ эту даму съ Бенин и Ничипоренко на новое несчастье сего послѣдняго. Здѣсь, можетъ-быть, еще разъ слѣдуетъ упомянуть, что покойный Ничипоренко былъ замѣчательно не хорошъ собою отъ природы и, кромѣ своей неблагообразности, онъ былъ странно непріятенъ своимъ неряшливостемъ и имѣлъ очень дурныя манеры и двѣ отвратительнѣйшія привычки: дергать безпрестанно носомъ, а во время разговора выдавливать себѣ пальцемъ изъ орбиты лѣвый глазъ. Все это вмѣстѣ взятое на нервную человека, а въ особенности на нервныхъ женщинъ дѣйствовало ужасно невыгодно для Ничипоренко. Этимъ же безобразіемъ своей наружности, неряшливостію и отталкивающими манерами Ничипоренко съ перваго же своего визита произвелъ и на впечатлительную, ветерифливую и раздражительную хозяйку дома самое неблагоприятное для себя впечатлѣніе. Невыгодное впечатлѣніе это Ничипоренко еще болѣе усилилъ чисто маратовскою кровожадностію, которой онъ, вѣроятно, и не имѣлъ, но которую, по безтактности своей, считалъ долгомъ выказывать въ этомъ «благонадежномъ, но больномъ домѣ». Къ выраженію этой кровожадности его подзадоривало присутствіе посѣщавшаго этотъ домъ, на правахъ жениха, флигель-адъютанта, которому хозяйка, разумеется, оказывала вниманіе какъ будущему своему зятю. Къ концу перваго вечера, проведеннаго Ничипоренкою въ этомъ домѣ, онъ устроился такъ, что хозяйка просто уже питала къ нему отвращеніе. Отвращеніе это въ ней скоро еще болѣе уве-

личилось и сдѣлалось для другихъ предметомъ любопытнѣйшихъ наблюденій.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ ряду московскихъ литераторовъ, среди которыхъ проводила свою жизнь эта «бѣлая дама», она не встрѣчала ничего подобнаго Иичипоренкѣ, ни по его великому певѣжеству, ни по большой его наглости, ни по безконечному его легкомыслию и нахальству.

Иичипоренко въ своей простотѣ ничего этого не замѣчалъ и, увлекаясь своею ролью *предпринимателя*, какъ на зло, ломался, кривлялся, говорилъ не иначе, какъ отъ лица какой-то партіи: «мы», «у насъ *рышено*», «наши люди *готовы*» и т. п. словами. Иичипоренко велъ себя такъ, какъ ведутъ себя предприниматели, описанные въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ повѣстяхъ и въ романахъ, но то, что люди въ повѣстяхъ и романахъ, по волѣ авторовъ, слушаютъ развѣся уши, за то въ дѣйствительной жизни, сплошь и рядомъ, называютъ человѣка дуракомъ и просятъ его выйти за двери. Это и случилось съ Иичипоренкою. Московская хозяйка Иичипоренки не выдержала его тона и сказала ему, не обинуясь, что она «не любитъ *красныхъ и не върять имъ*».

— А мы не любимъ *бѣлыхъ*,—смѣло отвѣчалъ Иичипоренко:—и имъ не върять.

— Да кто это—вы? кто это—вы?—вскричала, вспыхнувъ, хозяйка.

— Мы...

— Мы!—повторила съ презрительною гримасою хозяйка и тотчасъ, сдѣлавъ гримасу, передразнила: «Кто идетъ? — Мы.—Кто—вы?—Калмыкъ.—Сколько васъ? — *Одна*. Вотъ вамъ ваше и «мы».

А что касается до тогдашнихъ петербургскихъ красныхъ... то мнѣнія хозяйки насчетъ этихъ людей были самыя дурныя, и, надо сказать правду, Иичипоренкѣ трудно было ей что-нибудь возражать, потому что она знала про петербургскихъ красныхъ ихъ настоящія *дѣла*, а не подозрѣнія и фразы. Когда при этой смѣтѣ было упомянуто про дѣло о денежныхъ недоразумѣніяхъ между Н. А. Некрасовымъ и покойною первою женою Николая Платоновича Огарева, Иичипоренко вступился—было за поэта

и хотѣлъ представить все дѣло объ этихъ денежныхъ недоразумѣнїяхъ анонимическимъ; но, во-первыхъ, оказалось, что хозяйка хорошо знала это дѣло, а, во-вторыхъ, зналъ хорошо эту исторїю и Бенини, и зналъ онъ ее отъ самихъ гг. Герцена и Огарева, при чемъ Бенини разсказалъ, какъ Некрасовъ, бывши за границею, пытался было повидаться съ Герценомъ и объясниться насчетъ этихъ недоразумѣнїй; но Герценъ, имѣя твердыя основанїя считать всякія объясненїя поэта излишними, отказался принять его.

— Вы это сами видѣли?

— Я присутствовалъ при этомъ.

Ничиоренко спасовалъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, пусть даже это будетъ и такъ, но это одна неаккуратность... Очень много хорошихъ людей съ деньгами неаккуратны. Я говорю не объ общедѣ, *не о мѣщанской* честности, а о *честности абсолютной* и, употребляя слово *мы*, говорю отъ лица *всѣхъ петербургскихъ литераторовъ*, со мною единомысленныхъ.

Услышавъ это, дама очень рѣзко отозвалась и о многихъ другихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ и, по общицуясь, назвала людей этихъ кружковъ неувѣждами. Ничиоренко совсѣмъ вскинулъ и ветунился за репутацію литераторовъ Петербурга. Онъ рѣшился поддѣлать даму сразу и притомъ поддѣлать какъ можно большему и безиощаднѣе. Онъ зналъ по слухамъ, что хозяйка, съ которою онъ велъ эти дебаты, очень любила и уважала покойныхъ московскихъ профессоровъ Кудрявцева и Грановскаго, и даже была другомъ одного изъ нихъ. Поэтому, чтобы уязвить ее какъ можно болѣе, Ничиоренко покусился на память этихъ двухъ покойниковъ.

— Что же,—сказалъ онъ:—да что изъ того, что у насъ неувѣжды? Во-первыхъ, это еще неизвѣстно, неувѣжды ли они или не неувѣжды, потому что въ томъ, что слѣдуетъ знать для народнаго счастья, наши знаютъ больше, чѣмъ ваши; а, во-вторыхъ, теперь вѣдь сентименталовъ, въ родѣ вашего Кудрявцева съ Грановскимъ, только презирать можно.

— Какъ вы смѣли это сказать! Какъ вы смѣли заикнуться объ этомъ въ моемъ присутствїи, что этихъ людей можно презирать!—вскинула за своихъ друзей хозяйка.

— А отчего же бы и не сказать? что же такого сдѣ-

дали эти ваши трупы? Они конституции, может-быть, какой-то добивались? да память чортъ ли въ ней, въ этой ихней конституции? Намъ нуженъ народъ, а они ничего не сдѣлали для народнаго дѣла.

— Они воспитали цѣлыя тысячи людей, изъ которыхъ ни одинъ не скажетъ такой глупости, какую я сейчасъ слышала.

Ничипоренко звонко захихикалъ.

— И все-таки—что же они сдѣлали, эти люди? Говорить научили? да?—запытать онъ.

— Они научили людей быть честными людьми.

— Честными!

Ничипоренко опять захихикалъ и началъ, нимало не смущаясь, развивать ту мысль, что такого рода честность, какую могъ внушать Кудрявцевъ, восторгавшійся цѣломудренными римскими матронами, или Грановскій, вѣровавшій даже въ жизнь за гробомъ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна.

— Вы въ Москвѣ о нихъ жалѣете, а мы въ Петербургѣ даже радуемся, что эти господа Грановскіе къ нашему времени убралась и поочистили мѣсто другимъ. Пусть ихъ также бесѣдуютъ теперь на томъ свѣтѣ съ Пушкинымъ и цѣлуютъ его ручку за Таню, которая разъ «другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна».

Читая этого монологъ, Ничипоренко не замѣчалъ, или не замѣчалъ, но не придавалъ тому значенія, что хозяйка, передъ которою говорилъ онъ, мѣнялась въ лицѣ и, наконецъ, въ неукротимомъ негодованіи встала, à la Ristori, протянула руку и молча указала ея на двери.

Видя, что онъ не трогается съ мѣста, она упавшимъ голосомъ проговорила: «Вонъ! вонъ! сію минуту вонъ!» и съ тѣмъ вмѣстѣ сама, съ первыми слезами на глазахъ, выбѣжала, шатаясь, изъ своего кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ничипоренкѣ положительно не везло за Петербургомъ; не везло, съ нимъ и изъ-за него, и Артуру Бенин. Предприиматели были всего вторую недѣлю въ дорогѣ и попали всего только во второй русской домъ, а уже имъ во второй разъ указывали на двери. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ предприиматели было надъ тѣмъ призна-

думаться! Артуръ Бени былъ страшно жалокъ въ томъ печально-смѣшномъ положеніи, въ которое его поставили его петербургскіе знакомые, отпавивъ для изученія Россіи съ такимъ руководителемъ, какъ Ничипоренко. Бени еще въ Петербургъ изумляла крайняя невоспитанность Ничипоренки, но тамъ она еще приходилась какъ-то къ масти того кружка, въ которомъ онъ зазналъ этого предпринимателя, и не била въ глаза. По незнанію Россіи и по своему чистому младенческому легковѣрію, Бени думалъ, что, стало-быть, таковы повсюду нравы въ Россіи и что несносная невоспитанность Ничипоренки тяжела только для него, человѣка нерусскаго, а русскимъ людямъ она всѣмъ нисколько не противна, и вдругъ, повсемѣстно, такое разочарованіе! Какъ только они вырвались изъ атмосферы, которою тогда дышали нѣкоторые кружки въ Петербургѣ, и попали къ другимъ людямъ, — ихъ только отовсюду гонять и гонять! Теперь Бени стало ясно, что за петербургскими рогатками человѣкъ, который ведетъ себя какъ Ничипоренко, и проводникъ, и сотоварищъ непригодный. Бени, не обинуясь, высказалъ все это Ничипоренкѣ въ глаза и старался объяснить ему всю нелѣпность его поведенія. Ничипоренко расхохотался-было, но Бени вспылилъ и объявилъ ему, что если онъ еще гдѣ-нибудь такъ поведетъ себя, какъ вель до сихъ поръ, то онъ, Бени, просто выброситъ его въ окно. У нихъ при свидѣтеляхъ произошла въ гостиницѣ Шевалдышева очень жаркая сцена, въ заключеніе которой Ничипоренко оиять просилъ у Бени прощенія и сѣлъ писать новую корреспонденцію въ петербургскія газеты. Денегъ у нихъ къ этой порѣ уже не было ни гроша, и имъ нечѣмъ было ни жить, ни ѣхать. Ни «Искра», ни «Экономическій Указатель» посланныхъ этимъ изданіямъ корреспонденцій Ничипоренки не печатали и денегъ ему за его литературу не высылали.

Между тѣмъ московская дама, у которой Ничипоренко потерялъ свою вторую неудачу, женщина очень добраго и благороднаго сердца, почувствовала большое состраданіе къ юному, неопытному и вовсе незнавшему Россіи Артуру Бени. Она послала за нимъ одного изъ своихъ знакомыхъ и, призывая Бени къ себѣ, сказала ему, что негодованіе ея на его товарища вовсе не надастъ на ни въ чемъ повиннаго Бени; но что если онъ, Бени, хочетъ путешество-

вать по Россіи съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ страной и съ хорошими русскими людьми, то прежде всего онъ долженъ освободить себя отъ своего петербургскаго товарища. Бенни признался, что онъ и самъ давно думаетъ точно такъ же, и давно видитъ, что съ нимъ въ Петербургѣ сыграли очень пехорошую штуку, давши ему такого компаніона, каковъ былъ Ничипоренко.

— Да, ваши петербургскіе друзья рѣшительно ничего не могли вамъ сдѣлать хуже, какъ дать вамъ такого спутника,—подтвердила ему дама.—Вамъ съ нимъ невозможно будетъ показаться ни въ одинъ порядочный домъ, не ожидая ежеминутнаго срама: въ этомъ вы мнѣ можете повѣрить.

Бенни былъ съ этимъ совершенно согласенъ; онъ готовъ былъ разстаться съ Ничипоренко ту же минуту, но не находилъ никакихъ средствъ отъ него отвязаться.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ просто совѣтую отказаться отъ путешествія, которое въ сообществѣ этого господина принесетъ вамъ только одни скандалы,—сказала ему дама.

Бенни нашелъ это основательнымъ, и съ этихъ поръ ему нуженъ былъ только предлогъ, подъ которымъ бы онъ могъ удобнѣе оставить задуманное путешествіе. Но какъ это сдѣлать послѣ того, какъ онъ обѣщалъ Ничипоренкѣ ѣхать съ нимъ въ Малороссію, пожить въ Прилукахъ, быть въ Кіевѣ, а главное, познакомить его съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, къ чему Ничипоренко, всегда имѣвшій neodолжимую слабость къ знакомствамъ съ извѣстными людьми, стремился неудержимо.

Онъ даже забывалъ говорить и о «предпріятіи» при мысли, что будетъ скоро «гостить у Тургенева либо въ деревнѣ». Онъ увѣрялъ, что это ему «очень нужно» и, дѣйствительно, впоследствии доказалъ, что не лгалъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ попалобился г-ну Ничипоренко для того, чтобы впутать его въ дѣло, въ которое, окромѣ Тургенева, попали многіе люди, никогда ничего не знавшіе о настоящихъ планахъ и предпріятіяхъ Ничипоренки.

Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а теперь возвращаемся къ нашей исторіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Бенни не зналъ, какъ ему отвязаться отъ Ничипоренки. Сказать Ничипоренкѣ прямо, что онъ не годится ни для

какого предпріятія, Бенни находилъ неудобнымъ: Ничипоренко вернулся бы тотчасъ же въ Петербургъ и разска- залъ бы, что Бенни «дружить съ постепеновцами», что онъ просто *темная личность*, что онъ забраковалъ его, Ничипоренко, человѣка столь извѣстнаго во всемъ Петер- бургѣ, и забраковалъ единственно потому, что онъ не по- зволялъ ему хитрить.

Товарищи Ничипоренко по коммерческому училищу го- ворятъ, что онъ еще съ дѣтства былъ «неуловимъ и не- уязвимъ».

Будь на мѣстѣ Бенни человѣкъ поразсудительнѣе и по- серьезнѣе, онъ, конечно, не побоялся бы этого: онъ по- нялъ бы, что никакой соціальной революціи въ Россіи въ тѣ дни еще не было, что революціонерамъ здѣсь дѣлать нечего, и затѣмъ благоразумно бросилъ бы этого Ничипо- ренко, какъ бросали его многіе люди, не возражая ему распускать о нихъ что онъ хочетъ и кому хочетъ. Бенни уѣхалъ бы себѣ назадъ въ свой Вульвичскій арсеналь по- лучать пять тысячъ рублей жалованья, и тогда что ему въ Англій было бы до Ничипоренки? Но честный маляжъ Бенни, къ сожалѣнію, ни къ какой серьезной вдумчивости не былъ способенъ. Онъ никогда не могъ видѣть передъ собою всего дѣла въ цѣломъ его объемѣ, а разсматривалъ его по деталямъ: «это, молъ, если недовко, то, можетъ-быть, вотъ это вывезеть». А притомъ какъ было, вернувшись въ Англійю, представиться Герцену и сказать ему, что ни- какой организованной революціи въ Россіи нѣтъ, а есть только одинъ говорунъ, которымъ никто изъ путныхъ людей не дастъ вѣры. Вѣдь Герценъ уже объявилъ, что онъ «создалъ поколѣніе *бесспоротно социалистическое*», и люди повторяли эти слова.. Выходитъ большая недовкость! Опять- таки другой человѣкъ, болѣе серьезный, чѣмъ Бенни, не подорожилъ бы, можетъ-быть, и г. Герценомъ, который, какъ на-смѣхъ, въ ту пору довѣрялся людямъ безъ раз- бора и часто увѣрялъ другихъ въ томъ, о чемъ и самъ не былъ удостовѣренъ; но Бенни не могъ сказать всю правду г. Герцену. Герценъ былъ его кумиръ, который не могъ лгать и ошибаться, и Бенни во что бы то ни стало хотѣлъ разыскать ему скрывающуюся въ Россіи революцію. Такое упорство со стороны Бенни было тѣмъ новитиѣе, что онъ былъ дѣйствительно фанатикъ и социалистъ до готовности

къ мученичеству и притомъ вѣрилъ, что Александръ Ивановичъ такъ грубо ошибаться не можетъ и что революція въ Россіи дѣйствительно гдѣ-то есть, но только она все отъ него прячется. А между тѣмъ, пока Бенинъ предавался этимъ разсужденіямъ, несчастный Ичичиоренко окончилъ еще новыя корреспонденціи въ «*Экономическій Указатель*» и въ «*Искру*», и собирался скорѣе вонъ изъ непривѣтливой Москвы. Отъѣздъ предпринимателей долженъ былъ состояться завтра. Бенинъ вѣхалъ противъ воли своей, а отказаться и сказать Ичичиоренкѣ: «оставьте меня, я не хочу съ вами ѣздить», — онъ не могъ. Тогда началась иреуморительнѣйшая игра, похожая на водевиль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы какъ-нибудь спасти этого несчастнаго Бенина, столь комически начинавшаго свое путешествіе и теперь изнемогавшаго подъ бременемъ своей нерѣшительности и деликатности, дама, о которой здѣсь часто идетъ рѣчь, вызвалась послать ему на почтовую станцію въ Орель телеграмму о томъ, что важныя дѣла требуютъ его немедленнаго возвращенія въ Москву. Полагали, что слово «важныя дѣла» будетъ достаточно для Ичичиоренки, и что предприниматель этотъ съ миромъ отпуститъ отъ себя Бенина, а самъ благополучно поѣдетъ себѣ, одинъ, къ своимъ домашнимъ Ларамъ и Пенатамъ, и такъ же благополучно будетъ себѣ что-нибудь писать, въ своихъ Прилукахъ, «для блага народа» и читателей «*Искры*» и «*Экономическаго Указателя*», а Бенинъ, такимъ образомъ, освободится отъ своего тирана на волю.

Артуръ Бенинъ тоже находилъ, что такой денешки съ него будетъ за-глаза довольно, чтобы отбѣгнуться въ Орлѣ отъ Ичичиоренки.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе: какъ только предприниматели съ своими саками и зонтиками усѣлись въ почтовую карету, такъ, два часа спустя, въ Орель, на имя Артура Бенина, была послана условленная денешка. Бенинъ исправно получалъ ее въ Орлѣ и разыгралъ передъ Ичичиоренко, что денешка эта получена имъ совершенно неожиданно, но что, къ сожалѣнію, она имѣетъ значеніе очень важное и потому онъ, Бенинъ, долженъ отложить свое намѣреніе путешествовать по Россіи до будущаго года, а

теперь, немедленно же, тѣми же слѣдами, долженъ спѣшить назадъ въ Москву, а оттуда Богъ знаетъ куда, — куда потребуютъ обстоятельства. Но ни Бенни, ни спасавшая его отъ Ничипоренки московская «бѣлая» дама, никто не отгадали, какъ приметъ эту денешу Ничипоренко.

Услыхавъ, что у Бенни уже есть важныя дѣла, которыхъ Ничипоренко такъ, вотще, до сихъ поръ добивался, петербургскій предприниматель такъ и вѣхнулся въ предпринимателя лондонскаго: покажите, молъ, мнѣ, что это такое бываютъ за *важныя дѣла*? Въ Москвѣ уповали, что Ничипоренко поспѣшитъ въ Прилуки и радъ будетъ тамъ отдохнуть отъ своихъ революціонныхъ работъ и тревоженій, но онъ, чуть только услышалъ про «важныя дѣла», сейчасъ же думаетъ забыть и про отдыхъ въ ничтожномъ малороссійскомъ городишкѣ, и про всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ тамъ хотѣлъ повидаться и кого хотѣлъ просвѣтить. Ничипоренко коротко и ясно объявилъ Бенни, что и онъ съ нимъ тоже вернется въ Москву. Бенни сталъ упираться на то, что его вызываютъ *одного*, но Ничипоренко отвѣчалъ, что это, очевидно, или недосказанность, или пустая деликатность къ нему, потому что знаютъ, что онъ, между прочимъ, желаетъ повидаться съ родными; но что онъ этой деликатности не принимаетъ и непременно ѣдетъ назадъ. Однимъ словомъ, сталъ — какъ Елисѣй передъ Ильею — и стоитъ въ одномъ, что «живъ Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя. Ты въ Вефиль, какъ и я въ Вефиль, а ты въ Иерихонъ, такъ и я въ Иерихонъ и берега Иордана увидать меня съ тобою».

— Да и притомъ, — говоритъ, — вы разсудите: *двое* вѣдь все-таки болѣе значить, чѣмъ *одинъ*. Зовутъ одного, а мы приѣдемъ двое, — это имъ не убытокъ, а прибыль.

Бенни поднялся на хитрость и пустился доказывать Ничипоренкѣ, что при революціяхъ прежде всего должна соблюдаться точность въ исполненіи распоряженій, что если Бенни одного требуютъ назадъ, такъ онъ одинъ и долженъ ѣхать; а если его, Ничипоренко, назадъ не требуютъ, то значитъ высшая революціонная власть находитъ нужнымъ, чтобы онъ, Ничипоренко, ѣхалъ впередъ, и онъ такъ ужъ и долженъ ѣхать впередъ.

Такая рѣчь крайне удивила Ничипоренко, вовсе не допускавшаго мысли, чтобы и въ революціяхъ нужна была

какая-нибудь субординация. Ничиноренко, растерявшись нѣсколько отъ этой неслыханной новости, сказалъ Бенин, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ нужна въ революціяхъ субординація? Что это значитъ опять зависимость и что, «по его мнѣнію, требовать отъ предпринимателя слѣбного послушанія, это значитъ вводить въ предпріятіе бюрократію».

Бенин поговорилъ съ нимъ о разницѣ между субординаціею и бюрократіею и увидалъ, что политическій другъ его и этой разницы не понимаетъ, и что съ нимъ гораздо удобнѣе шутить, чѣмъ сердиться на него или убѣждать его. Онъ ему рассказывалъ, что въ революціяхъ даже и разстрѣливаютъ и вѣшаютъ. Ничиноренко удивился. Революціонеръ, бросившій берега Альбіона для того, чтобы быть исполнителемъ русской революціи, теперь самъ уже смѣялся надъ тѣмъ человѣкомъ, котораго въ Петербургѣ считали способнѣйшимъ дѣятелемъ и мечтали послать въ Лондонъ для самоважнѣйшихъ (какъ впоследствии оказалось, самыхъ пустыхъ) негодіацій съ Герценомъ. Теперь Бенин просто подтрунивалъ надъ этимъ важнымъ человѣкомъ и подстрекалъ его тѣмъ, что «важныя дѣла», для которыхъ его, Бенин, вызываютъ назадъ, онъ не можетъ назвать, потому что это запрещено ему его «Старшимъ».

— Ну, вотъ и «Старшимъ»! Да это, можетъ-быть, чортъ знаетъ, кто этотъ «Старшій»?

— Это все равно: старшаго надо слушаться.

— Какъ же вамъ, стало-быть, если и палку поставятъ старшимъ, вы и палку будете слушаться?

— И палку буду слушаться. Безъ этого ничего не идетъ.

— Фу, чертовщина какая!

Ничиноренко задумался: а, можетъ-быть, и точно въ революціяхъ нужна субординація? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у *всамдѣльныхъ* революціонеровъ это такъ? Желаніе быть всамдѣльнымъ революціонеромъ диктовало Ничиноренку суровую мысль, что онъ долженъ послушаться Бенин и ѣхать далѣе, но съ другой стороны, вспомнивъ, что вѣдь собственно ни онъ и никто изъ русскихъ революціонеровъ еще никакого своего революціоннаго начальства не имѣетъ, онъ находилъ, что ему некому и навиновать: Герценъ далеко, а здѣсь, въ Россіи, всѣ равны и старшаго никого нѣтъ.

— Итътъ, какъ вы хотите, а я не останусь, — отвѣчалъ Ничипоренко съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Удовольствію возить «герценовскаго эмиссара» и ѣздить съ предпріятіемъ было такъ сильно въ эти минуты въ Ничипоренкѣ, что онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и стоялъ на томъ, что, несмотря ни на субординацію и ни на какіе революціонные законы, онъ все-таки ѣдетъ назадъ; Бенни рѣшительно потерялъ надежду отвязаться отъ своего спутника: онъ указывалъ ему и на близость его родины отъ Орла и совѣтовалъ проѣхаться туда и навѣстить сестеръ, но ничего не помогало; Ничипоренко твердилъ: «что сестры! теперь не до родства, а вы безъ меня Богъ знаетъ чего напугаете», и онъ ни на шагъ не отставалъ отъ Бенни.

Тогда Аргуръ Бенни просто бѣжалъ отъ Ничипоренко изъ гостиницы. Онъ вышелъ изъ комнаты «по надобности царя Саула», и на Болховской улицѣ, въ Орлѣ, заложилъ у часовника Керна свои карманные часы и съ вырученными за нихъ восемнадцатью рублями бросился въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ. Здѣсь онъ думалъ освѣдомиться, сколько порожнихъ мѣстъ есть въ экипажѣ, который поѣдетъ вечеромъ въ Москву. Харьковский экипажъ, идущій въ Москву, случайно былъ въ это время у подъѣзда, но въ немъ не было ни одного мѣста... Зато можно было купить кондукторское мѣсто у кондуктора. Бенни тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ: онъ купилъ себѣ это мѣсто и, тщательно задернувшись въ немъ занавѣсками, уѣхалъ, пославъ, впрочемъ, Ничипоренкѣ со сторожемъ почтовой станціи записку, что онъ воспользовался единственнымъ мѣстомъ въ почтовомъ экипажѣ и уѣхалъ въ Москву. Теперь Ничипоренко волею-неволею *долженъ* былъ остаться въ Орлѣ, а Бенни прикатилъ въ Москву. Но Ничипоренко еще перехитрилъ Бенни и доказалъ, что не одни науки взлетаютъ подъ облака на птичьихъ хвостахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Бенни пріѣхалъ въ Москву очень рано и въ семь часовъ утра былъ уже у одного изъ своихъ московскихъ знакомыхъ, знавшаго все комическія побѣгушки предпринимателей другъ за другомъ. Хозяинъ и гость, не буди никого семейныхъ, съли вдвоемъ за ранній чай, и Бенни съ веселымъ смѣхомъ началъ рассказывать исторію своего бѣгства

отъ Ничипоренки; но не успѣлъ хозяйничать съ гостемъ поговорить и четверти часа, какъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на улицу въ окно, увидаль у самаго стекла перекошенное и дергающееся лицо Ничипоренки. Онъ стоялъ какъ привидѣнiе, появленiе котораго, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно невозможно было объяснить ничѣмъ, если бы онъ не объяснилъ его черезъ минуту самъ. Ничипоренко разсказаль, что онъ нашель на станціи въ Орлѣ очень добраго офицера, ѣдущаго въ Москву «по казенной надобности», упротсилъ того взять его съ собою и догналь Бенни на перекладной. Спасенiя отъ него не было нигдѣ, а фхаль оныть съ нимъ же выѣстѣ назадъ, въ Петербургъ, значило—опять попасть въ кружокъ тѣхъ же самыхъ людей, о которыхъ Бенни въ это время уже не могъ безъ раздраженiя вспомнить и съ которыми потомъ никогда не сходилса во всю свою жизнь въ Россii.

Настигнутый Бенни сообщилъ Ничипоренкѣ, что онъ долженъ ожидать кого-то въ Москвѣ въ теченiе неопредѣленнаго времени. Ничипоренко и здѣсь не отсталъ: «и я буду ждать съ вами»,—сказаль онъ, и опять жилъ съ Бенни съ недѣлю въ гостиницѣ Шевалдышева. Бенни бываль у той инсательницы, которая не переносила присутствiя Ничипоренки, и у нѣкоторыхъ другихъ московскихъ литературныхъ людей, и у двухъ тамошнихъ редакторовъ Каткова и Аксакова. Катковъ съ нимъ бесѣдовалъ долго, выспрашиваль много и попросиль оставить какой-то проектъ; Бенни оставиль, Катковъ черезъ часъ прислаль проектъ въ запечатанномъ конвертѣ безъ адреса и безъ малѣйшаго слова приписки. Бенни обидѣлся странно. Аксаковъ припаль Бенни очень холодно, и проекта читать не сталъ, сказавъ: «это дѣло Катковское», но посоветоваль Бенни «прежде узнать русскiй народъ» и затѣмъ откровенно уклонился отъ продолженiя съ нимъ знакомства. Ничипоренко во все это время или сидѣлъ въ своемъ номерѣ, или гостеваль у брата извѣстнаго Василя Кельсиева, студента Ивана Кельсиева, необыкновенно добраго и чистаго сердцемъ юноши, болѣе извѣстнаго въ московскихъ студенческихъ кружкахъ подъ именемъ *добраго Вани*. Онъ тоже потомъ, бывъ арестованъ по обвиненiю въ какомъ-то политическомъ преступленiи, бѣжалъ изъ-подъ стражи и, пробравшись за границу, вскорѣ умеръ тамъ отъ чахотки. Жизнь Ничипо-

ренки въ Москвѣ была невыносимая, вялая и скучная, но онъ, кажется, рѣшился терпѣть все до конца и уѣзжать изъ Москвы не собирался. «Искра» и «Экономическій Указатель» корреспонденціи его опять не печатали и денегъ ему не высылали, и онъ жилъ займами, перебиваясь съ гроша на грошъ. Неизвѣстно, когда бы и чѣмъ бы кончилась эта игра, если бы, къ счастью Бенини, у нихъ не подорвались и послѣднія ихъ средства. Предпринимателямъ рѣшительно и буквально стало нечего ѣсть. Бенини, котораго принимали кое-гдѣ, могъ еще найти себѣ радушно предложенный обѣдъ и даже пріютъ, но Ничипоренкѣ равно некуда было ни пріютиться, ни понасть па хлѣбы; комната «Ваши Кельсиева» была вся съ птичью клѣткою, а обѣда у него часто недоставало и у самого. Онъ, по его шутивому замѣчанію, «закуривалъ голодъ» вопиющимъ кнастеромъ, изъ своей коротенькой трубочки, съ которою никогда не разставался ни дома, ни въ гостяхъ. Тогда только, въ этихъ непреоборимыхъ обстоятельствахъ, Ничипоренко, спасая себя отъ холода и голода, рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ, впрочемъ, успокаивалъ Бенини, что ѣдетъ не надолго, что онъ тамъ только пораздобудется деньжонками и на-дняхъ же вернется снова къ Бенини для продолженія предпріятія. Наивный Ничипоренко вовсе и не замѣчалъ, что его выпроваживали, и уѣзжалъ съ полнымъ упованіемъ, что онъ, во все это время, дѣлалъ какое-то предпріятіе, которое остановилось только за случившимся недостаткомъ въ деньгахъ, но разыщеть онъ въ Петербургѣ деньжонокъ, и ему надо будетъ вернуться, и предпріятіе опять пойдетъ далѣе. Напуганный Бенини опасался, что Ничипоренко, дѣйствительно, того и гляди, снова явится въ Москвѣ, но его успокаивали, что этого не можетъ случиться, потому что на это нужны деньги, а на деньги въ Петербургѣ не тороваты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Выпроводивъ Ничипоренко въ Петербургъ, Бенини остался въ Москвѣ тоже безъ гроша. Въ это время онъ воспользовался моимъ гостепримствомъ и, живучи у меня, въ домѣ Волоцкой, съ моею помощію привелъ свою небольшую коминиліцію о «Мормонахъ» въ такое состояніе, что она могла быть напечатана въ «Русской Ръчи». Это и была первая и

единственная статья, напечатанная Бени в газетѣ Евгеніи Туръ, постояннымъ сотрудникомъ которой Бени никогда не былъ и называгь таковымъ въ некрологѣ «*Иллюстрированной Газетѣ*» г. Зотова совершенно неосновательно. Бени въ это время просто жилъ у меня въ Москвѣ, по совершенному недостатку средствъ къ выѣзду, и отъ нечего дѣлать приглядывался къ московской жизни и нравамъ и былъ принятъ въ дома нѣкоторыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Русская литература въ то время Бени нисколько не интересовала, а его революціонныя идеи въ Москвѣ не встрѣчали никакой поддержки. Одни изъ москвичей, которымъ онъ высказывалъ свои планы, только отрезвляли его отъ революціоннаго оныянія, въ которомъ онъ явился въ Россію, а другіе, слушая, какъ онъ хлопочетъ о Россіи, просто пожимали въ недоумѣніи плечами, дескать: «что онъ Гекубъ и что ему Гекуба?» и отходили отъ него въ сторону. Какъ Петербургъ представилъ ему совѣтъ не то, что ожидалъ онъ встрѣтить въ немъ по своимъ лондонскимъ соображеніямъ, такъ и въ Москвѣ онъ опять нашелъ совѣтъ не то, что ему рассказывали: онъ видѣлъ все лѣниво, рыхло, ничего не ворохпешъ, — ничего не сдвинешь. Гдѣ этотъ расколъ, про который онъ слышался въ Лондонѣ всякихъ чудесъ отъ Бакунина и Василія Кельсеіева? Расколъ не хочетъ и взглянуть на того, кто ищетъ его ради другихъ цѣлей, а не ради раскола. Гдѣ эта партія *vieix boiard moskowites*? Сидитъ она на семи дубахъ, въ осьмой умирается, и дѣла ей нѣтъ до того, что затѣваетъ лондонскій «нѣмчикъ». Бени еще разъ убѣдился, что въ Россіи въ то время рѣшительно не было никакой организованной революціи; что въ Петербургѣ тогда только выдумывали революцію и занимались ею, такъ сказать, *для шикю*, да и то занимались люди, вовсе не имѣющіе ни матѣриальныхъ понятій о томъ, какъ дѣлаются революціи. Въ отрезвляющемъ, консервативномъ покоѣ равнодушной къ интересамъ затѣмъ Москвы Бени теперь задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? что такое значить здѣсь онъ, фактически русскій подданный и документально «натурализованный англійскій субъектъ», человекъ нерусскій ни по крови, ни по привычкамъ, и космополитъ по убѣжденіямъ? Не мудрено, что въ это время Бени и самъ себя спросилъ: что онъ Гекубъ, и что ему

Гекуба? Молодой, даже совѣтъ юный, Бенин сталъ поппмать, что онъ сдѣлалъ большой промахъ, что положеніе его просто глупо и что его и лондонскіе его друзья, и петербургскіе нарядили въ какіе-то политическіе шуты и выпихнули его паясничать съ убогенькимъ простачкомъ, который вертится передъ нимъ и ляскаетъ, какъ холицова коза передъ плянущимъ на ярмаркѣ медвѣдемъ. Увидать себя такую игрушкою не радостно и не легко; а тутъ еще, съ тою извѣстностію, которую онъ такъ быстро приобрѣлъ, какъ «герценовскій эмиссаръ», итъвъ возможности скрыться безслѣдно, итъвъ и средствъ жить. А между тѣмъ все бѣжить, все корнить, все точить, все гонюштъ деньги, все кричить: «*некогда, некогда*», словно напоминають сибиряка, забывшаго на ярмаркѣ обо всѣхъ революціяхъ и повторявшаго одно *некогда*. Всѣмъ некогда и всѣ ѣдятъ зато свой хлѣбъ, а у него, у самаго предприимчиваго изъ предпринимателей, времени бездна и ни гроша заработка, который былъ бы такъ легкокъ при его, относительно, очень хорошемъ образованіи. Куда дѣтъ свое праздное время? на что употребить его, чтобы безъ стыда смотрѣть, какъ все вокругъ трудится и работаетъ? Какъ избавить себя отъ непріятности садиться за чужой столъ?.. «Изучать народъ», живучи подъ чужимъ кровомъ и па чужомъ хлѣбѣ, для совѣстливаго Бенина было неспосно. Прежде всего теперь нужно было позаботиться о своемъ собственномъ существованіи, о своемъ насущномъ хлѣбѣ. Въ Москвѣ Бенин рѣшительно не могъ ничего добыть и собрался въ Петербургъ, гдѣ надѣялся найти переводную работу и жить, пока осмотрится и успеетъ синсаться съ Англіею. Въ это время онъ имѣлъ положительное намѣреніе уѣхать въ Англію, но, по недостатку характера, не устоялъ на этомъ и передумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Между тѣмъ Ивчинпореико въ это время былъ уже въ Петербургъ и въ Москву не собирался. Къ возвращенію Бенина въ Петербургъ здѣсь уже все было противъ него возстановлено и самъ Бенин объявленъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ русскимъ *политическимъ шпіономъ*, хитро подосланнымъ въ Петербургъ русскимъ правительствомъ черезъ Лондонъ. Силетифъ этой прелестновала дѣлая исторія. Тотъ-

часъ по взгляду Бенни, Н. С. Курочкинъ и его друзья въ Петербургѣ распечатали письма, которые Бенни имъ оставилъ для отсылки въ Англiю. Прочитавши эти письма, любопытные люди не нашли въ нихъ ничего выдающаго Бенни съ дурной стороны. Бенни, который предвидѣлъ, что его письма не избѣгутъ люстраціи, какъ выше сказано, нарочно оставилъ въ рукахъ своихъ петербургскихъ друзей не политическую свою корреспонденцію, а простыя письма къ своимъ лондонскимъ родственникамъ. Курочкинъ и другіе люстраторы, подпечатавшіе эти письма, поняли, что Бенни ихъ нарядилъ въ дураки, и разсердились. Они чувствовали, что теперь непременно должны отметить за себя, и отметить, не пренебрегая никакими средствами. Въ тогдашнее время всеѣмъ людямъ, которые почему-нибудь не раздѣляли красныхъ убѣжденій, въ Петербургѣ тотчасъ же присваивали званіе правительственныхъ шпионовъ. Глупое средство это раздѣлываться такимъ образомъ съ людьми изъ-за несходства въ убѣжденіяхъ и вкусахъ тоже было въ ходу въ Петербургѣ, а въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ разсказъ, стоило какому-нибудь прощелыгѣ произнести это слово о человѣкѣ, и оно тотчасъ же безъ всякой критики повторялось людьми, иногда даже довольно умными и честными. Это было прекраснымъ средствомъ для отвода глазъ отъ настоящихъ мушаровъ, которыхъ было множество, особенно изъ людей «преданныхъ русскому искусству». Проходили годы; оклеветанный лже-шпионъ оставался ницъ, убогъ; не было ни одного факта, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ и на кого-нибудь сошпионилъ, а кличка, данная ему первымъ, неразборчивымъ на средства, безчестнымъ человѣкомъ, все-таки повторялась людьми не безчестными. Такъ начиналось царство клеветническаго террора въ либеральномъ вкусѣ послѣ террора въ смыслѣ иномъ. Сказано было «кто не съ нами—тотъ подлецъ», а «подлецъ» разумѣется и шпионъ. Теперь, когда шпионовъ, такимъ образомъ, произведено такъ много, что за ними уже не видно настоящихъ мастеровъ этого ремесла, и когда нравы партіи, дающей такія названія, изучены и разоблачены, подобная кличка уже никого не запугиваетъ и не огорчаетъ: по тогда, въ то комическое время, были люди, которые лѣзли на стѣны, чтобы избавиться отъ подозрѣнія въ шпионствѣ. Дѣйствительные шпионы, распечатавшіе письма Бенни,

рѣшили назвать его своимъ именемъ. Шпіоны эти или агитаторы или, какъ ихъ назвать, не знаю, рѣшили, что Бенин шпіонъ; но такъ какъ для многихъ онъ былъ еще «герценовскій посоль», то они не торопились объявлять о его шпіонствѣ тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ была сочинена эта гнусная клевета, а выжидали случая, чтобы неосторожный Бенин чѣмъ-нибудь самъ себя скомпрометировалъ, и тогда положили все это сплестъ, сгруппировать и выставить его шпіономъ съ представленіемъ какихъ-нибудь доказательствъ его шпіонства. Случай не замедлилъ представиться. Случай этотъ былъ возвращеніе въ Петербургъ Ничипоренки и его рассказъ, какъ Бенин дружилъ съ постепеновцами; какъ онъ обнаруживалъ нерѣшительныя дѣйствія, куда-то исчезъ изъ Орла и, наконецъ, теперь остался въ Москвѣ. Этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы начать говорить, что Бенин ведетъ себя подозрительно и что онъ всеконечно не что иное, какъ подосланный черезъ Англію шпіонъ русской тайной полиціи. При постановленіи этого рѣшенія не стѣснялись ни тѣмъ, что Бенин бѣденъ, нищъ и былъ вынужденъ для возвращенія изъ Орла въ Москву продать послѣдніе часы, чего со шпіономъ богатаго вѣдомства не должно бы случилось, ни тѣмъ, что онъ имѣлъ въ Англіи около 5 тысячъ рублей ежегоднаго жалованья и за шпіонство въ Россіи большаго вознагражденія, конечно, ожидать не могъ.

Рѣшеніе это было на-руку петербургскимъ друзьямъ эмиссара, потому что оно освобождало этихъ фразеровъ отъ всякой необходимости давать революціонную работу малому Бенин и возвращало самимъ имъ прежнее видное положеніе въ ихъ собственномъ кружкѣ, а потому оно весьма поправилось и было принято единодушно. Въ подобныхъ кружкахъ *подозрѣніе* всегда равнялось *доказательству*, и Бенин, во время его отсутствія, былъ объявленъ въ Петербургѣ несомнѣннымъ шпіономъ и, по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ, встрѣченъ въ Петербургѣ съ общію осторожностію, какъ явилъ изболоченный шпіонъ, котораго разгадали и съ которымъ общаго ничего имѣть не хотять. Съ этихъ поръ такъ мало свойственное легкомысленному, но честному маньяку Бенин званіе шпіона было усвоено ему и удерживается за нимъ даже и до сего дня, съ упорствомъ, въ которомъ понстинъ не знаешь чему

болѣе дивиться — глупости, или злобѣ ничтожныхъ людей этой низкой «партии», давшей впоследствии неожиданно самыхъ лихихъ перевертней еще новаго фасона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни, уѣхавшій изъ Петербурга герценовскимъ эмиссаромъ и возвратившійся сюда всего черезъ мѣсяцъ шпіономъ, прослышавъ о темномъ и пошломъ коварствѣ господъ люстраторовъ, уличилъ здѣшнихъ друзей своихъ во вскрытіи и задержаніи его писемъ и отшатнулся отъ этихъ людей, столь безцеремонно поступившихъ и съ чужими тайнами, и съ чужими репутаціями. Наученный, посредствомъ своихъ московскихъ столкновеній, что въ средѣ такъ-называвшихся тогда «постепеновцевъ» гораздо болѣе уважаются тѣ правила жизни, въ которыхъ выросъ и которые привыкъ уважать самъ Бенни, онъ не сталъ даже искать работы у литераторовъ-нетерпѣливцевъ и примкнулъ сначала, на нѣкоторое время, къ редакціи «Русскаго Инвалида», которою тогда завѣдывали на арендномъ правѣ полковникъ Писаревскій и Вл. Н. Леонтьевъ. Въ этой газетѣ Бенни работалъ недолго и скоро перешелъ изъ «Инвалида» въ редакцію «Съверной Пчелы». Въ «Съверной Пчелѣ» Бенни успокоился. Лица, составлявшія тогда редакцію этой газеты, не давали ни малѣйшей вѣри толкамъ, распускаемымъ, досужими людьми о шпіонствѣ Бенни. Бенни, ужасавшійся того, что его ославляютъ шпіономъ, впрочемъ, входилъ въ новую компанію осторожно. Такъ, напримѣръ, онъ упросилъ покойнаго В. В. Толбина сказать всѣмъ участвующимъ въ «Пчелѣ», что о немъ. Бенни, распространены такіе-то и такіе-то слухи; Толбинъ это исполнилъ въ точности, и однажды, при всѣхъ сотрудникахъ газеты, за завтракомъ у П. С. Усова назвалъ Бенни въ шутку «шпіономъ». Эта шутка всѣхъ передернула, но когда Толбинъ затѣмъ разъяснилъ въ чемъ дѣло, то всѣ протянули Бенни руки и стали просить его забыть перенесенную имъ отъ недобрыхъ людей обиду и успокоиться. Такимъ образомъ Бенни вошелъ въ редакціонную семью не прежде, какъ получивъ отъ всѣхъ общес подтвержденіе, что дурнымъ слухамъ на его счетъ здѣсь никто не вѣритъ *).

*) Редакція «Пчелы» состояла тогда изъ П. С. Усова, П. П. Мелликова (Печерскаго), П. П. Небольсина, Н. П. Перозіа, С. Н. Пала-

Отношенія загнаннаго въ чужой лагерь предпринима-теля съ новыми его товарищами были прямы, мягки, от-крыты и недвусмысленны. Да и самъ Бенин, послѣ всѣхъ заданныхъ ему нравственныхъ встрелокъ, не бредилъ бо-лѣе русскою революціею, хотя и послѣ всѣхъ этихъ дан-ныхъ ему уроковъ не избѣгалъ вѣчныхъ тяготѣній къ ре-волюціоннымъ людямъ. Онъ никогда не прерывалъ съ нѣко-торыми изъ нихъ своихъ сношеній, никогда не забывалъ о заботахъ оправдаться въ возведенномъ на него вздорѣ и, на-конецъ, попалъ подъ уголовный судъ, по оговору того же Ничипоренки. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоя-тельство, тоже довольно комическаго свойства, но кончив-шееся для многихъ весьма трагически.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Раскаявшійся прощенный русскій эмигрантъ герценов-ской партіи, В. И. Кельсиевъ, считаясь тогда въ изгнаніи и именуясь «не осужденнымъ государственнымъ преступ-

узова, В. В. Толбля, I. Н. Шилл, К. П. Веселовскаго и меня, и ничто изъ насъ не питалъ къ покойному Бенин никакихъ неприя-тныхъ чувствъ и ничего худого за нимъ не зналъ. Расположенность къ нему была такъ велика, что извѣстный своєю деликатностью Павелъ Степановичъ Усовъ даже вида не подавалъ Бенин, что онъ, г. Усовъ, получалъ *внушенія* не держать Бенин въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ обстоятельствѣ, извѣстномъ очень многимъ живымъ до сего времени людямъ, стоить упомянуть въ доказательство, что Бенин никогда не былъ протезируемъ никакимъ особымъ вѣдомствомъ, а, напро-тивъ, изъ-за него выпадали хлопоты тѣмъ, кто съ нимъ водился. Та-кихъ хлопотъ, и подчасъ довольно серьезныхъ неприяностей, вволю выпадало на долю нѣсколькихъ лицъ, но болѣе всѣхъ досталось на мою. Помню тѣхъ низкихъ клеветъ, которыя распускали на мой счетъ люстраторы Бенинскихъ писемъ за то, что я не раздѣлялъ мнѣній, къ которымъ они настропвали всѣхъ, кого могли, и создали благород-ному юношѣ горестную славу и въ другихъ сферахъ, гдѣ Бенин тоже былъ на примѣтѣ, близость моя съ этимъ человѣкомъ казалась столь подозрительною, что самое невнятное мое желаніе, отиравлился за границу, прѣхать по Литвѣ и Галичинѣ подало поводъ къ наведенію обо мнѣ весьма курьезныхъ справокъ. Артуръ Бенин сталъ въ такую позицію, что къ нему даже не дозволялось питать самия позволитель-ныя чувства дружества по простымъ побужденіямъ, а, дружась съ нимъ, человѣкъ непременно долженъ былъ попадать въ подозрѣніе или въ ре-волюціонерствѣ, или въ шпіонствѣ, или же и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ и разомъ, по слову Бенина: «гуртомъ выгоднѣй».

никомъ» *), проѣзжалъ изъ Англіи черезъ Петербургъ въ Москву для свиданія съ тамошними раскольниками, которымъ вполнѣнствіи этого визита надѣлать кучу хлопотъ. а пріютившему Кельсіева московскому купцу, Ивану Ивановичу Шебаеву, стоило даже продолжительной потери свободы, чего старушка-мать Шебаева не перенесла и умерла, не дождавшись рѣшенія судьбы арестованнаго сына. Василій Кельсіевъ ѣхалъ въ Москву съ паспортомъ турецкаго подданнаго Яши, или Яшиши. Въ Петербургъ Кельсіевъ останавливался, на короткое время, у Бенни, квартировавшаго въ то время на Гороховой близъ Каменнаго моста, въ домѣ № 29. Про то, что Кельсіевъ присталъ у Бенни, на несчастіе сего послѣдняго, случайно свѣдалъ Ничипоренко; онъ зналъ также и то, что когда Кельсіевъ опасался самъ идти для визированія своего паспорта, то Бенни взялъ всю эту рискованную процедуру на себя и благополучно получилъ визу на фальшивый паспортъ Кельсіева. Ничипоренко былъ въ восторгѣ отъ этой продѣлки и разносилъ эти новости повсюду, а вконецъ послѣ секретной побывки Кельсіева въ Петербургъ, онъ ѣздилъ съ упомянутымъ въ сенатскомъ рѣшеніи по этому дѣлу акцизнымъ чиновникомъ и театральнымъ писателемъ Николаемъ Антип. Потѣхинымъ въ Лондонъ къ Герцену, для тѣхъ сношеній, для которыхъ давно прочли Ничипоренку петербургскіе друзья Герцена. Покойному Герцену Ничипоренко необыкновенно понравился. Герценъ на немъ совершенно сѣзаясь; онъ нашелъ въ Ничипоренкѣ то, чего въ немъ не было ни слѣда, ни зачатка, именно онъ отыскалъ въ немъ «*большой характеръ*», и немедленно же описалъ объ этомъ въ Петербургъ В. С. Курочкину и П. Г. Чернышевскому. Ничипоренко, въ качествѣ «большого характера», списалъ у Герцена огромное довѣріе и, получивъ отъ него полномочіе для дальнѣйшихъ переговоровъ, взялся доставить какія-то важныя революціонныя бумаги къ блочкриницкому митрополиту Кириллу. Это была цвѣтущая, золотая пора Андрея Ив. Ничипоренко,—пора, когда онъ забылъ отъ счастья всѣ свои неудачи при нижегородскихъ «предпріятіяхъ».

*) Такое *званіе* принадлежало не одному В. И. Кельсіеву, а его, въ официальныхъ бумагахъ, давали и покойному Алек. П. Герцену и многимъ другимъ, но что такое собственно значить «не осужденный государственнымъ преступникомъ», это нудно рѣшать гг. юристамъ.

тіяхъ». Теперь онъ былъ *особа*, а Николай Антипычъ Потѣхинъ (такъ читано въ рѣшеніи сената) только былъ при немъ въ качествѣ подначальнаго «добраго малаго и болтуна».

Получивъ отъ Герцена такъ-называемыя «важныя бумаги», скомпрометировавшія впоследствии великое множество людей, Ничипоренко, однако, не довезъ ихъ къ митрополиту Кириллу. Онъ испугался угрожающаго ему обыска и бросилъ всѣ эти бумаги подъ прилавокъ въ одной изъ австрійскихъ таможенъ. Тамъ эти герценовскія бумаги безъ всякихъ хитростей были найдены убиравшимъ комнату сторожемъ, представлены по начальству, прочитавы и чрезъ кого слѣдуетъ доставлены русскому правительству. Ничипоренко во все это время пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи. Безпечность и безразсудство этого человѣка были такъ велики, что онъ даже вовсе не придавалъ никакого значенія тому, что бросилъ въ таможи, среди фискальскихъ чиновниковъ, секретныя революціонныя бумаги. Онъ считалъ все это вздоромъ и благополучно пріѣхалъ въ свои родныя Прилуки, вступилъ въ должность, которую ему его петербургскіе друзья устроили по акцизному вѣдомству, и сълъ - было здѣсь спокойнымъ обывателемъ, какъ вдругъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ показаніяхъ своихъ, которыя Ничипоренко писалъ съ какимъ-то азартомъ покаянія и увлеченіемъ покаяна, онъ записывалъ все и всѣхъ, кого зналъ и что помнилъ. Если бы теперь въ ходу были пытки, то можно бы подумать, что этого человѣка душили, жгли, рѣзали и пилили на части, заставляя его оговаривать людей на всѣ стороны и что онъ подъ тяжкими муками говорилъ что понало, и правду, и неправду.—таковы его необычайнѣйшія воспоминанія, вписанныя имъ въ свое уголовное дѣло, гдѣ человѣческихъ именъ кишитъ, какъ блохъ въ собачьей шкурѣ. Среди такихъ воспоминаній онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вспомнилъ и о проѣздѣ черезъ Петербургъ В. И. Кельсиева, о томъ, что Кельсievъ въ Петербургѣ былъ у Бенин. Все это Ничипоренко тотчасъ же собственноручно самымъ аккуратнымъ образомъ записалъ въ свое показаніе, замѣтивъ при этомъ ксгати, что это онъ говоритъ «о томъ самомъ

Бенин, издвинувъ съ которымъ въ Орелѣ, онъ завязалъ съ нимъ по знакомству во Мценскую деревню *Ив. Серг. Тургенева* *)). Такимъ образомъ Ничипоренкъ удалось приобщить къ дѣлу разомъ двухъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: Артура Бенин, который жилъ въ это время въ Петербургѣ, и *Ив. Серг. Тургенева*, который въ это время уже находился за границею, но по этому случаю тоже привлеченъ былъ къ отвѣту и призванъ сюда изъ Парижа. Бенин тоже былъ, разумеется, призванъ въ слѣдственную комиссію, и на вопросы, сдѣланные ему насчетъ указанного Ничипоренкомъ проѣзда г. Кельсіева черезъ Петербургъ съ нас-портномъ Яни, крѣико-на-крѣико заперся, хотя слѣдователи и убѣждали Бенин не заператься, выставивъ ему на видъ, что это уже бесполезно, потому что Ничипоренко все расписалъ, но Артуру Бенин казалось, будто его вынытывають, что у членовъ комиссіи есть только подозрѣніе, что г. Кельсіевъ проѣзжалъ черезъ Петербургъ, но достовѣрныхъ свидѣній объ этомъ нѣтъ, а потому Бенин и не выдалъ побудительныхъ причинъ открывать это «событіе». Но въ дѣлѣ дѣйствительно было уже собственноручное показаніе Ничипоренки, въ которомъ подробнѣйшимъ образомъ описывалось пребываніе г. Кельсіева въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ доказывалось преступное заперательство Бенин, вѣренное ему впоследствии въ число обстоятельствъ, усилившихъ его вину. Бенин была предложена очная ставка съ Ничипоренко,

*) Невозможно понять, съ какою цѣлю покойный Ничипоренко при слѣдствіи вызывалъ изъ своей памяти самыя пустыя событія, о которыхъ его никто не спрашивалъ, а иногда просто даже *сочинялъ*, чтобы только пришесть въ свои показанія чье-нибудь новое имя. Такъ, онъ, напримѣръ, вспомнилъ, между прочимъ, и обо мнѣ и, описывая какой-то сторонній случай, вставилъ кстати, что «въ это-де время я познакомился съ литераторомъ Дѣсковымъ, который своимъ образомъ мнѣ имѣлъ вредное вліяніе на мои понятія», и даже опять о повторенемъ. Я самъ не читалъ этихъ касающихся меня строкъ, но слышалъ о нихъ отъ Бенин и отъ Тургенева, которымъ и вѣдѣи вѣрю, а они имѣли случай читать дѣло Ничипоренки. По этому поводу и тщательно припоминалъ себѣ все мельчайшія подробности моихъ сношеній съ Ничипоренко, съ которымъ мы одно время жили вмѣстѣ у профессора Н. В. Вернадскаго, но ничего не могъ припомнить, чѣмъ бы я его могъ свратить съ добраго пути? Развѣ тѣмъ, что мы съ проф. Вернадскимъ иногда позволяли себѣ слегка воздерживать его отъ увлеченій революціею, да *придеказывали* ему его не апазную судьбу, которая съ нимъ, на его несчастіе, все и исполнилась?

который самъ вызвался уличить Бенни въ томъ, что Кельсiевъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ; но Бенни, не хотя доводить Ничипоренко до этого во всякомъ случаѣ малопріятнаго труда, удовольствовался однимъ представленнымъ ему собственноручнымъ показанiемъ Ничипоренки и признался и въ передержательствѣ Кельсiева, и въ своемъ умышленномъ записательствѣ на первомъ допросѣ. Послѣ этого у Бенни былъ немедленно отобранъ паспортъ на прожитіе въ Россіи, и онъ попалъ подѣ судъ. Правда, что у него никогда не былъ взятъ его англійскій паспортъ, съ которымъ онъ, во всякое время, могъ бы свободно перебѣжать за границу, какъ перебѣжалъ за границу Кельсiевъ съ паспортомъ Яни (что со всею откровенностію самимъ же г. Кельсiевымъ и рассказано въ книгѣ его покаяній и признаній). Бенни имѣлъ всѣ возможности уйти изъ Россіи даже безъ хлопотъ и безъ риска, но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, опасаясь, что его побѣгъ дастъ дѣлу Ничипоренковскаго посольства къ Герцену характеръ важнаго заговора и увеличить въ глазахъ правительства вину несчастнаго Ничипоренко. Дѣло это шло очень долго. Бенни, во все время, тихо и мирно сотрудничалъ въ «*Сѣверной Пчелѣ*» и, вспоминая порою о своихъ попыткахъ произвести въ Россіи вдругъ общую революцію съ Ничипоренкомъ, искреннѣйшимъ образомъ надъ собою смѣялся, негодуя на тѣхъ русскихъ социалистовъ, которыхъ нашелъ, но неуклонно стремясь отыскать другихъ, которые, по его великой вѣрѣ, непременно должны гдѣ-то въ Россіи таиться... Иначе онъ никогда не думалъ, да и можно ли его винить, что онъ не зналъ Россіи, когда самъ хиротонисавшій его Герценъ былъ тѣхъ же самыхъ мнѣній и уювалъ и хвалился, что «онъ создалъ поколѣніе безповоротно социалистическое»? Чего послѣ этого можно спрашивать съ человѣка, совершенно чуждаго русской почвѣ?

Между тѣмъ въ это же время Бенни, сталкиваясь съ различными людьми столицы, сдѣлалъ себѣ нѣсколько очень хорошихъ знакомствъ. Его отличали и любили въ весьма почтенныхъ домахъ, у людей, занимавшихъ въ то время видныя мѣста въ правительствѣ. У Бенни были хорошія юридическія способности и довольно большая начитанность въ юридической литературѣ. Зная это, два сенатора, въ домахъ которыхъ Бенни былъ принятъ, старались открыть

ему юридическую карьеру. Онъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это и началъ сдавать въ университетѣ кандидатскій экзамень. Казалось, вотъ-вотъ этотъ блѣдный молодой человекъ ускользнетъ отъ мелкихъ дрызгъ суетной жизни, выйдетъ на солидную дорогу, на которой его могутъ ждать и благодарный трудъ, и благодарная дѣятельность, и доброе имя, по ничему этому не суждено было совершиться. Горячій, какъ бы весь изъ одного сердца, первъ и симпатій сотканный Бенин снова былъ увлеченъ круговоротомъ ежедневныхъ событій: благія намѣренія его замѣнились другими, хотя и не злыми, но эфемерными, и онъ снова попалъ въ положеніе, которое дало извѣстный поводъ еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ распространять о немъ вздорные слухи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Поводомъ къ новымъ непріятностямъ для Бенина былъ извѣстный апракшинскій пожаръ, которому предшествовало нѣсколько меньшихъ, быстро одинъ за другимъ слѣдовавшихъ пожаровъ. Тогда вездѣ говорили, что эти пожары происходятъ будто отъ поджоговъ: даже утверждали, что это не простые грабительскіе поджоги, а поджоги, производимые «красными» съ цѣлю взбунтовать народъ. Объ этомъ есть свидѣтельства у романистовъ Писемскаго и у Крестовскаго (см. «Взбаламученное море» и «Панургово стадо»), да это, наконецъ, столь общезвѣстно, что и не нуждается ни въ чьихъ свидѣтельствахъ. Бенин, работая въ редакціи газеты, куда, разумѣется, притекали подобные слухи, все это слышалъ и зналъ всѣ эти толки. Но, кромѣ того, въ самый день апракшинскаго пожара, Бенинъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго событія: онъ видѣлъ, какъ по слуху, распространившемуся въ народѣ, что городъ жгутъ студенты, толпа разсвирѣпѣвшихъ людей схватила студента Черпявскаго (впоследствии одинъ изъ секретарей правительствующаго сената) и потащила его съ тѣмъ, чтобы бросить въ огонь, гдѣ г. Черпявскій, конечно, и погибъ бы, если бы ему не спасъ жизнь подослѣвший на этотъ случай патруль (происшествіе это въ подробности описано въ первомъ томѣ моихъ рассказовъ). Другого студента, родомъ поляка, г. К.—го (товарища Бенина по Піотрковской гимназій), избили до полусмерти, и онъ спасся лишь тѣмъ, что началъ креститься

по-православному и забожился, что онъ не студентъ, а «поварь княгини Юсуповой». Какъ уже тутъ ему бѣдняку въ этомъ страхѣ пришла въ голову эта счастливая мысль — не знаю, но только она спасла его: ему дали еще нѣсколько толчковъ и прогнали «тарелки лизать». Этого избягаго, въ разорванномъ платьѣ горюна, по просьбѣ одного изъ членовъ редакціи «*Съверной Пчелы*», спрятали дворникъ, нѣкогда служившій въ домѣ Н. П. Греча *). Энергичный Бенин, бывшій свидѣтелемъ этого событія, услышавъ злой ревъ: «въ огонь студентовъ! Студенты жгутъ!» выкрикнулъ громко: «Неправда, неправда! Студенты не жгутъ, а гасятъ», и съ этимъ вскочилъ на одну пожарную трубу, гдѣ качальщики видимо уставали, и начать работать. За нимъ послѣдовали три знакомые ему университетскіе студента и два литератора, и всѣ они начали качать воду. «Идите, мы студенты, и мы гасимъ, а не поджигаемъ», бодро и смѣло крикнулъ Бенинъ въ толпу съ трубы. Толпѣ это понравилось, и изъ нея раздались одобрительные голоса: «Хорошо, баринъ, хорошо! молодецъ! работай!»

Нѣсколько мѣщанъ вскочили и начали качать вмѣстѣ со студентами. Такъ это и уладилось, благодаря энергій и находчивости Бенина.

Возвратясь домой (Бенинъ жилъ въ редакціи, гдѣ всѣ въ это время заняты были обстоятельствами ужаснаго бѣдствія), Бенинъ раздѣлялъ общее мнѣніе, что вредныхъ толчковъ, распространяющихся въ народѣ о томъ, что Петербургъ поджигаютъ студенты, скрывать не слѣдуетъ, а, напротивъ, должно немедленно и энергически заявить, что такіе толки не основательны и что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана немедленно назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны. Такъ это, съ общаго согласія, и было «*Съвѣрною Пчелою*» сдѣлано. Въ передо-

*) Судьба этого находчиваго сармата, спасшагося подъ именемъ юсуповскаго повара, тоже не безъ интереса. Отправленный «лизать тарелки», онъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасно-было пристроился «при милости на кухнѣ большого барскаго дома, но повстанческимъ терроромъ былъ отторгнутъ отъ сытной трапезы (которую безмѣрно любилъ) и увлеченъ въ литовскіе лѣса, гдѣ и убитъ при стычкѣ банды съ русскими войсками, при чемъ представлялась такая странность: на груди его чамарки нашли пришитую русскую медаль за крымскую воину... Вѣроятно, онъ это призналъ про великій случай.

вой статьѣ помера, вышедшаго на другой день послѣ пожара, было отъ слова до слова сказано слѣдующее: *«Во время пожара въ толпѣ народа слышались целыя обвиненія въ поджогахъ противъ людей известной корпорации. Не допуская ни малѣйшаго основанія подобнымъ слухамъ, мы полагаемъ, что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей известны»*. Было сказано ни болѣе, ни менѣе, какъ именно то, что здѣсь приводится. Полиція, разумѣется, ничего этого, въ защиту чести студентовъ, не сдѣлала, а нѣкоторые смутьяны по злобѣ ли, или по глупости угораздились усмотрѣть въ приведенныхъ строкахъ не только какую-то обиду «молодому поколѣнію», но даже и обвиненіе его въ поджигательствѣ! И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ пожара, къ Бенин, въ редакцію, явились два человѣка, называвшіе себя «депутациею отъ молодого поколѣнія». Депутация эта предстала съ укоромъ Бенин (какъ будто онъ, а не другое лицо было редакторомъ газеты) и съ требованіемъ, чтобы Бенин заявилъ всѣмъ участвующимъ въ газетѣ, что это «обвиненіе молодого поколѣнія въ поджогахъ такъ не пройдетъ никому, а особенно тому, кто писалъ передовую статью». На имя этого угрожаемаго сотрудника были присланы два анонимныя письма, что онъ «будетъ убитъ близъ Египетскаго моста», чрезъ который тотъ, дѣйствительно, часто ходилъ въ одно знакомое ему семейство и возвращался оттуда ночью одинъ и большею частью пѣшкомъ. Теперь, впрочемъ, кажется, можно уже безъ обиняковъ сказать, что этотъ угрожаемый сотрудникъ былъ не кто иной, какъ я самъ, пишущій эти строки.

Но возвращаемся къ Бенин. При всѣхъ этихъ допросахъ, угрозахъ и заявленіяхъ «депутатовъ молодого поколѣнія» Бенин опять вдругъ потерялъ свою деликатную выдержанность и забылся до рѣзкости. Послѣ попытки разъяснить «депутатамъ молодого поколѣнія», что они не умѣютъ читать по писанному, что взволновавшая ихъ статья самымъ искреннимъ образомъ направлена въ защиту студентовъ отъ клеветы, а не въ обвиненіе ихъ, Бенин назвалъ депутатовъ людьми, лишенными смысла и выпроводилъ ихъ отъ себя вонъ довольно безцеремоннымъ образомъ. Но тутъ, пылкій и неустойчивый въ преслѣдованіи всѣхъ своихъ цѣ-

лей, Бенни опять выкинулъ штуку, очень благонамѣренную, но которая была понята Богъ знаетъ какъ и снова причинила ему много досады и горя.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Освободясь отъ депутатовъ молодого поколѣнія, Бенни немедленно же отправился къ бывшему въ то время с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру Анненкову съ самою странною и неожиданною просьбою, объявляемою сдип-твенно лишь только пылкостью характера Бенни и его относительно незнаніемъ петербургскихъ нравовъ. Не упоминая, разумѣется, ни одного слова о приходившей къ нему съ угрозами денутации молодого поколѣнія, Бенни просилъ генерала Анненкова, во вниманіе къ распространившимся въ столицѣ ужаемымъ слухамъ, что въ поджогахъ Петербурга принимаютъ участіе молодые люди, обучающіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дать этимъ молодымъ людямъ возможность разрушить эти нелѣпные и вредные толки, образовавъ изъ себя на это смутное время волонтеровъ для содѣйствія огнегасительной командѣ. Бенни доказывалъ оберъ-полицеймейстеру Анненкову, что мѣра эта совершенно безопасна и дозволяется почти вездѣ за границую, да и у насъ въ Ригѣ, а между тѣмъ она и уси-литъ средства огнегасительной команды, когда будетъ являться въ помощь ей на пожары, и въ то же самое время докажетъ, что у молодыхъ людей, изъ которыхъ она будетъ набербована, нѣтъ ничего общаго съ зажигателями. Въ священной простотѣ своей Бенни, объясняя свой планъ генералу Анненкову, ни на минуту не сомнѣвался, что молодые люди, о которыхъ онъ хлопоталъ, такъ и кинутся въ волонтеры-гасители. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ кружкахъ, гдѣ распорядились отъ лица «молодого поколѣнія», не было и малѣйшаго поползновенія оправить и очистить студентовъ отъ подозрѣній, а напротивъ, вся забота состояла въ томъ, чтобы представлять самихъ себя въ *опасномъ положеніи*, чтобы только свирѣпѣть и злобствовать, выводя изъ всѣхъ этихъ пустяковъ необходимость непримиримой вражды... Съ кѣмъ и за что? — тогда разобрать было невозможно. Между же тѣмъ не совсѣмъ укладистая мысль Бенни не была вдругъ отвергнута оберъ-полицеймейстеромъ. Генералъ Анненковъ попросилъ Бенни изложить

его мысль о волонтерах на бумагѣ, и Бенини подалъ събъ этомъ генералу обстоятельную записку, и, въ теченіе нѣкотораго времени, осуществленіе волонтерской команды казалось возможнымъ. Въ это время «Пчела» эту мысль поддерживала, а другія тогдашнія петербургскія газеты (впрочемъ не всѣ) вдругъ ополчились противъ хлопотъ Бенини и нашли въ нихъ нѣчто столь смѣшное и вредоносное, что не давали ему прохода. Всегда отличавшаяся близорукостью и полнымъ отсутствіемъ политическаго такта, сатирическая газета «Искра» хохотала надъ этою затѣею учредить волонтеровъ, и мало того, что издѣвалась надъ нею въ прозѣ и въ стихахъ, она еще рисовала Бенини разъяряющимся на пожарной трубѣ вмѣстѣ съ другими сотрудниками «Пчелы», которые не принимали въ этихъ хлопотахъ Бенини ни малѣйшаго непосредственнаго участія. Дѣло было осмѣяно, студенты въ него теперь не пойдутъ. Все замущено и одурачено, никто не разберетъ, что хорошо и что дурно... Этого только и надо! Встрѣтивъ такое противодѣйствіе своей мысли не со стороны администраціи, а со стороны прессы—откуда Бенини, въ святой простотѣ сердца, ждалъ только одной поддержки, онъ даже растерялся отъ этой безтактности, казавшейся ему совершенно невозможною. Осмѣянный и обруганный, онъ бросилъ всѣ свои хлопоты о волонтерной командѣ и опять взялся за свой кандидатскій экзаменъ, съ цѣлю сдать его и, со временемъ, искать мѣста присяжнаго повѣреннаго при ожидавшихся тогда новыхъ судахъ. Съ этихъ поръ Бенини рѣшилъ-было совсѣмъ удалиться отъ всякихъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей. Но живая, впечатлительная натура его, при полномъ отсутствіи всякой устойчивости, не позволяла ему и на этотъ разъ остаться въ сторонѣ отъ вопросовъ дня, волновавшихъ тогдашнихъ хлопотуновъ. Въ это время въ Петербургѣ разгорался такъ - называемый «женскій вопросъ». Бенини непременно надо было попасть и сюда; надо было внутаться и въ этотъ «вопросъ», имѣвшій для него вслѣдствіи болѣе роковое значеніе, чѣмъ всѣ его прежнія предпріятія.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Многимъ извѣстно, что какъ только здѣсь, въ Петербургѣ, былъ поднятъ «женскій вопросъ», онъ тотчасъ же

не избѣжалъ общей участи многихъ вопросовъ, обращенныхъ въ шутовство, съ которыми дѣятелямъ того времени удалось сблизить и общественную благотворительность, и обученіе грамотѣ народа, и даже безстрастное преподаваніе естественныхъ наукъ и многое другое. Пока въ петербургскихъ журналахъ нечатались разныя теоретическія соображенія насчетъ новаго устройства женскаго пола, въ жизни практической объявились и некоторые специалисты по женской части. Эти практиканты начали направлять бездомовныхъ и отбившихся отъ семействъ женщинъ въ типографіи. Чтѣ за выгодную статью видѣли эти люди въ типографской работѣ и почему наборничество казалось имъ, наиримѣръ, прибыльнѣе часовничества, гравированья, золоченья и другихъ ремеслъ, въ которыхъ женщина вполне можетъ конкурировать съ мужчиной?—это такъ и остается ихъ тайною, а полицію это предпочтеніе типографскаго труда натолкнуло на подозрѣніе, что тутъ дѣло идетъ не о женскомъ трудѣ, не объ обезпеченіи женщинъ, но объ ихъ сообщничествѣ по прокламаторской части. Это была почти самая первая и едва ли не самая большая и вредная ошибка со стороны администраторовъ женскаго вопроса, по крайней мѣрѣ съ этого начинались подозрительные взгляды на трудъ женщинъ. Но теоретиковъ никакое подозрѣніе не образумливало, а только сердило, и они еще болѣе утверждались въ убѣжденіи, что пріученіемъ женщинъ работать въ типографіяхъ можно достигъ благотворительной реформы въ судьбахъ русской женщины и положить начало практическому разрѣшенію женскаго вопроса. Специалисты-практиканты взялись все это осуществить. Здѣсь не мѣсто разсказывать, сколько тутъ было обличено лжи, безразличности и притворства, и какъ не велико было число людей, искренно готовыхъ приносить какія бы то ни было жертвы на пользу женщинъ. Именно, ихъ можно бы даже безъ затрудненія всѣхъ пересчитать здѣсь по пальцамъ, и они давно отмѣчены отъ толпы шарлатановъ, искавшихъ въ этой суматохѣ только лишь случаи ренетловски «пошумѣть» во имя женскаго вопроса (очень часто во вредъ дѣлу), или просто съ цѣлю пользоваться труднымъ положеніемъ женщинъ, когда тѣ, отбившись отъ семей и отъ предацій, охранявшихъ ихъ женственность, увидятъ себя на распутии, безъ средствъ и безъ положенія. Къ сожалѣ-

цію, со стороны многихъ людей это было то же самое мірское лукавство, отъ котораго женщина страдаетъ повсюду. Волки только надѣли овечьи шкурки... Число искреннихъ людей, желавшихъ собственно облегчить тяжкій женскій заработокъ, въ столицѣ было самое маленькое, и Бенни былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ небольшомъ числѣ. Онъ началъ съ того, что ввелъ въ редакцію «*Сверной Ичелы*» нѣсколько дамъ и дѣвицъ въ качествѣ переводчицъ. Особы эти должны были работать подъ его надзоромъ, но работы, къ сожалѣнію, дѣлалось очень мало... Большое помещеніе, которое имѣлъ Бенни при редакціи, въ домѣ Греча, съ этихъ поръ каждый день было переполнено мужчинами, которые сюда были введены В. А. Стѣицовымъ, чтобы могли видѣть, какъ онъ будетъ «учить и воспитывать дамъ». Съ этихъ поръ по всѣмъ комнатамъ, во всѣхъ углахъ раздавались жаркіе дебаты о правѣ женщинъ на трудъ, а на всѣхъ рабочихъ столахъ красовались курительный табакъ, напирсныя гильзы, чай и самыя спартанскія, но самыя употребительныя здѣсь яства: молоко и норвежскія сельди. Неповѣдимымъ путемъ всеохраняющаго Провидѣнія угодно было, чтобы селедки, плаваая въ молокѣ, въ желудкахъ милыхъ дамъ и благородныхъ мужчинъ «греческой фаланстеры» не причиняли ни малаго вреда питавшимся ими дѣятелямъ. Работою здѣсь серьезно никогда не занимались; ею только изрѣдка пошаливали двѣ изъ посѣщавшихъ редакцію дамъ, но и то работа эта, бѣльшею частію, была никуда негодная: Бенни все передѣлывалъ самъ и только отдавалъ работницамъ мнимое слѣдовавшій имъ гонораръ. Бенни вскорѣ же увидѣлъ, что изъ его усилій создать женскую atelier не выходитъ ничего похожаго на atelier, но терпѣлъ ее въ томъ видѣ, какой она принимала по волѣ и по вкусамъ приходившихъ развивателей. До чего это дошло бы?—это предсказать трудно; но, на счастье Бенни, atelier его скоро стала разсыпаться: двѣ изъ его работницъ, обладавшихъ бѣльшею противъ другихъ практичностью и миловидностью, вышли замужъ церковнымъ бракомъ за пигмалистничавшихъ богатыхъ юношей (одна изъ нихъ теперь даже княгиня), а остальные, обладавшія меньшею практичностью, устроились менѣе прочно, но все-таки и эти, наскучивъ такъ-называвшимся «бенниевымъ млекоомъ», мало-по-малу оставили его atelier. Самъ же Бенни въ это время доду-

маяся, что нужно заботиться о томъ, чтобы приурочить къ труду *простыхъ* женщинъ, а не барышень и не барынь, въ которыхъ онъ разочаровался.

Бѣдный Бенни и не воображалъ, что «простая русская женщина» уже и безъ него давно такъ приурочена къ труду, что на нее не только нельзя ничего накидывать, но, напротивъ, давно надо позаботиться, чтобы избавить эту женщину хотя отъ части ея трудовъ. Крайнее непониманіе жизни, врожденная легкомысленность и отвычка вдумываться въ дѣло, пріобрѣтенная двухлѣтнимъ вращеніемъ среди вопросовъ, не составляющихъ вопроса, пустила Бенни увлекаться по этому пути заблужденія. Да и это бы еще ничего, но онъ пошелъ увлекать на этотъ путь тѣхъ, которыхъ имѣли неосторожность на него полагаться. На зарабатываемыя своимъ литературнымъ трудомъ деньги, Артуръ Бенни пріобрѣлъ четыре типографскихъ реала и поставилъ за нихъ четырехъ наборщицъ. Дѣвушки, начавшія учиться за этими реалами типографскому дѣлу, были: одна—бѣдная швея, не имѣвшая о ту пору работы, другая—бѣдная полька, жившая субсидіями Огрызко, третья—бѣдная дворянка, дочь едва двигавшей ноги старушки, которую содержала своими трудами, а четвертая—капризная подруга одного изъ мелкогравчатыхъ писателей. По съ этими женщинами у Бенни тоже дѣло не пошло, да и не могло идти, какъ не шли все его предпріятія, потому что Бенни, котораго простодушные люди считали хитрымъ, былъ легкомысленъ, какъ дитя. Онъ, этотъ траги-комическій, «натурализованный англійскій субъектъ», пришедшій къ намъ съ мыслию произвести соціально-демократическій переворотъ въ Россіи, сдѣлавшись алтрепренеромъ четырехъ типографскихъ реаловъ изъ чужой типографіи, выказалъ такую неспособность организовать работу, что это новое его серьезнѣйшее предпріятіе обратилось въ самый смѣшной анекдотъ. Оказалось, что Бенни не только не имѣлъ и такой основательности, какаѣ непременно бываетъ у каждаго мелкаго ремесленника, открывающаго маленькую собственную мастерскую, но что у него не было даже предусмотрительности босоногого деревенскаго мальчишки, сажаящаго, для своей потѣхи, въ клѣтку чижа или щегленка. Тогда, сажая птичку, заботится принасти для ея продовольствія горсть конопель или проса, а Бенни взялъ четырехъ совершенно

бѣдныхъ женщинъ съ условіемъ доставлять имъ содержаніе до тѣхъ поръ, пока онѣ выучатся и стануть печатать книги, и упустилъ изъ виду, что это содержаніе вовсе не дебаты о трудѣ, а нѣчто вещественное, что его надо было своевременно пріобрѣсть и заимать. Онѣ не сообразили, что ученицы, шедшія къ нему на опредѣленное готовое положеніе, были совсѣмъ не то, что прежнія его сотрудницы, барышни-переводчицы, хотя и получавшія задѣльную плату съ переведенной строчки, но имѣвшія все-таки кусокъ хлѣба и безъ этого заработка. Его новымъ, бѣднымъ работницамъ надо было давать четвертымъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяць, хотя бы онѣ не выработали и на восемьдесятъ копеекъ.

Имѣя возможность зарабатывать въ ежедневной газетѣ отъ 300 до 500 рублей въ мѣсяць, Бенинъ, конечно, не зарывался, считая себя въ силахъ давать своимъ ученицамъ ежемѣсячно восемьдесятъ рублей, — онѣ могъ давать имъ эти деньги; но онѣ упустилъ изъ вида одно важное условіе, что для полученія денегъ онѣ должны были продолжать работать, а ему въ это время стало не до работы. Пока Бенинъ учреждалъ свою женскую типографію, другой литераторъ (имя котораго всецѣло принадлежитъ исторіи комическаго времени на Руси) учредилъ въ Петербургѣ упомянутую въ «Панурговомъ стадѣ» г. Крестовскаго «коммуну», гдѣ поселилось на общежительство нѣсколько молодыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ въ эту коммуну изъ Москвы женскихъ членовъ была одна дѣвица изъ очень хорошаго московскаго дома. Ей суждено было произвести на Бенина то сильное и неотразимое впечатлѣніе, которое на человѣческомъ языкѣ называется любовью...

Дѣвушка эта, надѣленная отъ природы очень способною головою, но безноконнѣйшимъ воображеніемъ, не поладивъ съ порядками родительскаго дома, пріѣхала изъ Москвы съ намѣреніемъ жить въ Петербургѣ своимъ трудомъ.

Справедливость требуетъ, упоминая здѣсь объ этой дѣвушкѣ, замѣтить, что тотъ бы очень погрѣшилъ, кто сталъ бы думать о ней, какъ позволяли о себѣ думать нѣкоторыя другія, шедшія тою дорогою, на которой оказалась и она. Дѣвица К. была личность юная, чистая, увлекавшаяся пламенно, но по разуму своему скоро обнимающая вопросы съ разныхъ сторонъ и съ тѣхъ поръ страдавшая сомнѣніями,

обращавшимися для нея въ нравственные пытки. Безукоризненная чистота ея образа мыслей и поведенія всегда были превыше всякихъ подозрѣній, но она несла разные подозрѣнія и несла ихъ въ молчаливомъ и гордомъ покоѣ, въ которомъ эта «маленькая гражданка» (какъ мы ее называли) была чрезвычайно интересна. Она, подобно Бенни, глубоко и искренно вѣрила въ то, чѣмъ увлекалась, и Артуръ Бенни сразу же это отмѣтилъ въ ней и... полюбилъ ее. Бенни устремился угождать ей отыскиваніемъ для нея переводной работы, исправленіемъ ея переводовъ и ихъ продажей. Потомъ, когда уставщикъ коммуны однажды неосторожно оскорбилъ эту дѣвушку, явись въ ея комнату въ костюмѣ, въ которомъ та не привыкла видѣть мужчинъ, живучи въ домѣ своего отца, — она заподозрила, что въ коммуны идетъ дѣло не объ усиленномъ трудѣ сообщца и, возставъ противъ нравовъ коммуны, не захотѣла болѣе жить въ ней. Понадобились хлопоты Бенни объ устройствѣ оскорбленной дѣвушки въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Все это требовало времени и денегъ, а работа не дѣлалась; заработковъ у Бенни не было и четыре, засаженные имъ въ типографію, штатки оставались безъ корма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Такимъ образомъ, типографское предпріятіе Артура Бенни и его покровительство русскимъ женщинамъ достигла участь всѣхъ прежнихъ предпріятій этого увлекавшагося юности: оно не годилось съ самаго начала. Ученицамъ нечего было бѣть. Бенни дѣлился съ ними, онъ отдавалъ имъ, что было. А у него, при его бездѣйствіи, бывали ничтожные рублѣнники и то не во всякое время. Все это, разумѣется, ничего не помогало. Въ среднѣхъ ученицъ произошло нѣчто въ родѣ возстанія, которымъ въ качествѣ литературной дамы предводительствовала подруга писателя. Она не хотѣла слышать ни о какихъ отсрочкахъ и, на второмъ же мѣсяцѣ, шумно покинула кооперативное учрежденіе. Три остальныхъ были терпѣливѣе и выносливѣе, но однако, мало-по-малу, и онѣ отстали. Швей ушла шить; полька ушла «до family», а одна продолжала ходить и училась, итайтесь Богъ вѣсть чѣмъ, какъ птица небесная. Она выдержала такъ четыре мѣсяца и попустила потомъ корректоромъ въ другую типографію. Засимъ исчезъ и слѣдъ женской типо-

графин Артура Бенни и на мѣстѣ ея стала «мерзость запустѣнія».

Въ это время Бенни постигла тяжелая болѣзнь и нищета, къ которой онъ привелъ себя предшествовавшимъ своимъ поведеніемъ и изъ которой, унавь духомъ, не могъ выбиться до самой высылки его, по рѣшенію сената, за русскую границу, въ качествѣ «англичанина». Средства, къ которымъ Артуръ Бенни прибѣгалъ для того, чтобы имѣя нѣкоторый талантъ и знанія, при отлѣнной трезвости и добросовѣстности въ работѣ, доходить, порой, до немнѣйнаго хлѣба и поспѣваго платья, были самыя оригинальныя.

Безкорыстное служеніе Бенни неспособнымъ переводчицамъ, его возня съ капризными жилищами коммуны, его женская типографія и вообще многіе другіе его поступки, свидѣтельствовавшіе о его безконечной простотѣ и добротѣ, обратили на него вниманіе нѣкоей литературной черни, рѣшившей себѣ, что «онъ Филлимонъ простота». У Бенни была большая квартира: у него былъ пли бывалъ иногда кое-какой кредитъ: онъ одинъ, съ его начитанностію и съ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, могъ заработать втрое болѣе, чѣмъ пять человѣкъ, не приготовленныхъ къ литературной работѣ. Пятеро изъ людей такого сорта (одинъ неокончившій курса студентъ, одинъ выпедшій въ отставку кавалерійскій офицеръ, одинъ лѣкарь изъ малороссійанъ, одинъ чиновникъ и одинъ, впоследствии убитый въ польской бандѣ, студентъ изъ поляковъ) устремились овладѣть свѣщеннѣйшею простотою Бенни, чтобы жить поспокойнѣе на его счетъ. Устремились они къ этому довольно одновременно, такъ что ни одному изъ нихъ не удалось обратить Бенни въ свою исключительную частную собственность. Понимая другъ друга, какъ рыбакъ рыбака, и боясь одинъ другого, какъ іезуитъ іезуита, достопочтанные люди эти рѣшились, скрѣпя сердца свои, владѣть Артуромъ Бенни сообща, въ компаніи, на коммунистическихъ началахъ. Они склоняли его къ мысли устроить у него мужскую atelier. Бенни и въ этомъ не отказалъ, и коммунисты поселились у него всѣ разомъ. Условіемъ этой однополной коммуны было, чтобы никому между собою ничѣмъ не считаться. Кто что заработаетъ, кто что принесетъ, кто что истратитъ, чтобы все это было безъ контроля и безъ счета. Бенни вѣрилъ, что это гораздо болѣе по-русски, чѣмъ въ общежительной

коммунъ, откуда бѣжала «маленькая гражданка», и гдѣ каждый бралъ заработки въ свои руки, а только лишь расходы велись сообща. Это и точно вышло по-русски. Найдены артельщиковъ Бенни не было и не можетъ быть ничего равнаго и подобнаго. Это ничего почти не выразить, если мы, по сущей справедливости, скажемъ, что сожители его обирали, объѣдали, опивали, брали его послѣднее бѣлье и платье, дѣлали на его имя долги, закладывали и продавали его завѣтныя материнскія вещи,—они лишали его возможности работать и выгоняли его изъ его же собственной квартиры. Чтобы передать хотя сотую долю того, что протѣлывали съ этимъ добрѣйшимъ человѣкомъ поселившіеся у него лже-соціалисты, надо писать томы, а не одинъ очеркъ, и притомъ надо быть увѣреннымъ, что пишешь для читателя, который хотя сколько-нибудь знакомъ съ нравами подобныхъ дѣятелей, свирѣпствовавшихъ въ Петербургѣ въ эпоху комическаго времени на Руси. Иначе каждый человѣкъ, не выдавшій подобныхъ вещей, подумаетъ, что ему рассказываютъ вымыселъ и сказку,—такъ все это, поистинѣ, чудно и невѣроятно. Если бы Бенни не велъ своего дневника и не оставь онъ никакихъ бумагъ, то трудно, можетъ-быть, было бы рѣшиться рассказать и то, что до сихъ поръ рассказано въ этой «Веннеидѣ»; но, благодаря этимъ бумагамъ, когда-то объявятся міру еще не такія чудеса «комическаго времени» и, читая ихъ, конечно, не одинъ потомокъ вздохнетъ и покраснѣетъ за своего предка.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Еще разъ приходится упомянуть, что Артуръ Бенни былъ *двѣтвенникъ*. Хотя собственно это его личное дѣло, но объ этомъ нельзя не упомянуть, потому что этимъ объясняется нѣчто такое, о чемъ наступаетъ очередь рассказывать. До высылки Бенни изъ Россіи, многіе, близко знавшіе этого юношу, знали и его цѣломудренность. Такой цѣломудренности лучшая изъ матерей могла бы пожелать своей нѣжно-любимой дочери, и дѣвушка эта имѣла бы право называться скромнѣйшею изъ дѣвицъ своего времени. Артуръ Бенни не только не любилъ никакого нескромнаго слова и смущался при видѣ обнаженной женщины на картинѣ, но онъ положительно *страдалъ* отъ всякаго нескромнаго разговора и не разъ горестно жаловался на это автору

настоящихъ записокъ. Говоря о женщинѣ (знакомой или незнакомой—это все равно), но говоря о ней цинично, какъ иные любятъ говорить, думая, что это очень интересно, Бенинъ можно было довести или до слезъ, или до столбняка, что не разъ и случалось. Артельные сожители Артура Бенина знали за нимъ это и создали ему изъ его стыдливости нравственную пытку. Имъ претила его нравственная чистота и его несносная для нихъ цѣломудренность. Они начали толковать, что этотъ «*порокъ*» мѣшаетъ Бенину быть полезнымъ дѣятелемъ.

— Онъ не шпионъ, а онъ михрютка, не знающій, гдѣ раки зимуютъ,—сказать о немъ однажды всей его компаніи одинъ беллетристъ, имѣвшій одно время значеніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ «*общественной колонніи*».—Оттого,—говорилъ беллетристъ,—и всѣ дѣяствія Бенина странныя, оттого-де онъ и выходитъ такимъ шутомъ. Это можно, моль, доказать и съ фізіологической точки зрѣнія: посмотрите-де только на старыхъ дѣвушекъ и монахинь, и т. п.

Беллетристъ резонировалъ бархатнымъ баскомъ; ему внимали его сателиты и нашли, что все имъ сказанное по эту тему, дѣйствительно, очень умно и резонно. Поощряемый такимъ сочувствіемъ, ораторъ и дѣятель заключилъ, что Бенину надо *перевоспитать*, что изъ него «надо выбить дурь англійской морали» и сдѣлать изъ него такого человека, какъ всѣ они. Рѣшеніе это тотчасъ же было принято всѣми сожителями Бенина, крайне заинтересовавшимися, на этотъ разъ, бѣдственною судьбою своего кормильца. Проживавшая на хлѣбахъ у Бенина артель давно тяготилась отсутствіемъ въ ихъ казармѣ женскаго элемента. Правда, приходили туда къ нимъ иногда въ гости нѣкоторыя дамы, но онѣ должны были и уходить оттуда съ чинностью, къ которой, волей-неволей, обязывало ихъ присутствіе скромнаго хозяина. Нахлѣбники Бенина находили, что это, со стороны ихъ хозяина, даже своего рода деспотизмъ, что такимъ образомъ, черезъ его чудачества ихъ собственная, дорогая имъ жизнь утрачиваетъ очень много своей прелесть и «*греческая фаланстера*» (какъ называли сами они квартиру Бенина), теперь, по его милости, скорѣе не фаланстера, а раскольничій скитъ, да еще съ скопцомъ игуменомъ. Теперь рѣшено было, что все это дѣйствительно не-

сносно, и что необходимо, чтобы съ этого же дня все здѣсь пошло по-другому. Составленъ былъ планъ, какъ дѣйствовать на Бенни. Молодецъ, руководившій всѣмъ этимъ дѣломъ, прежде всего вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ измѣнить свое обращеніе съ Бенни. До сихъ поръ всѣ знавшіе Бенни остерегались при немъ всякихъ скабрзныхъ разговоровъ, циническихъ выходокъ и словъ, которыхъ Бенни не переносилъ; теперь было рѣшено «ошколить его» и приучить его *ко всему*. Начать это положено было немедленно же, даже съ сего же дня, если только Бенни сегодня возвратится, пока не улягутся спать. Бенни былъ легокъ на поминѣ и позвонилъ въ то самое время, когда его артель и гости закусывали. Заслышавъ его голосъ, нахлѣбники переглянулись, они оробѣли — почувствовали, что все-таки они, мимо воли своей, уважаютъ нравственную чистоту Бенни. Но устанщикъ-беллетристъ былъ гораздо наглѣе и оживилъ своимъ примѣромъ смѣлыхъ на словахъ, но на самомъ дѣлѣ оробѣвшихъ, нахлѣбниковъ Бенни.

«Натурализованному англійскому субъекту» готовился всего менѣе имъ ожидаемый русскій спектакль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

— А, Беяя!—воскликнулъ беллетристъ навстрѣчу вошедшему хозяину, и запѣлъ: «Ахъ, гдѣ ты была, моя не чужая?» Хоръ смѣтилъ, что нужно поддержать, и подхватилъ:

«Ахъ, гдѣ-жъ ты была,
Завалилася?
На дырявомъ я мосту
Провалилася.
А чортъ тебя неслъ
На дырявый мостъ!
А чортъ тебя неслъ
На дырявый мостъ!»

Бенни сконфузился: его за это постыдили и завели съ нимъ срамной разговоръ. Онъ ушелъ, со слезами на глазахъ, въ другую комнату, сѣлъ надъ столомъ и закрылъ ладонями уши. Къ нему подошла вся компанія и хватила надъ нимъ:

«Ой ты куда, куда, ёжъ, ползешь?
Ты куда, куда, таковойи сынъ, идешь?»

Безстыдная пѣсня все развивалась. развивалась и, на-

конецъ, выговорила слова неистовѣннаго разврата. Бенни вскочилъ, бѣгомъ бросился въ свою небольшую рабочую комнатку, схватилъ томикъ Лонгфелло и началъ читать, скоро и громко читать, чтобы не слышать, что поютъ въ его квартирѣ, «въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ стоитъ портретъ его матери!» Это ему казалось ужасно. Это перевертывало въ немъ всѣ понятія о человѣкѣ и человѣческой натурѣ; а тутъ анекдотъ за анекдотомъ, пошлость за пошлостію, и воспитатели твердою стопою входятъ и въ послѣднее убѣжище Бенни. Книжка выпала у него изъ рукъ; онъ сѣлъ на кровать и устремилъ глаза на вонедниихъ. Тамъ стояли передъ нимъ и расцѣвали, какъ шелъ съ кумою кумъ, и какъ оба они спотыкнулися, и что отъ того сдѣлалось. У Бенни не было уже энергіи, чтобы встать и выбросить за двери этихъ людей, нарушавшихъ его спокойствіе и отравлявшихъ его жизнь. Онъ только силится помнить слова Лонгфелло и не слышать за его словами словъ пѣсни про кума и куму; но наша доморошенная русская муза одолѣла американскую. Бенни прослушалъ всѣ уиреки кумы и многократно, на разные тоны, повторенное оправданіе передъ нею кума:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся.»

Пѣвцы, увлеченные своимъ пѣніемъ, не замѣчали ослѣбѣлаго взгляда, который устремилъ на нихъ злополучный Бенни, и варьировали этотъ конецъ, долго и старательно выработывая:

«А ты, кума Матрена,
А ты, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
А ты, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
Не подвертывайся!»

Но когда раскатилась послѣдняя рулада и пѣсня была спѣта, оказалось, что она была пѣта истукану: Бенни не слыхалъ и не видалъ ничего—онъ былъ въ жесточайшемъ столбнякѣ.

Засимъ, разумѣется, понадобился докторъ, а воспитатели, удивленные нѣсколько страннымъ результатомъ своего перваго урока, разошлись, пожимая плечами и повторяя съ улыбкою:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся.»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но и на этомъ еще суждено было не кончиться злоключеніямъ Бенни. Непосредственно вслѣдъ за этою встрѣею онъ заболѣлъ очень серьезною болѣзнью и дошелъ до того крайняго обнищанія, въ которомъ тянулъ уже все послѣдующее время, пока его, по иску полковника Сверчкова и портного мастера Федора Андреева Стенанова, посадили за долгъ въ 369 р. въ долговую тюрьму, а изъ той перевели въ тюрьму политическую.

Едва Бенни оправился отъ своего столбняка и начиналъ понемногу входить въ себя, какъ однажды, ночью, въ его большую, одинокую квартиру (изъ которой артель его, лишаясь, во время болѣзни Бенни, всякаго провіанту, немедленно же разбѣжалась), является къ нему одна дама, бывшая у него въ ученицахъ типографскаго искусства. Она чѣмъ-то поразлидила съ мужемъ и, въ порывѣ гнѣва и раздраженія, явилась къ Бенни, съ просьбою дать ей у него ночлеги. Строгое понятіе Бенни о нравахъ и приличіи было шокировано этимъ до послѣдней степени; но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что нельзя же отослать женщину, приходящую среди ночи искать себѣ приюта. Бенни поручилъ свою гостью попеченіямъ своей горничной дѣвушки, нѣкогда многоизвѣстной здѣсь въ нѣкоторыхъ кружкахъ московской чухи и добрячки Прасковьи, а самъ тотчасъ же одѣлся, взялъ у перевозчика, на сенатской набережной, яликъ и уѣхалъ на взморье. Цѣлую ночь онъ простоялъ противъ Екатерингофа, глядя, какъ рыбаки ловили рыбу, и возвратился домой, когда уже былъ день. Въ слѣдующую ночь онъ уже надѣялся имѣть возможность спать въ своей постели, ибо вчерашнее нашествіе считалъ возможнымъ только разъ, въ минуту крайней растерянности. Но, возвратясь на другой день домой, около двѣнадцати часовъ ночи, онъ опять засталъ у себя свою вчерашнюю гостью, и... *чтобы избавить се отъ всякаго подозрѣній,* опять, по-вчерашнему же, провелъ ночь на яликѣ, на взморьѣ, противъ Екатерингофа. Двое сутокъ безъ сна и двѣ ночи, проведенныя на водѣ, подъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ и сырыми зорями, сказались Бенни страшною простудою, которую онъ почувствовалъ на третій же день и въ тотъ же день слегъ въ постель, чтобы не вставать съ

нея очень долго. Болѣзнь у него была весьма серьезная и сложная, средствъ для леченія не было почти никакихъ; други и пріятели всѣ его оставили, и онъ лежалъ одинешенекъ, поддерживаемый единственною заботливостію той же его служанки, простой московской крестьянской женщины Прасковьи, да безкорыстнымъ участіемъ вступившаго въ его спасеніе нѣмъ весьма извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Веніамина Тарновскаго (въ ту пору еще молодого медика). Изъ всѣхъ людей, съ которыми Бенинъ съ полнымъ великодушіемъ дѣлился всѣмъ, чѣмъ могъ по дѣлиться, его не вспомнилъ никто или, по крайней мѣрѣ, никто не вспомнилъ его съ тѣмъ, чтобы заплатить ему хотя малѣйшую внимательностію за его услуги, а вспомнили его одинъ разъ три друга, но только для того, чтобы забрать у больного послѣднія его вещи, имѣвшія хотя какую-нибудь цѣнность. Самое послѣднее платье его было со скандаломъ спасено отъ этого расхищенія тою же его служанкою Прасковьею. При самой постели тяжело больного Бенина эта московская баба Прасковья *дралась* съ социалистами, отнимая у одного прежняго сожителя Бенина послѣднюю теплую вещь, которою она одѣвала стывшія ноги больного и которую тѣ сняли и хотѣли реализовать... Это не прикрасы: это истинное событіе, которое знаютъ многіе люди.

Такъ одинокій Бенинъ предоставленъ былъ своей роковой судьбѣ. Онъ обмогался медленно и плохо. Во время его болѣзни послѣднія вещи его, убереженныя отъ расхищенія, пошли въ залогъ; силы его почти не возвращались. Онъ постарѣлъ за эту болѣзнь на десять лѣтъ; лицо его получило рановременныя глубокія морщины, прекрасныя черныя глаза его потухли, изо рта выпали почти всѣ передніе зубы. Отъ бѣднаго бѣленькаго бабушкинаго козлика, дѣтство котораго такъ холили и нѣжили въ чистенькомъ домикѣ уважаемаго томашовскаго пастора, оставались лишь ножки да рожки. Онъ буквально слегъ юношею, всталъ старцемъ. Вдобавокъ же ко всему этому, чтобы не былъ нарушенъ непостижимый законъ, по которому бѣды не бродятъ въ одиночку, а ходятъ толпами, дѣла газеты, отъ которой Бенинъ хотя и отсталъ, но въ которую все-таки могъ бы работать снова, получили самый дурной оборотъ.

Воскресши изъ мертвыхъ послѣ своей болѣзни, Бенинъ

еще разъ тяжко сознавалъ свои ошибки и тяготился воспоминаніемъ о времени, убитомъ имъ съ русскими революціонерами и социалистами. Его вѣра въ русскихъ предпринимателей получила ударъ за ударомъ: въ это время нѣкто ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда роковое извѣстіе, которому, кажется, невозможно бы и вѣрить: новость заключалась въ томъ, что извѣстный сотрудникъ «Современника» Г. З. Е—сѣвъ былъ у М. Н. Каткова и просилъ послѣдняго принять его въ число его сотрудниковъ, но... получилъ отъ г. Каткова отказъ. Бенинъ былъ этимъ жестоко смущенъ: онъ, говоря его словами, всегда вѣрилъ, что «если людишки и плохи, то между ними все-таки *два человека есть*». Эти два человека, по его мнѣнію, были г. Чернышевскій и г. Е—сѣвъ, изъ которыхъ съ послѣднимъ Бенинъ лично даже едва ли былъ знакомъ, но объ обоихъ имѣлъ самое высокое мнѣніе, и вотъ одинъ изъ нихъ, самый крѣпкій, г. Е—сѣвъ, — идетъ и предается Каткову, котораго имени Бенинъ не могъ переносить съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ являлся къ редактору «*Московскихъ Видомостей*».

...Но этимъ еще все зло не исчерпывалось: помимо свергавшаго Бенина въ отчаяніе обстоятельства, что Г. З. Е—сѣвъ искалъ сотрудничества при изданіяхъ М. Н. Каткова, оказалось, что этого же добивался у редакторовъ «*Московскихъ Видомостей*» и самъ Н. Г. Чернышевскій и что искательства этого тоже были отклонены... Бенинъ бѣгалъ, освѣдомлялся, возможно ли, слыхано ли что-нибудь подобное, и узнать, что все это и возможно, и слыхано. Съ этой поры его все поражало: онъ, напримѣръ, было «пораженъ», что Вас. Ст. Курочкинъ писалъ во время крымской обороны патріотическіе стихи, обращавшіе на него взыскующее вниманіе начальства, а Григорій Захарьевичъ Елисѣевъ сочинилъ «жизнеописаніе святителей Григорія, Германа и Варсонофія казанскихъ и свѣяжскихъ» и посвятилъ эту книгу «Его Высокопреосвященству, Высокопродѣйшему Владиміру, Архіепископу казанскому и свѣяжскому *)». Но что уже совсѣмъ сръзало Бенина, такъ это

*) Такъ такъ книга эта, можетъ-быть, знакома далеко не всѣмъ, интересующимся разнообразіемъ дарованій ея автора, то я выписываю здѣсь обращеніе г. Елисѣева къ влацкѣ казанскому и свѣяжскому при посвященіи ему сего сочиненія. Вотъ отъ слова до слова эти

и некоторые стихотворения столь известного поэта Николая Алексеевича Некрасова. Я говорю о тщательно изытой Некрасовым из продажи книжечкѣ, носившей заглавие «*Мечты и Звуки*». Я уберечь у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бенин переварить не могъ этой книги и негодовать за стихи, впрочемъ, еще не особенно несогласные съ позднѣйшими мечтами и звуками г. Некрасова. Таково, наврѣмѣрь, тамъ стихотвореніе, въ которомъ г. Некрасовъ внушалъ, что:

«Отъ жажды знанья плодъ не сладокъ!
О, не кичись, среди гордыхъ думъ,
Толпой безсмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ: *безъ Бога прахъ твои умъ!*»

Поэтъ, совѣтуя «мудрецу» не упорствовать и не изурять себя науками, пѣлъ:

«Не жди, не мучься, не грѣши:
Съ мольбой возмись за трудъ по силѣ,
Путь къ знаньямъ *второй* освяти
И съ этимъ факеломъ къ могилѣ,
Всего отгадчицѣ, гряди.»

Поучая «мудреца» идти этою дорогою, г. Некрасовъ былъ строгъ и сурово наказывалъ «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти къ «отгадчицѣ»:

«И разлюби родного сына
За отступленье отъ Творца!»

Поэтической просьбы же г. Некрасова къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэтъ боялся, чтобы графъ не былъ слабъ, и умолялъ его «не щадить виновныхъ»,

емушавшіи Бенин строки: «Высокопресвященнѣйшій Владыко, Милостивнѣйшій Отецъ и Архипастырь! Съ Вашего архипастырскаго благословенія и началъ трудъ сей: при Вашемъ постоянномъ вниманіи продолжалъ его, Валъ и приношу сію *малую лепту моего ошланія*. Высокопресвященнѣйшій Владыко! Примите съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ мое скудное приношеніе, да Вашимъ снисхожденіемъ ободритесь къ большимъ трудамъ недостойнство трудящагося. Вашего Высокопресвященства, Милостивнѣйнаго Отца и Архипастыря нижайшій послушникъ, казанской Духовной Академіи бакалавръ Григорій Елѣевъ». Этотъ тонъ возмущалъ Бенин, и мнѣ кажется, что такое посвященіе въ самый дѣлъ довольно любопытно, какъ для современниковъ автора, такъ особенно для будущаго историка литературы нашего времени, который по достоинству оцѣнитъ искренности литературныхъ трудовъ этого любопытнаго писателя и прозорливость «снисхожденія, одобрявшаго *недостойнства трудящагося*».

Артуръ Бенин не дождался, да и, по правдѣ сказать, съ него уже довольно было того, что Богъ судилъ ему слышать и видѣть.

Бенин во всей этой нечистой игрѣ съ передержкой мыслей не могъ понять ничего, да и укоримъ ли мы въ этомъ его, чужеродца. Если только вспомнимъ, что наши коренные и умные русскіе люди, какъ, напр., поэтъ Щербина, тогда до того терялись, что не знали уже, что оберегать и надъ чѣмъ потѣшаться? Припомнимъ только, что считалъ смѣшнымъ и «комическимъ» Щербина, составитель весьма хорошей, если не самой лучшей книги для русскаго народа, стало-быть человѣкъ способный болѣе чѣмъ чужеземецъ проникать въ то, что совершалось въ нашей жизни. Покойный Щербина написалъ:

«Когда былъ въ модѣ трубочность,
А генералы гнули выю;
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школы
Въ судахъ мальчишки засѣдали;
Когда фразистый произволъ
«Либерализмомъ» величали;
Когда могъ Ольхинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ;
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Плскаревъ злѣо прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генераль
Служебный якобинецъ С-совъ
И Муравьева воспѣвалъ .
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ,—
Тогда въ бездѣйствіи влачили
Я жизни незамѣтной бремя
*И счастливы, что незнаемъ были
Въ сіе комическое время!»*

Онъ былъ *счастливы* тѣмъ, что ступшевался и спрятался въ «сіе комическое время».

Чѣмъ онъ обстоятельнѣе Артура Бенин и много ли его солиднѣе относился по своему времени?

Но возвращаемся къ герою нашего разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенин порою доходилъ то до нервныхъ слезъ, то до отчаянія, то до неоставлявшихъ его столбняковъ, изъ которыхъ два были особенно продолжительны и страшны. Онъ видѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ, одураченъ, разбитъ,

оклеветанъ, смѣнить въ разрядъ мальчишекъ, обобранъ и брошенъ въ заюметъ.

Ради насущнаго хлѣба онъ бросался искать работы повсюду, и тутъ-то онъ увидаль, что именно было самаго существеннаго въ распространенной на его счетъ гнусной клеветѣ, что онъ будто бы агентъ тайной полиціи и шпионъ. Въ либеральныя или либерально-фразерскія изданія онъ, разумѣется, уже и не покушался идти искать работы; но и изъ тихоструйныхъ петербургскихъ газетъ ни одна не давала ему надежды пристроиться. Онъ обратился къ журналамъ. Первую свою работу (это была очень интересная компиляція) онъ передалъ, черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ, покойному редактору «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкину. Но покойный Дудышкинъ, при всемъ его презрѣніи къ кружкамъ, изъ которыхъ шли толки о иншонствѣ Бенинъ, однакоже усомнился принять его, и вѣжливо уклонился отъ помѣщенія его работы. Отказъ этотъ былъ сдѣланъ Бенинъ въ самой деликатной формѣ, подъ обыкновеннымъ редакціоннымъ предлогомъ; но до Бенинъ дошло, что Дудышкинъ сторонился отъ него по тѣмъ толкамъ, которые о немъ были распущены безцеремонными празднословами, и это для него было очень тяжелымъ ударомъ. Гораздо болѣе терпимости и великодушія оказали Бенинъ въ редакціяхъ: «*Эпохи*» и «*Библиотеки для чтенія*». Нѣкогда самъ много вытерпѣвшій Ф. М. Достоевскій принялъ компиляцію Бенинъ и заплатилъ за нее, а П. Д. Боборыкинъ даже предложилъ ему постоянные переводы въ «*Библиотеку*». Въ сотрудникахъ того и другого журнала Бенинъ тоже встрѣтилъ и мигкость, и довѣріе, и самъ обнаруживалъ теплыя тяготѣнія къ Н. Н. Страхову и Н. П. Воскобойникову. Въ «*Библиотеку для чтенія*» всѣми силами хотѣли поддержать Бенинъ, но все это для него уже было поздно; онъ былъ уже истерзанъ и глядѣть не жильцомъ на этомъ свѣтѣ. Два послѣдніе года онъ жилъ въ какомъ-то оступѣніи: обидныя подозрѣнія его мучили и безпрестанно напоминали ему о глупо прожитомъ времени; силы его оставили; у него явилась ко всему глубокая апатія, которой не разсѣвала и его привязанность къ любимой имъ русской дѣвушкѣ, да и эта, полная глубокаго и трагическаго значенія для Бенинъ, любовь его также его не осчастливила. Напротивъ, полюбя, онъ какъ бы совѣмъ

растерялся, и, если такъ можно понятно выразиться, какъ бы распался подъ натискомъ незнакомаго ему доселѣ чувства и потерялъ способность чѣмъ бы то ни было заниматься. Цѣлые мѣсяцы онъ не исполнялъ своихъ работъ въ журналъ, и редакція должна была передать эти работы въ другія, болѣе аккуратныя руки. Бенни остался безо всего и жить на счетъ займовъ; но, наконецъ, у него опять не стало ни кредита, ни платья, ни квартиры. Онъ проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь въ теченіе цѣлаго мѣсяца и... Богъ его знаетъ въ какомъ состояніи была въ это время его голова и угнетенное несчастливою любовью сердце, но онъ часто говорилъ вздоръ, отвѣчалъ невпопадъ и во все это время мечталъ о томъ, какъ бы освободить изъ Сибири г. Чернышевскаго. Какими средствами надѣялся онъ располагать для исполненія этого плана, это осталось его тайною. Бенни, кажется, въ это время былъ, что называютъ, «не въ полномъ разсудкѣ» и часто много и много плакалъ и молился.

Рано утромъ, въ одинъ весенній день, ночью у меня въ Коломнѣ, противъ Литовскаго рынка, Бенни былъ взятъ подъ арестъ за долгъ портному Степанову и какому-то г. Вигилианскому, отъ коего вексель Бенни перешелъ къ служившему чѣмъ-то по полиціи полковнику Сверчкову, представившему на него кормовые. Вакансій въ долговомъ отдѣленіи въ это время не было, и Бенни былъ заключенъ въ одиночный казематъ при Спасской части. Въ это время для него ударилъ роковой часъ разлуки съ Россією; онъ не хотѣлъ уходить изъ нея честью,—она выгоняла его насильно.

ГЛАВА Сороковая.

Изъ-подъ ареста Бенни уже не суждено было выйти на свободу, потому что во время его ареста за долгъ г. Сверчкову и портному Степанову, въ правительствующемъ сенатѣ было рѣшено дѣло Пичипоренки, по оговору котораго Бенни былъ подъ судомъ, и, по сенатскому рѣшенію, состоявшемуся по этому дѣлу, Бенни, за передержательство Кельсіева (въ чемъ, какъ выше сказано, его уличилъ передъ судомъ Пичипоренко), было опредѣлено «подвергнуть его трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и потомъ, какъ иностраннаго подданнаго, выслать за границу, съ воспреще-

нѣмъ навсегда вѣзжать въ Россію». Самъ Ничипоренко умеръ прежде, чѣмъ состоялось о немъ рѣшеніе, а его со-
путникъ въ побѣдѣ въ Лондонѣ, акцизный чиновникъ
Николай Антипычъ Потѣхинъ, былъ освобожденъ, на осно-
ваніи отысканнаго въ какихъ-то бумагахъ собственноруч-
наго письма г. Герцена, въ которомъ было сказано, что
все касающееся плановъ г. Герцена, извѣстно лишь только
благонадежному Ничипоренкѣ, а г. Потѣхину ничего не
открыто, потому что онъ (приводимъ подлинныя слова) «доб-
рый малый, но болтуни». Это выгодное мнѣніе г. Гер-
цена отворило передъ г. Потѣхинымъ заключенныя двери
его русской темницы.

Содержаніе подъ арестомъ въ казематѣ съѣзжаго дома
Спаской части производило на Бении ужасное дѣйствіе,
тѣмъ болѣе, что онъ былъ арестованъ больнои. Подъ аре-
стомъ первое разстройство его достигло высочайшей сте-
пени. Въ маленькой, душной, узенькой каморкѣ, съ кро-
шечнымъ окномъ подъ потолокомъ, онъ томился, жалуясь на
недостатокъ воздуха и на безпокойство, которое переносилъ
отъ безпрерывно привозимыхъ въ часть пьяницъ и дебо-
шировъ. Въ госпиталь онъ не хотѣлъ идти, боясь, что тамъ
будетъ лишнее послѣдняго удобства — одиночества, и по-
тому онъ постоянно скрывалъ свою болѣзнь отъ тюремнаго
начальства. Въ тюрьмѣ Бении помогалъ кое-чѣмъ извѣст-
ный добрякъ, такъ же безвременно погибшій, покойный ро-
ждественскій священникъ Александръ Васильевичъ Гуми-
левскій, а на выкупъ несчастливца родной братъ Бении,
пасторъ Германъ Бении, выслалъ деньги, но уже выку-
помъ дѣла невозможно было поправить: арестъ перешелъ
изъ долговаго въ криминальный. Въ тюрьмѣ, во время сво-
его заключенія, Бении, отъ скуки, читалъ очень много рус-
скихъ книгъ и, между прочимъ, прочелъ всего Гоголя. По
прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», онъ, возвращая эту книгу
тому, кто ему ее доставилъ, сказалъ: «Представьте, что
только теперь, когда меня выгоняютъ изъ Россіи, я вижу,
что я никогда не зналъ ся. Мнѣ говорили, что нужно ее
изучать то такъ, то этакъ, и всегда, изъ всѣхъ этихъ раз-
говоровъ, выходилъ только одинъ вздоръ. Мои несчастія
произошли просто отъ того, что я не прочиталъ въ свое
время «Мертвыхъ Душъ». Если бы я это сдѣлалъ хотя не
въ Лондонѣ, а въ Москвѣ, то я бы первый считалъ обяза-

тельствомъ чести доказывать, что въ Россіи никогда не можетъ быть такой революціи, о которой мечтаетъ Герценъ».

— Отчего вы такъ думаете?—спросили его.

— «Оттого, что никакіе благородные прищипы не могутъ привиться среди этихъ Чичиковыхъ и Ноздревыхъ».

За сѣмъ три мѣсяца заключенія Бенни окончились и русскіе жандармы отвезли его на ту самую пограничную съ Пруссіею станцію, откуда сибирскій купецъ совѣтовалъ ему уходить назадъ, чтобы сберечь свою жизнь, можетъ-быть, на гораздо болѣе дѣльное употребленіе, чѣмъ то, которое этотъ «натурализованный англійскій субъектъ» сдѣлалъ изъ нея, взявъ на себя непосильный трудъ научить Чичиковыхъ и Ноздревыхъ «любить ближняго, какъ самого себя». Такъ этимъ и заключилась карьера Бенни въ нашемъ отечествѣ. Суровое море русской жизни опять выбросило его на чужой берегъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Но и послѣ того, какъ этотъ бѣдный юноша, безплодно потративъ здѣсь лучшіе годы своей жизни, былъ осужденъ на вѣчное отсюда изгнаніе, и ни у народной, ни у государственной Россіи не осталось ничего, въ чемъ бы она хотѣла считаться съ отвергнутымъ ею некрепчайшимъ социалистомъ и демократомъ, известная петербургская литературная партія еще не хотѣла покончить съ нимъ своихъ счетовъ. Самый арестъ его считали или по крайней мѣрѣ выдавали за *подвохъ* и послѣ высылки его предсказывали «второе его пришествіе во славу его»...

Но чей же былъ шпионъ Артуръ Бенни и кто могъ убить его за шпионство на поляхъ Ментаны?

Въ Петербургѣ утверждали вотъ что:

— «*Бенни, или Бениславскій, былъ при гарибальдійскомъ лейонѣ русскимъ шпиономъ, а убитъ за это поляками*».

Какія доказательства представлялись въ подтвержденіе этой нелѣпой сказки?

Никакихъ.—«Духъ анализа и изслѣдованій, духъ нашего времени» вовсе не нуженъ, когда люди хотятъ клеветать.

Кончина же Артура Бенни случилась дѣйствительно не такъ, какъ ее описывали нѣкоторыя газеты, и не такъ, какъ разказываютъ о ней въ известныхъ петербургскихъ кружкахъ.

Кромѣ короткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о смерти Бенни газетами, въ Петербургѣ, близкими покойнику людьми, интересовавшимися знать всѣ обстоятельства его кончины, получены сначала частнымъ путемъ слѣдующія извѣстія.

Артуръ Бенни, послѣ высылки его изъ Россіи, жилъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы вступилъ въ церковный бракъ съ тою самою русскою дѣвушкою, которую онъ узналъ и полюбилъ въ Петербургѣ въ эпоху существованія *Знаменской коммуны*. Въ то время Артуръ Бенни подалъ о себѣ слухъ одною статьею, напечатанною имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ. Статья эта трактовала о Россіи и показывала, что Бенни, даже и послѣ прочтенія въ тюрьмѣ «*Мертвыхъ душъ*», все-таки нимало не научился понимать Россію, и все-таки думалъ, что социалистическая революція въ ней не только неминуема, но и возможна теперь же, при наличномъ изобиліи Чичиковыхъ и Ноздревыхъ. Потомъ, незадолго до послѣдней попытки Гарибальди отнять у папы Римъ, Артуръ Бенни оставилъ въ Швейцаріи жену и отправился въ Италію *корреспондентомъ* одной англійской газеты.

Въ качествѣ корреспондента дружественнаго гарибальдѣйскому дѣлу изданія, Бенни находился въ самомъ лагерѣ гарибальдѣйцевъ. Въ день Ментанской битвы онъ выѣхалъ на маленькой телѣжкѣ, запряженной одною лошадейю, и тащился влѣдъ за шедшимъ въ дѣло отрядомъ. Когда началась роковая схватка, Бенни увлекся интересомъ сраженія и, забываясь все далѣе и далѣе впередъ, заѣхалъ въ самое жаркое мѣсто драки. Это случилось въ тѣ минуты, когда гарибальдѣйцы, послѣ ожесточенныхъ стычекъ съ папскими войсками, были внезапно окружены и смяты свѣжими силами французской кавалеріи. Изнемогавшій гарибальдѣйскій отрядъ, при которомъ находился Бенни, смѣшался, дрогнулъ и началъ отступать въ такомъ смятеніи и безпорядкѣ, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать не отступленіемъ, а бѣгствомъ. Французская кавалерія, пришпоривъ коней, стремительно неслась въ погоню за измученными волонтерами и, нагоняя разтросенные ряды ихъ, усѣивала поля Ментаны изувѣченными трупами. Въ это время, слѣдуя за бѣгущимъ отрядомъ гарибальдѣйцевъ, Бенни увидалъ двухъ волонтеровъ, которые съ трудомъ уносили тя-

жело раненаго третьяго. За ними, махая обнаженными саблями, гнались три французскіе кавалериста. Бенни видѣлъ, что погибель всѣхъ этихъ людей неминуема. Онъ, долго не думая, соскочилъ съ своей повозки и предложилъ положить въ нее истекавшаго кровью раненаго и поскорѣе увезти его. Предложеніе это было принято и больнаго увезли, а *безоружный* Бенни, оставшись пѣшимъ, былъ настигнутъ преслѣдовавшими отрядъ кавалеристами, изъ которыхъ одинъ ударилъ по нему саблею и отсѣкъ ему кисть лѣвой руки. Помочь Бенни и перевязать ему отрубленную руку было некому, и Бенни, истекая кровью, тащился, отыскивая одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, но не могъ найти ни одного изъ этихъ пунктовъ, потому что всѣ они были сбиты. Ослабѣвъ отъ потери крови, Бенни палъ на полѣ битвы, гдѣ и былъ отысканъ въ безчувственномъ состояніи. Плохой уходъ въ подвижномъ гарибальдійскомъ госпиталѣ докончилъ остальное; легко излѣчимая вначалѣ, рана Бенни скоро приняла характеръ раны неизлѣчимою; у Бенни сдѣлался антоновъ огонь и быстро прекратилъ его молодую, восторженную и безчестно оклеветанную жизнь. (Таково первое сказаніе о его смерти, — ниже черезъ одну главу слѣдуетъ другое, принадлежащее г-жѣ Якоби и во многомъ представляющее дѣло иначе).

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Поляки Артура Бенни никогда иніономъ русскимъ не считали, и если въ исторіи Бенни нѣкоторое время было что-нибудь способное вводить въ заблужденіе насчетъ его личности, то это у болѣе основательныхъ людей было подозрѣніе, не слѣдуетъ ли видѣть въ самомъ Бенни, — сынѣ томашовскаго пастора изъ Царства Польскаго, подосланнаго въ Россію эмиссара польскаго революціоннаго комитета? Это было единственное подозрѣніе, которое можно было имѣть на Бенни и которое, дѣйствительно, и имѣли нѣкоторые люди, настолько, впрочемъ, честные, что не рѣшались высказывать своихъ подозрѣній прежде, чѣмъ ихъ догадки получили бы какую-нибудь достовѣрность. Полагали, что Бенни подосланъ поляками къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ для того, чтобы возбуждать глупенькихъ людей къ безпорядкамъ. Въ пользу этихъ подозрѣній были рассказы нѣсколькихъ вернувшихся въ Россію изъ-за границы

молодых ученых, которые, находясь в Парижѣ до приѣзда Бенни въ Петербургъ, знали его тамъ за поляка и, встрѣчая его потомъ здѣсь, между русскими предпринимателями, удивлялись быстрой перемены въ его симпатіяхъ, потому что въ Парижѣ они знали его однимъ изъ пламенныхъ приверженцевъ польской революціи. Одинъ изъ такихъ молодыхъ ученыхъ (иначе профессоръ Ал—инъ) говорилъ объ этомъ, не обвиняясь, многими русскими знакомымъ Бенни, что и стало извѣстно самому Бенни, который на это отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Парижѣ держался польскаго общества, но удивляется, какъ можно было отъ него требовать, чтобы, находясь въ средѣ парижскихъ поляковъ, онъ могъ высказывать симпатіи, противныя ихъ преобладающему чувству! Противъ же того, чтобы подозревать Бенни въ польскомъ эмиссарствѣ, служила, во-первыхъ, его, съ самаго перваго шага, видимая неспособность къ политической интригѣ, къ которой въ польской партіи была надобность и были великіе мастера. Вновь напечатанная въ политическѣй редакціи книжка Гогеля «Юсафатъ Огрызко» (не существующая въ продажѣ, но бывшая въ рукахъ В. В. Крестовскаго) хранитъ имена такихъ польскихъ агентовъ въ Петербургѣ, что при нихъ никуда не могъ годиться молодой безъ положенія Бенни. Было бы чрезчуръ странно, чтобы революціонный ржондъ отрядилъ для самой щекотливой миссіи въ Россію членъ самаго неопытнаго и держалъ его здѣсь, послѣ того какъ онъ, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Россіи, прослылъ шпиономъ и тѣмъ показалъ политическую свою неспособность къ интригѣ. Если же думать, что тонкіе и дальновидные члены ржонда игнорировали мифіе, родившееся насчетъ ихъ агента, и берегли Бенни для другихъ, высшихъ сферъ общества, куда благовоспитанный, приличный и образованный Бенни могъ бы проложить себѣ дорогу, то если допустить, что онъ въ тѣхъ именно слояхъ назначался служить польской интригѣ, такъ съ этимъ нельзя согласить ни поведеніе Бенни, ни поведеніе ржонда. Бенни только случайно попадалъ къ людямъ съ вѣсомъ и значеніемъ и не только не старался ориентироваться въ ихъ кругѣ, а даже тяготился этимъ кругомъ. Нельзя предполагать, чтобы Бенни такъ манкировалъ своими обязанностями, или чтобы ржондъ безучастливо оста-

влялъ его во всемъ ужасающемъ видѣ нищенскаго убожества, какъ извѣстно, вовсе не благопріятствующаго короткому сближенію съ богатыми и выгодно поставленными въ свѣтѣ людьми. Если же сдѣлать вопросомъ: были ли, однако, у Бенни какія-нибудь отношенія къ революціонному ржонду въ Польшѣ, или не было никакихъ, то пишущій эти строки можетъ отвѣчать, что они *были*, но это, сколько извѣстно, были вотъ какія отношенія. Однажды, когда авторъ этихъ записокъ и Артуръ Бенни жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, покойнаго Бенни посѣтилъ какой-то пожилой чиновникъ, весьма скромной наружности, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Бенни имѣлъ съ этимъ человѣкомъ довольно продолжительный разговоръ, шедшій съ глаза-на-глазъ. Проводивъ владимірскаго кавалера, Бенни былъ взволнованъ и сказалъ пишущему эти строки, что это приходилъ петербургскій комиссаръ народнаго ржонда. При этомъ Бенни разсказалъ также, что онъ уже получилъ изъ Варшавы три новѣстки, требующія, чтобы онъ явился туда къ революціонному начальству; но что онъ, не считая себя полякомъ, не считалъ себя и обязаннымъ исполнять это требованіе, а теперь онъ *долженъ понять, чтобы навсегда отдѣлаться отъ притязаній, которыя на него простираютъ поляки за его рожденіе въ Польшу*. Свое «я долженъ понять» Бенни мотивировалъ тѣмъ, что у него въ Польшѣ живутъ родные, и что онъ хочетъ честно разъяснить полякамъ, что онъ ихъ *политической* революціи не сочувствуетъ, а сочувствуетъ революціи международной, — *соціалистической*.

Въ эту пору Бенни былъ уже подъ судомъ по оговору Ничипоренки и могъ выѣхать изъ Петербурга или только тайно, съ тѣмъ, чтобы уже никогда сюда не возвращаться, или же испросивъ на это разрѣшенія начальства. Онъ предпочелъ послѣднее, подать просьбу о дозволеніи ему съѣздить въ Польшу «для свиданія съ умирающимъ отцомъ». Просимое разрѣшеніе ему было дано на самое короткое время съ обязательствомъ дорогою нигдѣ не останавливаться, а наблюденіе за возвращеніемъ его было поручено въ Томашовѣ какому-то начальству. Бенни все сдѣлалъ аккуратно и, возвратившись назадъ въ Петербургъ, говорилъ, что онъ теперь свободенъ и что ржондъ болѣе никакихъ претензій простираетъ на него не будетъ. Сколь

искренни были эти слова Бенни, — за то пишущій эти строки не отвѣтствуетъ, но, по привычкѣ всегда вѣрить честности Бенни, не имѣеть основаній сомнѣваться, что онъ и на этотъ разъ говорилъ правду. Да и къ тому же, надо признаться, цѣль побѣдки Артура Бенни и его возвращеніе были гораздо менѣе загадочны, чѣмъ его отпускъ изъ Петербурга. Подсудимый Бенни считался здѣсь *англійскимъ подданнымъ*, а между тѣмъ правительственное учрежденіе, снабжавшее этого *великобританскаго подданныя* Артура Бенни отпускомъ въ Польшу *для свиданія съ отцомъ его, подданнымъ русской короны, томашовскимъ пасторомъ*, ни на одну минуту не остановилось передъ разноподданностью этого отца съ сыномъ! Автору этихъ записокъ казалось, что Бенни, указавъ на свое родство съ томашовскимъ пасторомъ, можетъ утратить свои преимущества иностранца въ Россіи, что съ нимъ, хотя онъ и натурализованный англійскій субъектъ, могутъ пожелать раздѣляться какъ съ русскимъ подданнымъ, — но этого ничего не случилось. Бенни черезъ нѣсколько времени и еще разъ съѣздилъ, точно такимъ же образомъ, въ Польшу, когда отецъ его въ самомъ дѣлѣ захворалъ и скончался, и начальство опять, и во второй разъ отпуская его, не находило ничего несоотвѣтственнаго между разноподданствомъ отца съ сыномъ. Тогда Бенни, видя, что учрежденія, съ которыми онъ имѣлъ дѣло по своей подсудности, неуклонно намѣрены трактовать его иностранцемъ, черезъ что его по суду могутъ выслать изъ Россіи за границу, *подалъ просьбу о дозволеніи ему принять русское подданство*. Людямъ, удивлявшимся этой новой странной выходкѣ Бенни, онъ отвѣчалъ, что не желаетъ пользоваться привилегіею своего иностраннаго подданства и хочетъ принять на себя ту же самую степень наказанія, какая будетъ опредѣлена всѣмъ русскимъ подданнымъ, осужденнымъ съ нимъ по одному дѣлу; но ходатайство Бенни о принятіи его въ русское подданство не удовлетворено, и онъ высланъ за границу, какъ иностранецъ. Вотъ развѣ одно это только и можетъ казаться въ судьбахъ Бенни загадочнымъ, но на это-то загадочное обстоятельство никто изъ много разсуждавшихъ о Бенни людей ни разу не обратилъ вниманія.

Бенни никогда не считалъ себя литераторомъ и очень не любилъ, если въ печати какъ-нибудь появлялось его имя.

— Имя мое.—говорилъ онъ:—не поздно будетъ назвать тогда, когда я умру, и когда кто-нибудь захочетъ сдѣлать *духу моему* дружескую услугу, снявъ съ меня тягостнѣйшія для меня обвиненія въ томъ, въ чемъ меня обвиняли и въ чемъ я не повиненъ ни передъ друзьями моими, ни передъ врагами, которыхъ прощаю отъ всего моего сердца.

Теперь это сдѣлано настолько, насколько казалось удобнымъ въ настоящее время. Гораздо большее, вѣроятно, будетъ раскрыто въ другую пору дневникомъ Бенни и его бумагами, а пока это сдѣлается удобнымъ (что, конечно, случится не при нашей жизни), человекъ, о которомъ мы говоримъ, можно укорить въ легкомысленности, но надо вѣрить речательству Ивана Сергѣевича Тургенева, что «*Артуръ Бенни былъ человекъ честный*», и это речательство авторъ настоящихъ записокъ призываетъ въ подтвержденіе своего искренняго разсказа объ Артурѣ Бенни, столь незаслуженно понесшемъ тягостнѣйшія оскорбленія отъ тѣхъ, за чьи идеи онъ хотѣлъ жить и не боялся умереть.

Но остается еще сказать о томъ, что сдѣлалось извѣстно о его кончинѣ изъ другого, можетъ болѣе достовѣрнаго источника, именно изъ устъ одной очевидицы его смертнаго часа.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Артура Бенни и о его кончинѣ въ печати довольно долгое время останавливались на извѣстіи «*Иллюстрированной газеты*» г. Зотова, что «*Артуръ Бенни, о которомъ ходили разнорѣчивые и невыгодные слухи, убитъ при Мешталѣ*». Извѣстіе это, какъ оно ни кратко, снова подало поводъ къ толкамъ: старинные клеветники Бенни заговорили, что Артуръ Бенни убитъ не какъ гарибальдеецъ, а какъ открытый гарибальдѣйцами русскій шпионъ. Дѣятельные люди, на которыхъ все несчастія Бенни должны лечь позорнымъ и тяжкимъ укоромъ, обнаружили неслыханную энергію въ поддержкѣ этой послѣдней клеветы на покойнаго несчастливца, и эта послѣдняя вещь была бы, кажется, еще горше первой, потому что не предвидѣлось уже никакого слѣда для восстановленія истины; но вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года, въ газетѣ «*Неделя*», №№ 21, 22 и 23, появились воспоминанія госпожи Александры Якоби о ея пребываніи «*между гарибальдѣйцами*».

бальдіицами». Госпожа Якоби дала Артуру Бенни очень большое мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ и притомъ отнеслась къ нему въ своихъ строкахъ не только съ женскою теплотою, но и съ тѣмъ сочувствіемъ, которое возбуждаютъ у всѣхъ честныхъ людей этотъ *искреннѣйшій* молодой страдалецъ.

Желаніе сдѣлать наниѣ рассказъ объ Артурѣ Бенни по возможности полнымъ и яснымъ заставляетъ насъ сдѣлать небольшой позаниметвоанія изъ разсказа о немъ госпожи Якоби. Она встрѣтила его въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года въ числѣ раненыхъ плѣнныхъ, сваленныхъ въ какомъ-то скверномъ углу. Вотъ подлинныя слова г-жи Якоби (газета «*Нидля*» № 23, стр. 762): «Я заинтересовалась одною личностію, отъ которой не могла никогда добиться ни одного слова. Это былъ невысокаго роста господинъ съ темными волосами, довольно окладистой бородкой, немного рыжеватой посрединѣ. Одѣтъ онъ былъ въ лиловую гарибальдійскую рубашку. Лежалъ онъ облынею частію къ стѣнѣ лицомъ и мало съ кѣмъ говорилъ. Съ виду ему было лѣтъ тридцать. Подлѣ него на столикѣ лежали номера «*Times*» и нѣсколько гидовъ Бедекера въ красныхъ оберткахъ. Онъ былъ раненъ въ правую руку, и, повидимому, не особенно опасно. Разъ я увидѣла, что онъ долго разговаривалъ по-англійски съ протестантскимъ священникомъ Way. Когда мистеръ Way отошелъ отъ него, я спросила:

— Кто этотъ господинъ?

— Это Артуръ Бенни.

Тогда я прямо подошла къ нему и крѣпко пожала ему руку. Его я не знала, но была знакома въ Парижѣ съ его братомъ, Карломъ. Долго проговорили мы съ нимъ.

Все, чтѣ я буду говорить о немъ, я слышала отъ самого покойнаго, подлѣ котораго я была до послѣдней минуты.

Бенни во время сраженія находился въ лагерѣ Гарибальди, куда онъ прибылъ изъ Швейцаріи, въ качествѣ корреспондента. Когда командиръ девятаго полка былъ убитъ, тогда сынъ Гарибальди, Менотти, предложилъ Бенни команду, отъ которой онъ не отказался. Но командовать пришлось ему недолго, онъ былъ раненъ въ правую руку около большого пальца. Въ день 4-го ноября онъ вмѣстѣ съ другими ранеными былъ привезенъ въ госпиталь свя-

того Онуфрія. Вотъ, что онъ рассказывалъ мнѣ о ночи на 5-е ноября:

— Я никогда не забуду этой ночи. Вообразите, когда мы были привезены, ни постелей, ни даже соломы на полу не было. Сложивши насъ всѣхъ кое-какъ, всѣ удалились, кромѣ часовыхъ у дверей. Помню, подо мной умиралъ одинъ тяжело раненый, но у меня не было силъ сдвинуться, чтобы освободить его изъ-подъ моего груза. Около меня слышались голоса, просившіе пить. Часовые даже не двигались, сказавъ намъ: «до утра». Ночи этой не было конца. Напрасно я ждала разсвѣта,—черезъ окна, узкія, грязныя, закрытыя вѣчной паутиной, онъ пройти не могъ. Утромъ принесли лампы, начали носить кровати, мѣшки съ соломой вмѣсто тюфяковъ. Всѣхъ насъ освѣтили желтоватымъ свѣтомъ. Тутъ я увидалъ по угламъ многихъ моихъ товарищей, плавающихъ въ крови. Въ эту ночь умерло двѣнадцать человѣкъ. Что мы испытывали, трудно разсказать.

— Нельзя ли похлопотать перевести меня отсюда,—продолжалъ онъ:—здѣсь, несмотря на ничтожную рану, умру навѣрное. Вы, вѣдь, всего не видите, что здѣсь дѣлается.

— Отчего вы медлили такъ долго и не обратились ко мнѣ съ этимъ раньше? Вы бы давно уже были куда-нибудь переведены. Если бы мнѣ не позволили взять васъ къ себѣ на домъ, то мы бы выхлопотали перевести васъ въ другой госпиталь.

— У васъ и безъ меня много дѣла. Есть люди опаснѣе меня раненые. Да и потомъ, кто знаетъ, позволятъ ли?

— Вамъ можетъ то помочь, что вы по тѣмъ извѣстіямъ, которые они имѣютъ, не были объявленнымъ гарибальдийцемъ; васъ считаютъ просто корреспондентомъ.

— Такъ похлопочите, пожалуйста.

Съ помощію мистера Way и генерала-кашлера, мы выхлопотали позволеніе перевести Бенинъ въ госпиталь святой Агаты.

Въ госпиталѣ святой Агаты была отведена ему особая комната. Вообще помѣщеніемъ онъ былъ доволенъ. Подлѣ него былъ докторъ французъ, Labord.

Разница въ положеніи Бенинъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ новомъ госпиталѣ, была довольно значительная. Онъ даже, спустя недѣлю, могъ подолгу сидѣть на

своей постели и помногу писалъ лѣвой рукой. У него была большая переписка съ однимъ швейцарскимъ городкомъ, гдѣ жила имъ любимая личность, о которой онъ, впрочемъ, мнѣ сказалъ лишь тогда, когда уже не могъ болѣе писать, и когда я принуждена была ему читать получаемыя имъ письма. Кроме этой переписки, онъ велъ дневникъ своего пребыванія въ Ментайнѣ. Всѣ эти замѣтки, а также и частныя письма, оставшіяся послѣ него, были захвачены и, не смотря на мои убѣдительныя просьбы, не были мнѣ выданы. Итакъ, я отпраивлялась къ Бенни каждое утро, посила ему мясо и другую провизію и готовила ему обѣдъ сама, на небольшомъ столикѣ подлѣ его постели. Больничное кушанье пугало его. Видя его постоянно занятымъ, я убѣдительно просила его не писать много, не читать; когда у меня было время, я читала ему сама. Судя по чистому парижскому виду комнаты, мнѣ казалось, что и уходъ за нимъ долженъ быть хорошъ. Но этого-то и не было».

Г-жа Якоби описываетъ слѣдующую сцену, которую она застала однажды, вступая въ комнату больного.

«Бенни лежалъ на постели со свѣсившейся головой, обручъ и окровавленныя тряпки валялись на полу, раздробленная рука, лежавшая постоянно въ вытянутомъ положеніи, содвинута съ мѣста. Столъ раздавался по всей комнатѣ.

— Бенни,—кликнула я его:—Бенни!

Но отвѣта не было. Я взяла его голову, положила на подушку, дала ему нюхать спирту, обтерла лицо губкой, намоченной въ уксусѣ. Наконецъ онъ открылъ глаза.

— Затвори дверь, подойди поближе; вонъ видишь этотъ лѣсъ, сейчасъ оттуда выбѣгалъ тигръ и больно кусалъ мнѣ эту руку, но я его вотъ такъ!..

Онъ поднялъ другую руку и ударилъ ею *изо-всей силы по больной рукѣ*. Меня такъ и обдало холодомъ. Но что было дѣлать, я сѣла подлѣ него и стала дожидаться, когда онъ придетъ въ сознаніе.

Спустя нѣкоторое время онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Вы давно здѣсь? Что было со мной, не отрѣзали ли уже мнѣ руку? Что мнѣ дѣлать съ собою? Болѣзнь моя не улучшается. Не лучше ли дѣйствительно отрѣзать руку?

А что потомъ я буду дѣлать? Вѣдь эта рука только и поддерживаетъ мое существованіе.

Я спросила Танчони, который осматривалъ больныхъ, о состояніи Бенни.

— Да ему давно бы уже было нужно отнять кисть руки.»

Танчони г-жа Якоби не довѣряла и обратилась къ одному англичанину, доктору, и просила его черезъ посредство мистера Way прійти въ госпиталь.

«Когда пришелъ англичанинъ-докторъ, то онъ, осматрѣвъ рану, нашелъ, что Бенни не спасеть и ампутация. Но ампутацию все-таки сдѣлали тотчасъ, по уходѣ этого доктора. Меня не пропускали къ Бенни цѣлыхъ пять дней подъ предлогомъ, что ему вредно говорить. На такой резонъ я поневолѣ должна была сдаться и ходила только каждый день справляться о его здоровьѣ. Отвѣтъ былъ постоянно тотъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я вошла къ нему. Онъ былъ веселъ, показывалъ мнѣ свою коротенькую руку и говорилъ, что ему иногда хочется почесать себѣ пальцы, которыхъ нѣтъ.

— А что, какъ вы думаете, смерть теперь не догонитъ меня? Право, не хотѣлось бы умирать на полдорогѣ жизни, а, главное, жаль, что я ничего не сдѣлала.

Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто видѣлъ въ нихъ сомнѣніе.

Дѣйствительно, онъ угадалъ: я при видѣ его сдерживала неприятное чувство, которое овладѣло мной. Появившаяся маленькая лихорадка пугала меня, лицо его очень измѣнилось, глаза ввалились, носъ заострился. Однимъ словомъ, я его считала покойникомъ. Въ этотъ самый день посетила госпиталь бывшая неаполитанская королева. Между тѣмъ изъ Швейцаріи давно писали, что хотѣли пріѣхать въ Римъ *). Онъ все отклонялъ.

Прежде онъ говорилъ: «Пусть тогда пріѣзжаетъ, когда ампутация будетъ уже сдѣлана».—А потомъ думалъ: «Нѣтъ, лучше тогда, когда непрашилось. Что она будетъ дѣлать въ незнакомомъ городѣ, не зная языка».

*) Это «писали», очевидно, касается молодой особы М. П. К., пользовавшейся глубочайшею привязанностію Артура Бенни.

Но она не ждала отвѣта и прислала депешу, что уже выѣхала. А ему, между тѣмъ, становилось все хуже. Телеграммами мы мѣнялись два раза въ день (она, къ несчастію, заболѣла на дорогѣ). Въ первый день Рождества, къ вечеру, ему сдѣлалось очень худо, такъ что *онъ потребовалъ къ себѣ священника и въ десять часовъ вечера причастился*. На другой день я пришла къ нему; онъ былъ очень слабъ и еле узналъ меня.

— А, вы снова здѣсь. Подойдите, вѣдь я не такъ еще страшень. Чтѣ вы ей отвѣтили на депешу?

Перемолвясь объ этомъ, Бенинъ сказала г-жѣ Якоби:

— Только бы поправиться, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ Россію: *я радъ, что, встрѣтя васъ, могу говорить по-русски*.

27-го декабря я была у Бенина около десяти часовъ. Лихорадка била его страшно. Лицо совершенно осунулось. Подбородокъ какъ-то надвинулся къ носу.

— Бенин!—окликнула я его, проведя рукой по его уже совершенно холодному лбу.

Онъ губами прикоснулся къ моей рукѣ, и нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ.

— Теперь я, дѣйствительно, умираю. А она... вы сказали, что прѣдетъ къ одиннадцати часамъ, ну, я и стараюсь дожить, но не могу.

Это было его послѣднее слово. Агонія продолжалась до двухъ съ половиною часовъ пополудни. Тотчасъ послѣ смерти съ него былъ снятъ прекрасный портретъ масляными красками, который и былъ переданъ г-жѣ К... 29-го его похоронили на протестантскомъ кладбищѣ; въ могилу его, прежде чѣмъ засыпать ее землею, мы набросали красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленою — то были національные цвѣта Італіи».

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Таковъ рассказъ очевидицы послѣдняго томленія и смерти Артура Бенина,—рассказъ, котораго, кажется, уже нѣтъ никакого повода заподозрѣвать въ несправедливости, пристрастіи или натяжкахъ, тѣмъ болѣе, что все это подтверждается по деталямъ рассказами извѣстныхъ людей, какъ Ивана Сергѣевича Тургенева и Петра Дмитріевича Боборыкина.

Покойный Бени писалъ къ обоимъ этимъ лицамъ письма послѣ своего увѣчья лѣвою рукою и вообще выражалъ ту любовь къ русскимъ и къ Россіи, о какой свидѣтельствуетъ бывшая при его послѣднихъ минутахъ г-жа Якоби. Покойный Артуръ Бени, испивъ до дна горькую чашу укуса и жолчи, смѣшанныхъ для него пылкими увлеченіями его восторженной и альтруистической природы и коварствомъ злыхъ людей, маскированныхъ сочиняемыми на него клеветами собственную малость и ничтожество, пришелъ къ тѣмъ же самымъ разочарованіямъ, какія видимъ въ посмертныхъ запискахъ учителя его, Александра Герцена, человѣка даровитѣйшаго и тѣмъ не менѣе объявлявшаго, будто онъ «создалъ въ Россіи *поколѣніе безповоротно социалистическое*». Опубликованныя посмертныя записки Герцена показали, что у него не доставало *смѣлости* сознаться, что онъ ошибся и что «поколѣнія безповоротно социалистическаго» на Руси нѣтъ, а Скотинины, Чичиковы и Ноздревы живы. Покойный Бени, оказывается, былъ гораздо его искреннѣе, и П. С. Тургеневу съ П. Д. Боборыкинымъ извѣстно, что Артуръ Бени не только хотѣлъ просить у государя прощенія и дозволенія возвратиться въ Россію, но его даже видѣли уже занятымъ окончательною редакціею письма къ графу Петру Андреевичу Шувалову, черезъ котораго онъ намѣренъ былъ направить свое ходатайство къ императору. Судьба рѣшила все это иначе.

Дописывая эти послѣднія строки о моемъ усопшемъ другѣ, я хочу сказать короткій отвѣтъ тѣмъ, кто недоволенъ этою повѣстью и протестуетъ противъ ея появленія. Эти болѣзненно щекотливые люди, между прочимъ, говорятъ, что они не видятъ никакой надобности въ оглашеніи этой исторіи; я же вижу въ этомъ нѣсколько надобностей, изъ коихъ каждая одна настоятельнѣе другой: 1) я хочу изложеніемъ исторіи похождения Артура Бени очистить его собственную память отъ недостойныхъ клеветъ; 2) я желаю посредствомъ этой правдивой и удобной для повѣрки повѣсти освободить отъ порицанія и осужденія живыхъ лицъ, терпящихъ до сихъ поръ тяжелыя напраслины за пріязнь къ Бени при его жизни; 3) я пытаюсь показать въ этой невымышленной повѣсти настоящую картину недавней эпохи, отнявшею у нашей не богатой просвѣщенными людьми родины наилучшихъ юношей, которые

при другихъ обстоятельствахъ могли бы быть полезнѣйшими дѣятелями, и 4) я имѣю намѣреніе дать эту живую исторію всякому, кому попадется въ руки эта скромная книжка, такое чтеніе, въ коемъ старость найдетъ себѣ нѣчто на послушаніе, а молодость на поученіе. Ошибочны или нѣтъ мои соображенія, но худа эта книга никому сдѣлать не можетъ, а малую пользу можетъ принести хотя бы указаніемъ на слѣдствіе увлеченій, которыя будутъ повторяться до скончанія вѣка, точно такъ же какъ и человѣческое злословіе и клеветы.

Измѣняя съ лѣтами и съ событіями свои взгляды и убѣжденія, иногда не бесполезно отойти и поглядѣть, съ кѣмъ мы продолжаемъ сидѣть — не бесполезно вспомнить тѣхъ,

Кто истину искалъ,
И тѣхъ, кто побѣжденный палъ.
Въ толпѣ безмысленной, холодной,
Какъ жертва мысли благородной.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ.)

«Днемъ они сѣтають тьму и въ полдень ходять ошущью, какъ ночью».

Иов. I. 14.

«У Спаса бьютъ, у Николы зводятъ, у стараго Егоря часы говорятъ».

В. Даль (присловіе).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зимній, сѣверный день съ небольшою оттепелью. Два часа. Разсвѣтъ не успѣлъ оглядѣться и опять смеркается.

Въ гостиной второй руки сидятъ за столомъ хозяйка и гостя. Хозяйка стара, и видъ ея можно бы назвать почтенимъ, если бы на лицѣ ея не отпечатлѣлось слишкомъ много заботливости и искательности. Она зрѣла когда-то лучшіе дни и еще не потеряла надежды ихъ возвратить, но она не знаетъ, что для этого надо сдѣлать. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всею на свѣтѣ: это «сосудъ», сформованный «въ честь» и служащій нынѣ «сосудомъ въ поношеніе». Гостя, которую застаемъ у этой хозяйки, тоже не молода. Во всякомъ случаѣ, она уже дожила до тѣхъ лѣтъ, когда можно отказаться отъ игры въ чувства, но она, кажется, отъ этого еще не отказалась. Эта женщина, безъ сомнѣнія, была замѣчательно хороша собою, но теперь, когда она отцвѣла, отъ прежнихъ красотъ остались только «боресты»; фигура ея, однако, еще гибка и черты лица сохраняютъ правильность, а въ выраженіи преобладаетъ замѣчательная смѣшность: то

она смотритъ тихую ланю, то вдругъ эта ланя взметнется брыкливою козой.

Безкорыстно увлекаться этою дамою уже нельзя, но, быть-можетъ, что-нибудь въ этомъ родѣ еще возможно, если она поставитъ вопросъ иначе. Въ своей манерѣ держаться по отношенію къ солидной хозяйкѣ гостя отгѣпляетъ что-то особенно теплое и почтительное, даже какъ бы дочернее, но эти дамы вовсе не родственницы. Ихъ соединяетъ дружба, основанная не на одномъ согласіи ихъ вкусовъ, но и на единствѣ цѣлей: ихъ объединяетъ «*métier*».

Теперь онѣ пьютъ чай, который подали на гараховскомъ сервизѣ, покрытомъ вязанымъ одѣяльцемъ, и гостя сообщаетъ хозяйкѣ о томъ, что случилось замѣчательнаго, и о томъ, что «говорять». Говорять о соперничествѣ двухъ какихъ-то чудотворцевъ, а случилось нѣчто еще болѣе интересное и достойное вниманія: вчера совершенно неожиданно пріѣхала изъ-за границы кузина Олимпія. Это известная особа, она съ давнихъ поръ посвятила себя «вопросамъ» и постоянно живетъ въ чужихъ краяхъ; но когда она пріѣзжаетъ сюда, она привозитъ съ собою кучу новостей и «дѣласть оживленіе». Ея жизнь есть нѣчто удивительное: она не богата. О, совѣмъ не богата! Она даже не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, но при всемъ томъ она ни у кого не занимаетъ и не жалуется на свое положеніе, а еще приноситъ своей странѣ очень много пользы.

Такихъ дамъ теперь, слава Богу, есть нѣсколько, но Олимпія занимаетъ между ними самое видное мѣсто. У нея большое и прекрасное родство. Она родственница и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя здѣсь о ней разговариваютъ. Во всѣхъ глазахъ Олимпія — величина очень большая, и всѣ ей вѣрятъ, несмотря на предостереженіе, которое Диккенсъ дѣлалъ противъ всѣхъ лицъ, живущихъ неизвѣстными средствами.

Домой, на родину, Олимпія навертывается всегда внезапно и на короткое время: пріѣдетъ, броситъ взглядъ, съ однимъ, съ другимъ повидается, «освѣжитъ ресурсы» и уѣдетъ снова. Многіе говорятъ, что она очень талантлива, но, что еще важнѣе всего, она совершенно необходима.

Хозяйка на нее немножко недовольна и обращаетъ вни-

маніе на то, какъ дуетъ въ окна. Кромѣ того, она сообщаетъ, что Викторъ Густавычъ сожалѣетъ еще, что Олимпія не хочетъ «ладить». Иначе она непременно стала бы очень необходима.

— Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ Олимпіи отлично себя держать,—заключаетъ хозяйка: — такъ какъ Викторъ Густавычъ самъ ни въ чемъ не увѣренъ. Это не мало значить.

Гостыя глядитъ глазами лани и этимъ взглядомъ отвѣчаетъ, что она согласна, при чемъ дѣлаетъ маленькое движеніе брыкливой козы и взглядываетъ на шез-лонгъ, помѣщающійся передъ каминомъ между трельяжемъ и экраномъ.

Въ сторонѣ отъ дамъ, въ очень глубокомъ креслѣ, за трельяжемъ, полулежитъ, скрестивъ на груди руки и закрывъ глаза, миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она, повидимому, совсѣмъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говорятъ дамы: она устала и отдыхаетъ, а можетъ-быть она даже спитъ. Эта дѣвушка — племянница хозяйки; родные называютъ ее просто Лидія, а чужіе — Лидія Павловна. Она не любима въ своей семьѣ, потому что ведетъ себя не такъ, какъ хочется матери и братьямъ. Братья ея — блестящіе офицеры, и одинъ изъ нихъ уже дрался на дуэли. Лидія не въ фаворѣ тоже и у тетки, которую она зашла теперь навѣстить въ кои-то вѣки, но и то не скрыла, что чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Хозяйка посмотрѣла на Лидію и сказала:

— Она спитъ. Впрочемъ, — добавила она: — если бы она и не снала, это ей все равно: она нисколько не интересуется обществомъ. Чтò не касается ихъ курсовъ, того ей и не надо. Но Олимпія, въ которой я не отрицаю ея ума и связей, все-таки, очень шлепнулась съ тѣхъ поръ, какъ она въ свой прошлый прїѣздъ хотѣла развести исторію съ этими высѣченными болгарами. Помните, какая тогда съ этимъ было вышла чепуха. Они тогда прознали, что она идетъ, и сами наѣхали сюда въ большомъ множествѣ, и всѣ рассказывали, что у нихъ будто бы уже всѣхъ свѣкутъ, и что ихъ самихъ будто тоже всѣхъ высѣкли. Олимпія хотѣла этимъ воспользоваться, но увлеклась, и когда съ ней спорили, что они хвастаются, то она увѣрила, что ихъ будто здѣсь осматривали въ какой-то редакціи, и потомъ, чтобы поднять ихъ значеніе, она хотѣла нарочно открыть съ ними

балъ; но тогда стали говорить, что иностранки, пожалуй, не найдутъ, потому что, знаете, съ сѣченими вѣдь нѣкоторыя не танцуютъ.

— Я помню это. И, какъ хотите, танцовать съ сѣченими... Это... это очень необыкновенно!

— Ну, да!—продолжала хозяйка:— а послѣ кто-то провѣдалъ, что это даже и затѣвать не надобно, потому что эти господа будто сами себя здѣсь сѣкутъ въ какомъ-то переулкѣ, для того, чтобы имъ удобнѣе было привлечь вниманіе... Говорили, что Олимпія будто это и знала... Это Богъ вѣсть что такое!.. А потомъ опять оказалось, будто и это неправда, потому что въ переулкѣ ихъ хоть и сѣкли, но совѣзмъ не для этого, а ихъ такъ лѣчилъ какой-то ихъ компатріотъ въ родѣ массажа... Богъ ужъ ихъ знаетъ, какъ и разобрать, чтѣ правда и чтѣ неправда.

— Да, это вышла какая-то путаница, въ которой нельзя было ничего разобрать, кромѣ того, что ихъ сѣкли тамъ и сѣкли здѣсь.

— Вотъ именно—разгордыжъ! И это повело къ большой потерѣ, потому что братъ Лука разсердился и не только пересталъ давать денегъ на славянство, а даже не захотѣлъ и слушать. Онъ, вѣдь, знаетъ, какъ оселъ упрямъ, и прямо сказалъ: «Все обманъ!»—и не велѣлъ пускать къ себѣ не только славянъ, а и самой Олимпію, и послать ей въ на-смѣшку перо.

— Какое перо?

— Не знаю какос. — говорили, будто сорочье перо, въ шалочку.

— Да развѣ?

— Конечно! Вотъ, дескать, тебѣ, сорока, летай, и теперь никого не принимаетъ,

— На какомъ это основаніи Лука Семенычъ такъ дорого цѣнитъ свои приемы?

— Богатъ и ни у кого ничего не ищетъ, — вотъ и можетъ не принимать кого не хочетъ видѣть.

— Но вѣдь у него никакого другого вліянія и нѣтъ?

— Никакого. Но всѣ боятся, что онъ ихъ не приметъ.

Гостыя понизила тонъ и спросила:

— Вы у него этой зимой были?

Хозяйка сдѣлала отрицательный знакъ и проговорила:

— Онъ слишкомъ колокъ.

— И Аркадій тоже, кажется, у него не бывает?

— Ни Аркадій, ни Валерій: онъ мнѣ обоихъ сыновей ненавидитъ.

— Сварливый старикъ! Кого же онъ, однако, теперь принимаетъ?

— Изъ всѣхъ родныхъ къ нему теперь вошли только двое: братъ Захаръ и вотъ она—Лидя.

Гостя кивнула головой на трельяжъ и улыбнулась.

— Что онъ принимаетъ Лидю Павловну—это я понимаю. Не принимать людей съ вѣсомъ и значеніемъ и ласкать племянницу-фельдшерницу, которая идетъ наперекоръ общественнымъ традиціямъ,—это въ его вкусѣ. Такъ Лука Семеновичъ манируетъ тѣмъ, кто желалъ бы быть у него привятымъ. Но почему изъ всѣхъ родныхъ второе исключеніе предоставлено Захару Семеновичу? Нашъ милый генералъ такой же, какъ и всѣ мы, бѣдный грѣшникъ.

— Старикъ Захарушку щадитъ: «онъ,—говоритъ,—нашъ братъ Захаръ, наказанъ въ сыгость за явительство съ дурными людьми. Пусть Богъ проститъ, что онъ себѣ устроилъ».

— Ахъ, вотъ что!

Дѣвушка за трельяжемъ пошевелилась. Дамы это замѣтили, и гостя, улыбувшись, промолвила тихо:

— Неужели она опять уснетъ?

— Павѣрное,—отвѣчала хозяйка.—Она такъ повсемѣстно: придетъ, поспитъ и побѣжитъ въ свою волючку «совершать свое дѣло — потрошить чье-то мертвое тѣло». Но, однако, надо сказать, что Бертенсонъ ихъ отлично держитъ въ рукахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ его згорчили.

— Но вѣдь и онѣ ихъ потомъ проучилъ...

— Это правда, но онѣ всѣ-таки отъ него много терпятъ.

— Но отчего же Лиди Павловнѣ дома не спать?

— Хаосъ въ семьѣ, всѣ другъ другу не нравятся; ей непріятно слышать, что говорятъ ей братья о гнилическихъ конкурсахъ и дуэляхъ, а тѣмъ непріятно, что она потрошитъ мертвое тѣло, да и матери непріятно слышать, чѣмъ она занята, — вотъ и идетъ весь домъ — кто въ лѣсъ, кто по дрова... Но зато братъ Лука ее очень ласкаетъ и даже посылаетъ ей цвѣты въ волючку.

Гостя кивнула на спящую и тихо спросила:

— Она вѣдь скоро кончитъ и будетъ фельдшеричка?

— Да.

— Миѣ помнится, она еще давно какъ будто бы училась перевязкамъ?

— Ахъ, ея ученымъ нѣсть конца: и гимназiи, и педагогiи, и высшiе курсы.—все пройдено, и серьги изъ ушей вынуты, и корсетъ снять, и ходить дѣвица во всей простотѣ.

— По-толстовски?

— Мм... Ну, къ Толстому, знаете... молодежь къ нему теперь уже совсѣмъ охладѣваетъ. Я говорила всегда, что это такъ и будетъ, и нечего бояться: «не такъ страшень чортъ, какъ его малютки».

Гостыя улыбулась и замѣтила:

— Эта правда: онъ надѣлъ своею моралью; но вѣдь было время, что вы не держались этой пословицы, а равнше и сами къ нему были пристрастны.

— Я? Да, я перемѣнилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтенiе и тогда во всѣхъ отношенiяхъ была за Толстого. Его Наташа, напримѣръ! Да развѣ это не прелесть? Это былъ мой идолъ и мое божество! И это такъ увлекательно, что я не замѣтила, гдѣ тамъ излить этотъ весь его крайнiй реализмъ,—про эти пеленки съ дѣтскими пятнами. Что же такое? Дѣти мараются. Безъ этого имъ нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительнаго, какъ на прочихъ. Или вспомните потомъ, какъ у него описанъ этотъ Александръ Первый.

— Какъ же! Онъ одѣвается?

— Да. Помните, какъ онъ пристегиваетъ помочи?

— Ахъ, это божественно!

— Да; но развѣ тамъ только однѣ помочи? Вѣдь онъ передъ вами тутъ же весь, какъ живой!.. Я его вижу, я его чувствую!..

— Тоже очень хорошъ и Наполеонъ съ его темными глазами.

— У Наполеона были сѣрые глаза.

— Но они давали такое впечатлѣнiе...

— Объ этомъ не спорю; въ этомъ во всемъ Толстой несравненъ. Тутъ нѣтъ и спора; но когда онъ заумничался, бросилъ свое дѣло и сталъ писать глупости, въ родѣ того, чтобы запрещать людямъ ѣсть мясо и чтобы никто не женился, а дѣвушки чтобы зашивались по шею и не выхо-

дили замужъ, то я сразу же прямо сказала: «это вздоръ!» Тогда лучше всёхъ свести къ скопцамъ и конецъ; но я, какъ православная, я не хочу быть на его сторонѣ.

Тутъ гостя тихо замѣтила, что Толстой *собственно* никогда никому не *запрещалъ* ѣсть мясо и, кажется, говорилъ, что инымъ даже надо жениться.

— Да, я знаю, что *собственно* онъ еще ничего не запрещалъ, но, *однако*, для чего онъ объ этомъ писалъ такъ сильно-державно?

— Да, онъ, конечно, писалъ очень смѣло, но собственно онъ, слава Богу, у насъ еще даже не имѣетъ и права ничего запретить.

— Конечно, слава Богу! Но для чего онъ все это одно только и твердить? Вотъ это зачѣмъ? Онъ убѣждаетъ, что безъ вѣры нельзя служить, и все это очень мило, но вдругъ сорвется и опять начинаетъ писать глупости: наиримѣрь, зачѣмъ мыло? Ну, скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ мыло! Позвольте, но какъ же безъ мыла: какъ мыть руки, голову и, наконецъ, бѣлье? Въ золѣ его, что ли, золить? Но, однако, я бы ему еще и это простила за его прежнее. Но совѣсти говоря, всё мужчины глупы, когда берутся не за свое дѣло; но мало ли что говорится! Не всякое же лыко въ строку: вольному воля, а спаси насъ рай. То же и о мясѣ. Кто любить рыбное или мучное, пусть и не ѣсть мяса. Какая форма правленія ни будь, а къ этому нигдѣ и никто никого не принуждаетъ... Сдѣлайте милость! Еще, можетъ-быть, отъ этого для насъ филейная вырѣзка дешевле будетъ. Не правда ли?

— Конечно.

— Ну, то-то и есть! Все равно и тѣ, кто не хотятъ жениться или которыя не хотятъ замужъ выходить, — они пусть такъ и остаются, какъ имъ угодно. Вѣдь о нихъ и въ Евангелии сказано: «суть скопцы...» Понимаете, это безумцы!

Гостя сдѣлала согласный знакъ головой.

— У моихъ сыновей, когда они были мальчики, — продолжала хозяйка: — былъ репетиторъ изъ академистовъ, очень честолюбивый, но смѣлиной, и все собирался въ монахи, а когда мы ему говорили: «Вы, monsieur, лучше женитесь!» — такъ онъ на это прямо отвѣчалъ: «Не вижу надобности».

Дама слегка полуоборотилась къ трельяжу и сказала:

— Лидія, ты проснулась, или спишь еще?

— Да, ma tante,—отвѣтилъ полусонный контраalto.

— То-есть, что же это значитъ: ты выпалась, или ты еще спишь?

— Вы, ma tante, вѣроятно, хотите говорить о чемъ-нибудь, чего я не должна понимать, и хотите, чтобъ я вышла?

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, но только не изъ комнаты, а вышла бы, наконецъ, замужъ.

— А я тоже спрошу васъ, какъ вашъ семинаристъ: «для какой надобности?»

— А вотъ хотя бы для той надобности, чтобы при тебѣ можно было обо всемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ присутствіемъ.

— Да мнѣ кажется, вы и такъ не стѣняетесь.

— Ну, нѣтъ!

— Значитъ, я еще мало знаю; но считайте, что я замужемъ, и знаю все, что вамъ извѣстно.

— Послушайте, пожалуйста, что она говорить на себя! Но я вамъ что-то хотѣла сказать... Ахъ, да!.. Вы вѣдь, навѣрное, слышали, что всѣ рассказывали о томъ, какъ къ графу пріѣхалъ будто одинъ родной, какой-то гусарь, въ своей формѣ, все въ обтяжку, а онъ будто взялъ и подвязалъ ему няшкннѣ фартукъ, а иначе онъ не хотѣлъ его пустить въ салонъ.

— Да, объ этомъ говорили... и, говорятъ, это правда.

— Ну, да! И если хотите, по-моему, гусарская форма, въ самомъ дѣлѣ... не совсемъ скромно.

— Да, но очень красиво!

— Красиво — да. Но и этотъ фартукъ, вѣдь это тоже дерзость! Гусарь—и въ фартукѣ! Но вотъ чего ему еще больше нельзя простить,— это его несносная пронизательность. Отъ нея общественный вредъ.

— Вотъ, вотъ! Конечно, вредъ обществу нельзя позволить. И слушаю, въ чемъ вы видите это дѣло?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— А дѣло въ томъ, что по какому праву господинъ графъ портить нашу прислугу? Если онъ себя приучилъ, чтобы все за собою прибиралъ, то это для него и пре-

удобно; по мы къ этому пока еще вѣдь не стремимся. Не такъ ли?

— Конечно.

— Такъ для чего же онъ навязываетъ намъ невозможную жизнь панибратства съ прислугою, которая и груба, и порочна?

— Это глупо.

— Конечно, глупо. Я внушила Аркадію, чтобъ онъ сдѣлалъ это въ смѣшные стихи и прочиталъ. Вы знаете, его галантъ въ свѣтѣ вѣдь очень многимъ нравится.

— Да, это все говорятъ, и онъ такой пекательный... О, онъ пойдетъ!

— Можетъ-быть, и даже вѣроятно; но о будущемъ нельзя такъ судить: будущее, какъ говорятъ, «въ рукахъ всемогущаго Бога». Только, конечно, ему въ его успѣхѣ очень много помогаетъ его симпатичный талантъ. Второй мой сынъ, Валерій, совсѣмъ иной: это практикъ!

— О, разумѣется!—отвѣчала, немного смутившись, гостыя и торопливо повернула вопросъ въ другую сторону. — Въ чемъ же именно Толстой портитъ съ прислугою? — спросила она.

— Извольте!—отвѣчала хозяйка.—Мы будемъ говорить о прислугѣ, какъ настоящія чиновницы; но это не пустой вопросъ: о прислугѣ говоритъ Шопенгауэръ. Прислуга можетъ васъ успокоить и можетъ разстроить. Я вамъ не буду приводить всѣхъ толстовскихъ рацѣй о прислугѣ, а прямо дамъ вамъ готовую иллюстрацію, какъ это отражается. У меня вышло разстройство съ моею камеристкой... Лидія мѣшаетъ вамъ *все* разсказать, но я не могу утерпѣть и кое-что разскажу.

— Пожалуйста, *ma tante*, говорите все, что хотите! — отозвалась дѣвушка. — Я сейчасъ вотъ досплю послѣдній кусочекъ и уйду.

— Коротко скажу,—продолжала хозяйка:—пришлось передъ праздникомъ негодницу выгнать. Ну, а передъ праздниками, вы знаете, каковъ нашъ народъ и какъ трудно найти хорошую смѣну. Все жадны, все ждутъ подарковъ, а любви къ господамъ у нихъ никакой. На русской народъ очень хорошо смотрѣть издали, особенно, когда онъ молится и вѣрится. Вотъ, напримѣръ, у Рѣнина, въ *Крестномъ ходѣ*,

гдѣ, помните, изображено, какъ собрались всѣ эти сословные старосты...

— Да, или акварель Петра Соколова...

— Да, но тутъ немножко много синей краски.

— Это правда: онъ переложилъ.

— Наши художники вообще не знаютъ мѣры.

— Да, но вѣдь все дѣло въ впечатлѣніи... А у меня,— вы знаете ее,—есть одна знакомая: мы всѣ зовемъ ее «апостолица». Навѣрное, знаете!

— Конечно, знаю: вы говорите о Marie?

— О ней. Теперь есть нѣсколько подобныхъ ей печальницъ, но эту я съ другими не сравню. Эта на другихъ не похожа, и, притомъ, она уже относится къ доисторическимъ временамъ, когда еще всѣ мы говорили по-французски и не было въ модѣ ни Засѣцкой, ни Пейкеръ, и даже еще самъ Редстокъ не прѣвзжалъ... Ухъ, какая старинка! Василий Пашковъ былъ еще въ военномъ, а Модестъ Корфъ обѣими руками крестился и при всѣхъ въ соборѣ молебны служилъ въ камергерскомъ мундирѣ. А что до Алексѣя Павловича Бобринскаго, такъ онъ тогда былъ еще совсѣмъ воинъ галлицій и такъ кричалъ, что окна въ министерствѣ дрожали. Сережа Кунелевъ даже очень мило нарисовать все это въ карикатурѣ и возилъ всѣмъ показывать, и всѣ очень смѣялись.

— Я все это помню.

— Да, это вѣдь несправедливость, что будто Толстой завелъ моду ходить пѣшкомъ и трудиться: Marie это раньше всѣхъ, первая стала дѣлать. Она и полы сама мыла, и выносила все за большими до гадости. Даже она нѣсколько разъ ходила съ Николаемъ Андреевичемъ въ портерниа, хотѣла спасти тамъ какихъ-то несчастныхъ дѣвчонокъ, которыя ихъ же и просмѣяли... Конечно, нельзя же ихъ всѣхъ спасти—это глупость: онѣ необходимы; но все-таки со стороны Marie было доброе желаніе... а какъ въ полиціи тогда былъ Анненковъ, то онъ все уладилъ и скандала не вышло.

— Я помню: это смѣшно рассказывали.

— О, это было преннтересно, но все равно Marie и теперь такая же осталась: «Мать Софья и о всѣхъ сохнетъ». Она ни Редстока не ревновала къ Богу, ни Пашкова, и Толстого теперь не ревнуетъ: ей какъ будто они всѣ сродни.

а о самой о ней иначе нельзя сказать, какъ то, что хотя она и сектантка, и заблудшая овца, а все-таки въ ней очень много доброты и жалости къ людямъ. Это лучше всей ея вѣры.

— Ахъ, кажется, это такъ!

— Конечно, что же ихъ вѣра? Вѣдь очень многія эти дѣвочки совершенно жалки: мужчины ихъ сманять съ собой и бросать... Помните, какъ это сдѣлалъ Бэртонъ? Увезъ, бросилъ и живи какъ хочешь; а Маріе проводить всю жизнь въ заботахъ о комъ-нибудь. Если хотите найти сердечнаго человѣка, идите къ ней: у нея всегда есть запасъ людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я къ ней и обратилась съ просьбой порекомендовать мнѣ скромную и правдивую дѣвушку, чтобы не было въ домѣ дурнаго примѣра и фальши. Главное, чтобы не было фальши, такъ какъ я фальшь ненавижу. А Маріе даже обрадовалась. «Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать,—говорить,—ваше разсужденіе! Ложь—это порокъ, которымъ сатана началъ порчу человѣка. Онъ вѣдь *обманулъ* Еву?» Да, да, да, думаю: ты очень начитана, но ты это далеко берешь о прародителяхъ и о сатанѣ, а я тебя просто прошу о горничной дѣвушкѣ.

«— Ну, да, есть и такая! — отвѣчаетъ Маріе. — У меня теперь пріютилась въ ожиданіи мѣста какъ разъ такая превосходная дѣвушка.

«— Не притворица и не побѣгунка?

«— О, какъ можно! Она христіанка!

«— Да вѣдь у насъ всѣ крещеные и даже православные, но нравы и правила у всѣхъ ужасные.

«— Нѣтъ, что вы: у христіанъ прекрасныя правила! Притомъ, это дѣвушка, которая всегда занята, работаетъ и читаетъ «посредственныя книжки».

«— Ага, значить, она толстовка! Ну, ничего: я всякія утопіи ненавижу, но прислугѣ вперяť непротивленіе злу, по-моему, даже прекрасно. Давайте мнѣ вашу непротивленку! Я ее буду отпущать къ молению. Гдѣ они собираются молиться? Или они совсѣмъ не молятся?

«— Не знаю,—говорить:—это дѣло совѣсти, объ этомъ не надо спрашивать.

«— Конечно, мнѣ Богъ съ ней, какъ она хочетъ. Но какъ ее звать?

«— Оедѣрушка.

«— Ай, какое неблагозвучное имя.

«— Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Теодора, или даже Theodora. Чего же лучше?

«— Нѣтъ, это театралью, я буду звать ее Кати.

«— Зачѣмъ же?

«— Ну, это,—говорю,—у меня такой порядокъ».

Marie не стала возражать и прислала мнѣ свою непротвѣнку, и вообразите, дѣвушка мнѣ очень понравилась, и я ее наняла.

— Почему?—спросила гостя.

— Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Какъ очень дешево.

— Да. Но она больше и не требовала. Она сама даже совѣтъ ничего не просила, а сказала: «сколько буду стоить, столько и положите». Я и назначила. Но позвольте, это вѣдь не въ томъ дѣло; а она мнѣ тогда очень понравилась, потому что, дѣйствительно, она выглядѣла такая опрятная и скромная! А я, признаться, когда услышала, что она непротвѣнка, то я опасалась за ея опрятность, такъ какъ въ ихнихъ книжкахъ вѣдь есть противъ мыла, и я помню, няня читала, какъ на одну святую бросился безстыжий муринъ, но какъ она никогда мыломъ не мылась, то этотъ фоблазъ отъ нея такъ и отскочилъ.

— Это ужасно!

— Да, всѣ другія подверглись, а она нѣтъ; но я рѣшительно не понимаю, неужели Толстой изъ-за этого противъ мыла?

— Ахъ, нѣтъ же! Вы развѣ забыли, изъ чего мыло сгущаютъ?

— Изъ мясного сока.

— Ну, вотъ и разгадка.

— Тетя! — отозвалась изъ-за трельяжа дѣвушка. — Ну, какъ вамъ не стыдно говорить такіе вздоры!

— А что такое?

— Изъ мяса мыла не варятъ и, притомъ, очень много мыла дѣлаютъ не изъ животныхъ, а изъ растительныхъ жировъ. Наконецъ, есть яичное мыло, которое вы и покупаете.

— Ахъ, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. Это въ Казани, гдѣ былъ губернаторъ Скарятинъ; но я его теперь не покупаю. Долго покупала и очень имъ мылась, но

съ тѣхъ поръ, когда былъ шахъ персидскій, и я узнала, что онъ этимъ мыломъ себѣ ноги моетъ, мнѣ стало не-пріятно, и я его больше не покупаю.

— Охота была вамъ объ этомъ и знать!

— Ну, отчего? Пасъ въ институтахъ такой гордости не учили. И по-моему лучше интересоваться такими особами, чѣмъ неумойкамъ. Я вѣдь помню, когда Аркадій оканчивать курсъ, тогда его посѣщали разные, и приходили и эти непротивленьши, и всѣ они были въ этой въ ихней формѣ, тусклые и въ нечищенныхъ сапогахъ.

— Ужасныя «малютки»!—сказала гостя.

— Да, какіе-то они... все съ курдючками. Подпояшутся и сзади непремѣнно у нихъ дѣлается курдючокъ, а ланки безъ калошъ—и натопчуть. Это неоприятность! Но дѣвушка-непротивленька ко мнѣ пришла совсѣмъ въ опрятномъ видѣ и работала превосходно, но въ практической жизни все-таки она оказалась невозможна.

— Почему же?

— Да, да, да! Въ практической жизни много сторонъ, и она мнѣ оказалась хуже всѣхъ противленокъ!

— Появился какой-нибудь непротивленьшъ?

— Куда тамъ! Нѣтъ! просто не отгадаете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Начну хоть съ пустяковъ: пробѣгаю я ея паспортъ и наталкиваюсь опять на то, что тамъ стоитъ имя Осдѳра. Я говорю ей:

— Моя милая, мнѣ твое имя не нравится (я не люблю говорить людямъ *сы*), я буду звать тебя Катей. И она сразу же отвѣчаетъ разсужденіемъ: «Если вамъ такъ угодно, чтобы въ вашемъ домѣ служанка называлась иначе, то мнѣ это все равно: *это обычай человѣческіе!*»

— Какъ это смѣшно!

— Ужасно смѣшно. «Обычай человѣческіе...» А то еще у нихъ есть «непосредственныя обязанности къ Богу». Но я сама изъ деревенскихъ барышень и люблю иногда съ прислугой поразговаривать. Я и говорю: «Я буду звать тебя Катей, и ты должна откликаться». Отвѣчаетъ: «Слушаю-съ!» И еще,—говорю,—я тебѣ забыла сказать, что къ твоимъ обязанностямъ тоже должно относиться, чтобы ты помогала кухаркѣ убирать посуду и подтирала мокрую

триной крашенные полы въ дальнихъ комнатахъ. Но что же-съ, полы она подтирала, и мнѣ на мой зовъ «Катею» откликнулась, а если кто изъ моихъ знакомыхъ ее спроситъ, какъ ся имя, она всёми упорно отвѣчаетъ: «Федра». Я ей говорю: «Послушай, милая! Вѣдь тебѣ же сказано, и ты должна помнить, что ты теперь Катя! Зачѣмъ же ты противорѣчишь?» А она начинаетъ резонировать: «Я,—говорить,—сударыня, на ваше приказаніе откликаюсь, такъ какъ вы сказали, что это такой порядокъ въ вашемъ домѣ, и мнѣ это не вредить; но сама я лгать не могу»... Чтѣ за вздоръ! «Итъ,—говорить,—я лгать не могу, — мнѣ это вредить».

— Какова штука!—воскликнула гостья.—Она себѣ вредить не желаетъ!

— О, не желаетъ!.. Да вѣдь еще и какъ!.. Это что-то пунктуальное, что-то узкое и упрямое, какъ самъ Мартынь Иванычъ Лютеръ. Ахъ, какъ я не люблю это сухое лютеранство! И какъ хорошо, что теперь за нихъ у насъ взялись. Я спрашиваю: «Какой тебѣ вредъ? Животъ, что ли, у тебя заболитъ или голова?»

«— Итъ, — говоритъ, — животъ, можетъ-быть, не заболитъ, но есть вещи, которыя важнѣе живота и головы.

«— Что же это именно?

«— Душа человѣка. Я желаю имѣть мою совѣсть всегда въ порядкѣ».

— Вѣдь, это шпилька-съ!

— Это прямо дерзость!

— Да; но, какъ братъ Захаръ говоритъ, «хотя это и непріятно, но послѣ благословеннаго девятнадцатаго февраля—это неизбежно».

— Да, послѣ этого февраля мы у нихъ въ рукахъ.

— Особенно передъ самымъ праздникомъ. Нельзя же самимъ стать у своихъ дверей и объявлять визитерамъ, что насъ дома нѣтъ. До этого еще вообще не дошло, но, между тѣмъ, непротивленская малютка это-то именно у меня и устроила.

— Да что вы?

— Фактъ-съ!

— Право, вся надежда на градоначальника.

— Да, онъ ихъ возьметъ — «руки назадъ». Въ праздникъ я ей толкомъ растолковала: «Катя, будутъ гости, ты

должна всѣмъ говорить, что я дома и принимаю». И она принимала; но потомъ пріѣхалъ Викторъ Густавычъ. Вы знаете, человѣкъ съ его положеніемъ и въ его силѣ, а у меня два сына, и оба несходнаго характера: Аркадій — это совершенная рохля, а Валерій, вы его знаете, — живчикъ. Очень понятно, что я о нихъ забочусь, и я хотѣла съ нимъ немножко поговорить о Валеріи, который не попалъ за Аркадіемъ, а попалъ въ этотъ... университетъ и въ будущемъ году кончитъ безъ связей и безъ ничего...

Гостья сдѣлала едва замѣтное движеніе.

— И вотъ я посадила Виктора Густавыча, подбѣгаю къ ней и говорю: «Катя, а теперь если кто пріѣдетъ, ты должна говорить: *я уѣхала и что меня нѣтъ дома*». Кажется, всякая дура можетъ это понять и исполнить!

— Что же тутъ не исполнить!

— Да, самое обыкновенное. А она, вообразите, всѣмъ такъ и говорила, что «я ей приказала говорить, что я уѣхала и меня дома нѣтъ»!

— Ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула гостья и расхохоталась.

— Но вы представьте себѣ, что и всѣ точно такъ же, какъ вы, на это только смѣялись, а никто не обидѣлся, потому что всѣ всѣ же прекрасно знаютъ, что всегда въ этихъ случаяхъ лгутъ... Это такъ принято... Но молодежь стала мнѣ говорить: «*Ma tante, ваша непротивленка, кажется, очень большая дура*». Но я вѣрно поняла, что это дѣйствуетъ ся вѣра, и я разъяснила всѣмъ, что это изъ нея торчитъ графъ Толстой и сильно-державно показывается всѣмъ образованнымъ людямъ свой огромный шишъ. «Никакихъ-де визитовъ не надо! Все это глупости: лошадямъ хвосты трепать не для чего, а когда вамъ нуженъ моціонъ — мойте полы».

— Безъ мыла?

— Да, совершенно такъ просто!

— Но какъ же вы послѣ этого сдѣлали съ непротивленкой?

— Я съ ней объяснилась; я ей сказала: «Ты обдумай, тебя мнѣ рекомендовали, какъ очень хорошую дѣвушку и христіанку, а ты очень хитрая и упрямая натура. Чтò это за выходка съ твоей стороны, чтобы выдать меня за лгуницу?»

А она простодушно извиняется:

«— Я не могла сказать иначе.

«— Отчего-о-о? Бѣдная ты, помраченная голова! Отчего-о ты не могла сказать иначе?

«— Потому что вы были дома.

«— Ну, такъ и что за бѣда?

«— Я бы солгала.

«— Ну, что же такое, если бы ты немножко и солгала?

«— Я нисколько лгать не могу.

«— Нисколько?

«— Нисколько.

«— Но вѣдь ты *служишь*! Ты нанимаешься, ты получаешь жалованье!.. Для чего ты съ такими фантазіями занимаешься на мѣста?

«— Я нанимаюсь дѣлать работу, а не лгать: лгать я не могу».

Съ какихъ сторонъ съ ней ни заговорил, она все дойдетъ до своего «я лгать не могу» и станеть.

— Какая уозость, уозость!

— Страшно! «Да вѣдь надо же,—говорю:— умѣть отличать, что есть такая ложь, какой нельзя, а есть такая, которую сказать можно. Спроси у всякаго батюшки».

«— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчаетъ: — я не хочу этого различать: Богъ съ ними, я не буду ихъ и спрашивать. Въ Евангеліи объ этомъ ничего не сказано, чтобъ отличать. Чтò неправда, то все ложь, — христіане ничего не должны лгать».

— Вотъ я тутъ и вспомнила, что, когда я ее нанимала, я думала, что въ прислугѣ и вообще въ низшемъ классѣ «непротивленіе» годится и не мѣшаетъ, и даже, можетъ-быть, имъ оно и полезно, но и это вышло совсѣмъ не такъ! Вышло, что и здѣсь оно не годится и что этому вездѣ надо противодѣйствовать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйка сдвинула серьезно брови и сказала, что она говорила о такой «запасчивости» съ батюшкой, и тотъ ей разъяснилъ, что это «плодъ свободнаго, *личнаго* пониманія».

— Да, но какая же свобода, когда это все ужасно узко?— вставила съ ученымъ видомъ гостья.

— Я съ вами и согласна, и, кромѣ того, не все для всѣхъ хорошо.

Хозяйка постучала съ угрозою по столу рукой, на пальцах которой запрыгали кольца съ бирюзой, и продолжала:

— Я вѣдь очень помню, когда были въ славѣ Европеусъ и Унковскій. Это было совсѣмъ не нынѣшнее время, и тогда случилось разъ, что мы вмѣстѣ въ одномъ домѣ ужинали и туда кто-то привелъ Шевченка... Помните, хохоль... онъ что-то нашалилъ и много вытерпѣлъ; и онъ тутъ вдругъ выпилъ вина и хватилъ за ужиномъ такой экспромтъ, что никто не зналъ, куда дѣть глаза. Насилу кто-то прекрасно нашелся и сказалъ: «Повѣрьте, что хорошо для немногихъ, то совсѣмъ можетъ не годиться для всѣхъ». И это всѣхъ спасло, хотя послѣ узнали, что это еще раньше сказалъ Пушкинъ, которому Шевченко совсѣмъ не чета.

— Ну, еще бы стать говорить этакъ Пушкинъ!..

— Конечно, онъ бы не сталъ, — перебила хозяйка: — онъ жилъ въ обществѣ, и декабристы знали, что съ нимъ нельзя затѣвать. А Шевченко со всѣми якшался, и Богъ его знаетъ, если даже и правда, что Перовскій самъ велѣлъ наказывать его по-военному, то вѣдь тогда же было такое время: онъ былъ солдатъ—его и высѣкли, и это такъ слѣдовало. А Пушкинъ умѣлъ и это отгѣнить, когда сказалъ: «что прекрасно для Лондона, то не годится въ Москвѣ». И какъ онъ сказалъ, такъ это и остается: «въ Лондонѣ хорошо, а въ Москвѣ не годится».

— Въ Москвѣ теперь уже никого и нѣтъ... Катковъ умеръ.

За трельяжемъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Что вамъ смѣшно, Лида?

— «Катковъ умеръ». Вы это сказали такъ, какъ будто хотѣли сказать: «умеръ великій Панъ».

— А вы на это «сверкнули», какъ Діана.

— Я не помню, какъ сверкала Діана.

— А это такъ красиво!

— Не знаю ужъ, куда и дѣться отъ всякой красоты! Я, впрочемъ, помню, что Діана покровительствовала плебеямъ и рабамъ, и что у нея жрецомъ былъ бѣглый рабъ, убившій жреца, а сама она была дѣвушка, но помогала другимъ въ родахъ. Это прекрасно.

— Прекрасно!

А хозяйка покачала головою и замѣтила:

— Ты совершенно безъ стыда.

— Со стыдомъ, ma tante.

— Такъ что же ты говоришь! Чего жъ ты хочешь?

— Хочу, чтобъ дѣвушки не скучали въ своемъ дѣвичествѣ отъ бездѣлья и помогали тѣмъ, кому тяжело.

— Но для чего же въ родахъ?

— Да именно и въ родахъ, потому что это ужасно, и множество женщинъ мучается безъ всякой помощи, а барышни играютъ глазками. Пусть онѣ помогаютъ другимъ и самъ посмотрятся, что ихъ ожидаетъ, когда онѣ перестанутъ блисти себя какъ Даны.

— Позвольте,—вмѣшалась гостья: — я не о той совѣмъ Даны: я о той, которая сверкнула въ лѣсу на островѣ, у котораго слышали съ корабля, что «умеръ великій Панъ». Кажется, вѣдь это такъ у Тургенева?

— Я позабыла, какъ это у Тургенева.

Хозяйка продолжала:

— Тенерь опять забываютъ хорошее, а причитаютъ то, что говорить «посредственные книжки».

— А вы не обращали на эти книжки вниманія Виктора Густавыча?—спросила гостья.

— О, онѣ ихъ презираетъ; но, знаете, онѣ вѣдь лютерант, и, по его мнѣнью, если гдѣ есть о добрѣ, то это все хорошо.

— Но, однако, ваша непротивленка въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь и не была добра?

— Ну, такъ прямо я этого сказать не могу. Злою она ни съ кѣмъ не была, но когда ей долго возражаешь, то я замѣчала, что и у нея тоже что-то мелькало въ глазахъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю. Знаете, если шутя подтрунишь, такъ глазенки этакъ заискрятся... и... какое-то пламя.

— Боже мой! И для чего вы ее еще держали?

— Да, да! Я тоже разъ подумала: «эге-ге, — думаю себѣ,—да ты съ огонькомъ», и отпустила. Но, разумѣется, я прежде хотѣла знать, что можно отъ такихъ людей ждать: я ее понюнала.

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я спросила ее такъ: «Что же это, моя милая, стало-быть, если бы при тебѣ въ домѣ случилось что-нибудь та-

кое, что должно быть тайной, что отъ всѣхъ надо скрыть, стало-быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыдъ или грѣхъ?» Она сконфузилась и стала лепетать: «Я объ этомъ еще не думала... Я не знаю!» Я воспользовалась этимъ и говорю: «А если бы тебя призывали и стали спрашивать о твоихъ хозяевахъ, вѣдь ты должна же... Вѣдь какіе въ старину были хорошіе и вѣрные слуги, а и тѣ, когда приходило круто, говорили, что отъ нихъ хотѣли». Вообразите же, что она отвѣтила:

«— Это тотъ виновать, кто ихъ до этого доводилъ.

«— А если это дѣлалось по приказу?

«— Это все равно».

— Какова!

— Да-съ! Я говорю: «за это можно страдать». А она отвѣчаетъ:

«— Лучше пострадать, чѣмъ испортить свой путь жизни».

— Каково непротивленіе!

— Ну, вотъ, какъ видите!

— Впрочемъ, если смотрѣть по-ихнему и держаться Евангелія, то она не совсѣмъ и не права...

— Да, она даже очень права; но вѣдь общество не такъ устроено, чтобы все по Евангелію, и нельзя отъ насъ разомъ всего этого требовать.

— Да, это очень печально; но если вы это сломаете, а потомъ исковеркаете, то что же вы новое поставите на это мѣсто?

— Ингиллисты говорили: *ничего!*

Хозяйка промолчала и сучила въ пальцахъ полоску бу маги, а умомъ какъ будто облетала что-то давно минувшее и потомъ молвила:

— Да, *ничего*, они только и умѣли сбивать съ толку женщинъ и обучать ихъ, не стыдясь, втроемъ чай пить.

— А какъ эта непротивленка вела себя въ этихъ отношеніяхъ?

— Вы, вѣрно, хотите спросить о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ не говорить при .Лидѣ...

Но отдыхавшая за трельяжемъ .Лидія къ этому времени, вѣрно, совсѣмъ подкрѣпилась и сама имѣлась въ разговоръ уже не сонною рѣчью.

— О такой женщинѣ, какъ Оедорушка, можно при всѣхъ и все говорить.—сказала .Лидя. — И, притомъ, когда же вы

ma tante, привыкнете, что я вѣдь не ребенокъ и лучше васъ знаю не только изъ чего варится мыло, но и какъ рождается ребенокъ?

— Лида!—замѣтила съ укоризной хозяйка.

— Да, конечно, ma tante, а это знаю.

— Господи!.. Какъ ты можешь это знать?

— Вотъ удивленіе! Миѣ двадцать пятый годъ. Я живу. читаю и, наконецъ, я должна быть фельдшерницей. Что же я буду притворяться глупою дѣвчонкой, которая лжетъ, будто она вѣрнитъ, что дѣтей людямъ приносить аисты въ носу?

Хозяйка обратилась къ гостѣ и вниательно сказала:

— Вотъ вамъ Юна-циникъ въ женской формѣ. И, притомъ, она Діана, она пуританка, квакерка, она читаетъ и уважаетъ Толстого, но она не раздѣляетъ множества и его мнѣній и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ ладу.

— Я, кажется, не часто ссорюсь.

— Зато и тѣсно не дружишь ни съ кѣмъ.

— Вы ошибаетесь, ma tante, у меня есть друзья.

— Но ты ихъ бросила. Вѣдь тоже и непротивленныи пользовались у тебя фаворомъ, а теперь ты къ нимъ охладѣла.

— Съ ними нечего дѣлать.

— Но ты, однако, любила ихъ слушать.

— Да, я ихъ слушала.

— И наслушалась до тошноты, вѣрно?

— Нѣтъ, отчего же? Я и теперь готова послушать, что у нихъ хорошо обдуманно.

— Прежде ты за нихъ заступалась до слезъ.

— Заступалась, когда ваши сыновья, а мои кузены, собирали ихъ и вышучивали. Я не могу переносить, когда падеъ людьми издѣваются.

Хозяйка засмѣялась и сказала:

— Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно.

— Нѣтъ, грѣшно, ma tante, и миѣ ихъ было всегда ужасно жаль... Они сами добрые и хотятъ добра, и я о нихъ плакала...

— А потомъ сама на нихъ разсердилась.

— Не разсердилась, а увидала, что они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то про-

тивны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручки ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

— Нѣтъ, тебя уязвило то, что они идутъ противъ наукъ!

— Да, и это меня уязвляетъ.

— А я тутъ за нихъ! Для чего ты, въ самомъ дѣлѣ, продолжаешь столько лѣтъ все учиться и стоишь на своемъ, когда очевидно, что все твое ученье кончится тѣмъ, что ты будешь подначальной у какого-нибудь лѣкаршишки, и онъ поставитъ тебя въ уголъ?

— Ma tante, вѣдь это оиать вздоръ!

— Ну, онъ тебя въ передней посадитъ. Самъ поидетъ въ комнаты широга ѣсть, а тебѣ скажетъ: «Останьтесь, милая, въ передней».

— И этого не будетъ.

— А если это такъ случится, что же ты сдѣлаешь?

— Я пожалѣю о человѣкѣ, который такъ грубо обойдется со мной за то, что я не имѣю лучшихъ правъ, и только потому, что мнѣ ихъ не дали.

— И тебѣ не будетъ обидно?

— За чужую глупость? Конечно, не будетъ.

— А не лучше ли выйти замужъ, какъ всѣ?

— Для меня—нѣтъ!

— А отчего?

— Мнѣ не хочется замужъ.

— Ты, однако, престранно выражаешься. Это законъ природы.

— Ну, такъ онъ, вѣрно, еще не дошелъ до меня.

— И религія того же требуетъ.

— Моя религія этого не требуетъ.

— Христосъ былъ, однако, за бракъ.

— Не читала объ этомъ.

— А для чего же Онъ благословлялъ жениха и цевѣсту?

— Не знаю, когда это было.

Читай въ Евангелии.

— Тамъ этого нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Просто нѣтъ, да и конецъ!

— Господи! да что же это... вы все, значить, ужъ вымарали!

Дѣвушка тихо засмѣялась.

— Нечего хихикать: я знаю, что объ этомъ было, а если не въ Евангелии, то въ премудрости Павлочтении. Во всякомъ случаѣ Онъ былъ въ Канѣ Галилейской.

— Ну, и что же изъ этого?

— Значить, Онъ одобрялъ бракъ.

— А Онъ тоже былъ и у мытаря?

— Да.

— И говорилъ съ блудницей? Неужто это значить, что Онъ одобрялъ и то, что они дѣлали?

— Ты ужасная спорщица.

— Я только отвѣчаю вамъ.

— А теща Петрова! Вѣдь Христосъ ее, однако, вылъчилъ!

— А вы развѣ думаете, что если бѣ она не была чью-нибудь тещей, такъ Онъ бы ее не вылъчилъ?

— У тебя самый пренепрятный умъ.

— Да. Это многіе говорятъ. *ma tante*, и это все больше убѣждаетъ меня, что мнѣ нельзя выходить замужъ.

— Вѣдь вотъ ты рѣшительно и совершенно какъ змѣя вьнешься такъ, что тебя нельзя притиснуть.

— *Ma tante*, да зачѣмъ же непременно надо меня притиснуть?

— Мнѣ очень хочется!..

— Мой другъ, да что же дѣлать? Нельзя все устроить такъ, какъ вамъ хочется.

— Иѣтъ, я вѣдь не про то: я хотѣла бы знать, какой у васъ законоучитель, и какъ онъ не видитъ, что вы всѣ безбожницы?

— Мы получаемъ у него всѣ по пяти балловъ.

— Извольте! За что же онъ вамъ ставить по пяти балловъ?

— Онъ не можетъ иначе: мы всѣ отлично учимся.

— Вотъ вѣдь назрѣли какіе характеры!

— Полноте, *ma tante*, что это еще за характеры! Характеры идутъ, характеры зрѣютъ, они впереди и мы имъ въ подметки не годимся. И они придутъ, придутъ! «Придетъ весенній шумъ, веселый шумъ!» Здоровый умъ придетъ. *ma tante*! Придетъ! Мы живы этою вѣрой! Живите ею и вы и... вамъ будетъ хорошо, всегда хорошо, что бы съ вами ни дѣлали!

— Спасибо, милая!

— Не сердитесь, *ma tante*, — и Лидія Павловна вдругъ

оборотилась къ теткинной гостьѣ и сказала ей: — А вы хотѣли знать, былъ ли у Фёдѣры романъ? Я вамъ объ этомъ могу разсказать. У нея былъ женихъ часовщикъ; но Фёдѣрушка ему отказала, потому что у нея была сестра, которая «мирилась съ жизнью». У нея были «панье», брошь и серьги, и двое дѣтей. Она серьги и брошь берегла, а дѣтей хотѣла стащить въ воспитательный домъ; но Фёдѣра надъ ними сжалась и платила за нихъ почти все, что получала.

— А собственнаго увлеченія у нея не было?

— Вотъ это-то и было ея собственное увлеченіе!

— Да, но ей будетъ трудно платить: съ такимъ характеромъ и такими правилами, какъ у нея, она нигдѣ себѣ мѣста не нагрѣетъ.

— Другіе помогутъ.

— Видите!.. Настоящія сектанти, у нихъ все *міромъ*, — отозвалась хозяйка. — Гоните ихъ — онѣ не боятся и даже радуются.

— Вѣдь такъ и слѣдуетъ, — поддержала дѣвушка.

— Фантазіи!

— Однако, такъ сказано: надо радоваться, когда терпимъ гоненіе за правду, и, въ самомъ дѣлѣ, это очень помогаетъ распространенію идей. Намъ гонять, а мы идемъ дальше и все говоримъ про хорошее все новымъ и новымъ людямъ...

— Ну, ты, послушай, однако, сама: какая же, наконецъ, у самой тебя вѣра?

— А это такой деликатный вопросъ, ма tante, котораго я никому не позволю касаться.

— Вонъ какъ ужъ у насъ стали отвѣчать о вѣрѣ! Это, кажется, совсѣмъ не по-нашенски.

— Да, это не по-вашенски, — разсмѣявшись, отвѣтила Лидія. — По-вашенски, «подобааетъ вопросити входящаго: рцы, чадо, како вѣруещи?»

Хозяйка постучала по столу вѣеромъ и погрозила племянницѣ:

— Лидя! Въ этотъ разъ... что ты сказала здѣсь, это еще ничего, пусть это такъ и пройдетъ, но впредь помни, что у тебя есть мать и ты не должна быть помѣхой своимъ братьямъ въ карьерѣ!

— Этого, ма tante, не забудешь!

— Ну, такъ и нечего либеральничать.

— А «какo вѣруешь» — это развѣ либеральность?

— Это не по сезону.

— Ну, *ma tante*, извините: жизнь, въ самомъ дѣлѣ, дается всего одинъ разъ, и очень перазсчитливо ее приори-
равливать къ какому бы то ни было сезону... Это скоро
мѣняется.

Сказавъ это, дѣвушка встала изъ-за трельяжа и вышла
на середину комнаты. Теперь можно было видѣть, что она
очень красива. У ней стройная, удивительной силы и лов-
кости фигура, въ самомъ дѣлѣ напоминающая статуэтку
Дианы изъ Танагры, и милое цѣломудренное выраженіе лица
съ умными и смѣлыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тетка на нее посмотрѣла и на лицѣ ея выразилось арти-
стическое удовольствіе; она просіяла и тихо замѣтила:

— Желала бы я знать, гдѣ глаза у людей, которые
смѣютъ что-нибудь говорить противъ породы? Лида, не-
ужели ты безъ корсета?

— Я хожу такъ постоянно!

— И стройна, какъ богиня. Но Валеріанъ говорилъ мнѣ,
что у васъ очень много урѣдихъ, и *всѣ* теперь сияли кольца
и рѣшили не носить ни серегъ и никакихъ другихъ укра-
шеній.

— Ему какая забота?

— Отчего же, его интересуетъ все. Но развѣ это въ са-
момъ дѣлѣ правда?

— Правда.

— И вотъ вы увидите, что, навѣрное, многія не выдержатъ.

— Очень можетъ быть.

— Которой серьги къ лицу, та и не выдержитъ — на-
дѣнетъ.

— Что же, если и не выдержитъ, то, по крайней мѣрѣ,
поучится выдерживать, и это что-нибудь стѣитъ. Прощайте,
ma tante.

— И у кого пребезобразная фигура, той лучше корсетъ.

— *Ma tante*, ну, что намъ за дѣло до такихъ пустяковъ!
До свиданія.

— До свиданія. Красота ты, моя красота! Я только все
не могу быть покойна, что ты кончишь тѣмъ, что уйдешь
жить съ какимъ-нибудь непротивленныемъ.

Лидія холодно, но ласково улыбнулась и молвила:

— *Ma tante*, какъ можно знать, что съ кѣмъ будетъ? Ну, зато я не сбѣгу съ опернымъ пѣвцомъ.

— Итъ! Бога ради, пѣтъ! Лучше кто хочешь, но только чтобъ не непротивленышь. Эти «малютки» и ихъ курдючки... это всего противнѣе.

— Ахъ, *ma tante*, я ужъ и не знаю, что не противно!

— Ну, пусть лучше будетъ все противно, но только не такъ, какъ эти, которые учатъ, чтобъ не вѣнчаться и не крестить. Обвѣнчайся и потомъ пусть Богъ тебя хранить какъ Ему угодно.

И тетка встала и начала ее крестить, а потомъ проводила ее въ переднюю и тутъ ей шепнула:

— Не осуждай меня, что я была съ тобой рѣзка. Я такъ должна при этой женщицѣ, да и тебѣ впередъ совѣтую при ней быть осторожной.

— О, пустяки, *ma tante*! Я никого не боюсь.

— Не бойшься?.. Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Ахъ, *ma tante*, я не хочу и знать: мнѣ *ничего бояться*.

Сказавъ это, дѣвушка заметалась, отыскивая рукою ручку двери, и вышла на лѣстницу смущенная, съ пылающимъ лицомъ, на которомъ разомъ отражались стыдъ, гнѣвъ и сожалѣнiе.

Проходя мимо швейцара, она опустила вуалетку, но зоркій, наблюдательный взоръ швейцара все-таки видѣлъ, что она плакала.

— Эту тутъ завсегда пробираютъ! — сказалъ, оцъ стоявшему у воротъ дворнику.

— Да, ей видать, что понало! — отвѣтилъ не менѣе наблюдательный дворникъ.

А хозяйка, между тѣмъ, возвратилась въ свой «салонъ» и спросила:

— Какъ вамъ нравится этотъ экземплярецъ?

Гостья только опустила глаза кроткой лани и отвѣтила:

— Все уловить нельзя, но вездѣ и во всемъ сквозить живая красная нитка.

— О, да, сегодня она еще очень тиха, а въ прошлый разъ дѣло чуть не дошло до скандала. Кто-то вспомнилъ наше доброе время и сказалъ, какіе тогда бывали сваты, которымъ никто не смѣлъ отказать. Такъ она прямо отвѣтила: «Какъ хорошо, что теперь хоть это не дѣлается!»

— Они, изъ гимназій, такъ реальны, что совѣтъ не понимаютъ институтской теплоты.

— Нисколько! Я ее тогда прямо спросила, неужто ты бы не была тронута, если бы тебѣ подвели женшка?— такъ она даже всныхнула и оторвала: «Я не крѣпостная дѣвка!»

— Я говорю вамъ, вездѣ красная нить. И какая заносчивость, съ какою она самоувѣренностью говорить о личномъ увлеченіи несчастной сестры этой Фодоры!

— Она очень сострадательна къ дѣтямъ.

— Но что же дѣлать, когда дѣти не наполняютъ женщины всей ея жизни?

— Ахъ, съ дѣтьми очень много хлопотъ!

— Да, и даже простые, самые грубые люди при дѣтяхъ еще щутъ забыться въ любви. У меня въ прачкахъ семь лѣтъ живетъ прекрасная женщина и всегда съ собой беретъ, а въ результатѣ все-таки всякій годъ посылаетъ новаго жильца въ воспитательный домъ. А анонимный авторъ все продолжаетъ, безъ поднеси, и ничего знать не хочетъ: придетъ, отколотитъ ее, и что есть, все оберетъ. И таковы они все. Альфонизмъ въ нашихъ нравахъ. А когда я ей сказала: «Брось ихъ всехъ воиъ или обратись къ религіи: это поможетъ»,—она меня послушала и поѣхала въ Кронштадтъ, но оттуда на обратномъ пути кушила выборгскихъ кренделей и заѣхала къ мерзавцу вмѣстѣ чай пить, и теперь опять съ коробкомъ ходить и очень счастлива. Что же тутъ сдѣлать? «Не могу, — говоритъ. — бѣсъ сильнѣе». Когда женщина сознаетъ свою слабость, то съ этимъ мирнися.

— Да, мирнися, потому что это наше простое, родное, русское.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это она, наша бѣдная русская бабья плоть, а не то, что эти, какія-то куклы изъ аглицкой клеенки. Чисты, но холодны.

— О, какъ холодны! Вѣдь она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтьте, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣрю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ.—это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорить, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь это все́мъ женщинамъ врожденно и́жить дѣтей.

— И́жить, и́тъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ людямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ: «Я не люблю *неизвѣстныхъ* величинъ, я люблю то, что мнѣ извѣстно и понятно».

— Какое резонерство!

— Я и говорю: это отдастъ не сердцемъ, а математикой. Она даже не вѣритъ, что другіе любятъ дѣтей... «Иначе,— говоритъ, — не было бы такихъ негодяевъ, черезъ которыхъ русское имя въ посмѣяніи у умныхъ людей». Пану славу и могущество они вѣдь не высоко ставятъ. И вообразите, они утверждаютъ это на Майковѣ:

«Величіе народа въ томъ,
Что поситъ въ сердца оныя своемъ».

Хозяйка и гостья обѣ переглянулись и сразу же обѣ задумались, и лица ихъ приняли не-женское, официальное выраженіе. У гостыи и это прошло прежде, и она замѣтила:

— Въ то время, какъ мы, русскія женщины, подписываемъ адресъ *madame Adan*, не худо бы, чтобы мы протестовали противъ учрежденій, гдѣ не внушаютъ уваженія къ русскимъ началамъ.

Хозяйка стала нервно сучить въ рукахъ бумажку и, сдвинувъ брови, прошептала въ раздумьи: ‘

— Кто же это, однако, начнетъ?

— Не все ли равно кто?

— Но, однако... Бывало, братъ мой Лука... Онъ независимъ, и никогда не былъ либераль, и ему нечего за себя бояться... Онъ, бывало, заговоритъ о чемъ угодно, но те-неръ онъ ни за что-сь! Онъ самымъ серьезнымъ образомъ отвернулся отъ насъ и благоволитъ къ Лидіи, и это ужасно, потому что у него все состояніе благопріобрѣтенное и онъ можетъ отдать его кому хочетъ.

— Неужто все это можетъ достаться Лидіи Павловнѣ?

— Всего легче! Братъ Лука къ моимъ сыновьямъ не благоволитъ, а братъ Захарика считаетъ мотомъ и «проваль-

пою ямой». Онъ содержитъ его семейство, но ему онъ ничего не оставитъ.

Гостья встала и отошла къ открытому пианино и черезъ минуту спросила:

— А гдѣ теперь супруга и дочери Захара Семеныча?

— Его жена... не знаю въ точности... она въ Италіи или во Франціи.

— Ее держало что-то въ Вѣнѣ.

— Ахъ, это ужъ давно прошло! Такихъ державъ у ней не перечесать до вечера. Но съ ней теперь вѣдь только три дочери: вѣдь Нина, младшая, ужъ годъ, какъ вышла замужъ за графа Z. Богатъ ужасно.

— И ужасно старъ?

— Конечно, ему за семьдесятъ лѣтъ, а говорятъ, и больше, а ей лѣтъ двадцать. Много вѣдь ихъ, четыре дѣвки. А графъ, старикъ, женился на зло своимъ роднымъ. Надѣется еще имѣть дѣтей. Мы ѣздили просить ему благословеніе.

— Пусть Богъ поможетъ!

— Да. На свадьбѣ братъ Захаръ сказалъ ему: «Пью за ваше здоровье бокаль, а когда моя дочь подаритъ вамъ рога, я тогда за ея здоровье цѣлую бутылку вынью».

Въ отвѣтъ на это гостья оборотилась отъ пианино лицомъ къ хозяйкѣ, и лицо ея уже не дышало милою кротостью ланц, а имѣло выраженіе брыкливой козы, и она, повидимому, некстати, но, въ сущности, очень сообразительно сказала:

— Очевидно, что дѣло начать надо вамъ.

— Но Лидія мнѣ родная.

— Потому-то это и нужно: это покажетъ вамъ безпристрастіе и готовность все принести въ жертву общественной пользѣ, а она будетъ устранена отъ наслѣдства.

Хозяйка смотрѣла на гостью околдованнымъ взглядомъ. Дѣло соображено было вѣрно, но въ душѣ у старухи что-то болталось туда и сюда, и она оиять покрутила бумажку и шепнула:

— Не знаю... Дайте подумать. Я спрошу батюшку.

— Конечно, его и спросите.

— Хорошо, я спрошу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ сѣдой, бодрый и кругленькій генераль съ ученымъ значкомъ и съ веселыми, сѣрыми, пронзательными глазами на большомъ гладкомъ лицѣ, способномъ принимать разнообразныя выраженія.

Это и былъ братель Захаръ.

Хозяйка протянула ему руку и сказала:

— Ты очень легкокъ на поминѣ: мы сейчасъ о тебѣ говорили.

— За что же именно?—спросилъ генераль, садясь и довольно сухо здороваясь съ гостьей.

— Какъ *за что*? Просто о тебѣ говорили.

— У насъ просто о людяхъ никогда не говорятъ, а всегда ихъ за что-нибудь ругаютъ.

— Но бываютъ и исключенія.

— Два только: это *père Jean* и *père Onthon*.

— Ты настаиваешь на томъ, что это надо произносить не *Antoine*, а *Onthon*?

— Такъ произносятъ тѣ, которые на этотъ счетъ больше меня знаютъ и тебѣ моего вѣрують. Я самъ вѣдь вѣрѣ слабъ.

— Это стыдно.

— Что-жь дѣлать, когда вичего не вѣрится!

— Это огорчало нашу мать.

— Помню и повиновался, а притвориться не могъ. Она, бывало, скажетъ: «ангелъ-хранитель съ тобою»,—и я всюду ходилъ съ ангеломъ-хранителемъ, вотъ и все!

— Олимпія прѣехала.

— Миѣ всегда казалось, что ее зовутъ Олимпиада. Впрочемъ, я ею особенно не интересуюсь.

— У нея много новостей и нѣкоторыя касаются тебя. Твоя дочь, графиня Пина, беременна.

— Да, да! Разбойница, навѣрное, осуществляетъ «Волшебное дерево» изъ Бокаччо. И, однако, вышло сегодня бутылку шампанскаго и пошло поздравительную телеграмму графу. Кстати, я встрѣтилъ на-дняхъ одного товарища своего зятя и узналъ, что онъ старше меня всего только на четырнадцать лѣтъ.

— Какія же подробности объ ихъ жигѣ?

— Я ничего не знаю.

— Ты развѣ не былъ еще у Олимпіи?

— Я? Пѣтъ, мой ангель-хранитель меня туда не завелъ. Я видѣлъ, что какая-то дама мчалась въ коляскѣ и передъ нею у кучера надъ турнюроръ сзади часы. Я подумалъ: чтѣ это еще за пошлая баба тутъ появилась? И вдругъ догадался, что это она. А она сразу же устроила мнѣ непріятность: я хотѣлъ отъ нея спастись и прямо пошелъ навстрѣчу еврею, которому долженъ чертову пронасть.

— Бѣдный Захарикъ!

— Но, слава Богу, что мой хранитель бѣлъ надо мной и что это случилось противъ собора: я сейчасъ же бросился въ церковь и сталъ къ амвону, а жидъ оробѣлъ и не пошелъ дальше дверей. Но только какія теперь въ церквахъ удивительно неудобныя правила! Представь, они открываютъ всего только одну дверь, а другія закрыты. Для чего закрывать? Въ Парижѣ все храмы весь день открыты.

— У насъ, другъ мой, часто крадутъ... Было нѣсколько кражъ.

— Какіе проказники! А я черезъ это, вообразите, нѣсколько молебновъ подъ рядъ отстоялъ, но жидъ, все-таки, надулъ. Онъ ждалъ меня у общей двери, а я съ знакомымъ батюшкой утѣкъ черезъ святой алтарь и, кетати, встрѣтилъ Лиду. Она была разстроена, и я, чтобъ ее развеселить, все рассказалъ ей, какъ попался Олимпіи, а потомъ жидамъ и, наконецъ, насилу спасся черезъ храмъ убѣжища. Она развеселилась и зашла со мною выпить чашку шоколаду.

— Это ты старался ее утѣшить? Что за милый дядя!

— Да, но тутъ еще и другой былъ умыселъ. Тамъ была одна... балерина, которой никогда не удастся изобразить богиню... Я ей показалъ Лиду и сказалъ: «Смотри, дура, вотъ богиня!» Но кто и гдѣ обидѣлъ Лиду?

— Вотъ не берусь тебѣ отвѣтить. Вѣрно, «нашла коса на камень»; но она, впрочемъ, сама здѣсь говорила, что ее будто даже и «нельзя обидѣть».

— Ахъ, это ничего болѣе какъ всемъ противныя толстовскія бетизы! Увѣрю васъ, что всеми этими глупостями это все ихъ Левъ Толстой нутаетъ! «Da ist der Hund begraben!» Рѣшительно не понимаю, чего этотъ старикъ хо-

четь? Кричатъ ему со всѣхъ концовъ свѣта, что онъ первый мудрецъ. вотъ онъ и помѣшался. А я рѣшительно не нахожу, что такое въ самомъ въ немъ находить мудрецовскаго.

— И я тоже.

— Да и никто не находитъ, а это все за границей. Мы съ нимъ когда-то разъ даже жили на одной улицѣ, и я ничего премудраго въ немъ не замѣчалъ. И помню, онъ былъ разъ и въ театрѣ, а потомъ у общихъ знакомыхъ, и когда всѣмъ подали чай, онъ сказалъ человѣку: «подай мигъ, братецъ, рюмку водки».

— И вышилъ?

— Да, вышилъ и закурилъ, не помню, баранкой или корочкой хлѣба. И все это было самое обыкновенное, а потомъ вдругъ зачудилъ и въ мудрецы попалъ!.. Удача! Но я хотя и не раздѣляю его христіанства, которое несетъ смерть культурѣ, но самого его я уважаю.

— За что же?

— Конечно, не за его мудрости! Это пустяки! Но я этихъ его непротипленнышей люблю, съ ними такъ хорошо поговорить за кофе.

— Я этого не нахожу.

— Ну, нѣтъ!.. На многое они оригинально смотрятъ. Я не признаю, чтобы это что-нибудь изъ ихъ фантазій было можно осуществить. Теперь не тотъ вѣкъ, но отчего не поболтать? Вѣдь, Бисмаркъ же любилъ поговорить съ социалистами. «Малетки» же эти идутъ наперекоръ социалистамъ.

— Какъ это наперекоръ?

— А такъ: непротипленныши вѣдь отказываются отъ наслѣдствъ всегда въ пользу родныхъ... Это то самое, чего Петръ Первый хотѣлъ достичь черезъ майораты... Это надо поощрять, чтобы не дробились состоянія. А самъ Толстой только чертовски самолюбивъ, но зато съ большимъ характеромъ. Это у насъ рѣдкость. Его нельзя согнуть въ бараний рогъ и заставить за какую-нибудь блянку бляеть по-бараньи: бя-я-я!

Генераль потравилъ себя пальцами за горло и издалъ звуки, очень разсмѣившіе хозяйку и гостя.

— Но зачѣмъ же у него эта неспособная прощатель-

ность, и для чего онъ такъ толкуеть, что будто ничего не нужно?

— А это скверность, но я успокоиваю себя своею русскою поговоркой: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

— И я это говорю всегда: онъ тамъ я не знаю гдѣ, а эти Figaro ci—Figaro là разбрелись, какъ цыплята.

— Вотъ именно цыплята... Отчего это у нихъ такъ топорщится, какъ будто хвосты перяется?

— А ужъ это надо ихъ осмотрѣть и удостовѣриться.

— Ну, какъ можно ихъ смущать!

— А они не церемонятся смущать вѣру.

— Мою вѣру смутить нельзя: въ разсужденіи вѣры я байронистъ; я емъ устриць и пью вино, а кто ихъ со-здалъ: Юпитеръ, Панъ или Нептунъ — это мнѣ все равно! И я объ этомъ и не богохульствую, но его песносная на панъ счетъ проникаемость—это скверно. И потому для чего онъ увѣряетъ, будто «не мечите бисера передъ свиньями» сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтобы они не со всякою скотиной обо всемъ болтали — это глупость. Есть люди—ангелы, а есть и свиньи.

— Но только эти милыя животныя, надѣюсь, находятся въ своихъ мѣстечкахъ, гдѣ имъ надо быть.

— Да; имъ бы всѣмъ надо быть въ своихъ закутахъ, но случается и иначе: бываетъ, что свиньи садятся въ гостиныхъ.

— О, Господи! какіе ужасы!

— О, да! Есть много ужасовъ.

— Но, а есть ли зато гдѣ-нибудь ангелы?

— А есть... Вотъ, на примѣръ, хоть такіе, какъ наша Лидя!

— Не нахожу: дѣвчонки, которыя не знаютъ, что онѣ такое.

— Вы, господа, пренебрежительно ихъ мучите и, можно сказать, истязаете!

— Какимъ это образомъ?

— Вы къ нимъ пристаёте, ихъ злите, а когда обѣд-няя дѣвчонки въ ветеринѣнн что-нибудь вамъ брякнутъ, вы это разглашаете и имъ вредите. Но правдѣ сказать, это подлость!

— Ни о чемъ такомъ не слыхала.

— А я, представь, слышала. Говорить, будто, когда Лидя пришла къ тебѣ на балъ въ закрытомъ лифѣ, ты ей сдѣлала колкость.

— Нимало!

— Ты надъ ней обидно пошутила: ты сказала, что она, вѣроятно, когда будетъ дамой, то и своему будущему Адаму покажетъ себя «кармелиткой», въ двойномъ капюшонѣ, а она тебѣ будто отвѣчала, что къ *своему* Адаму она, можетъ-быть, придетъ даже «Евой», а постороннимъ на балу не хочетъ свои плечи показывать.

— И представь, это правда, она такъ и сказала!

— Сказала, потому что не надо было къ ней приставать. Байронъ прекрасно замѣтилъ, что «и кляча брыкается, если сбруи рѣжеть ей тѣло», а вѣдь Лидя не кляча, а молодая, смѣлая и прекрасная дѣвушка. Для такой Евы, чортъ бы меня взялъ, очень стѣнитъ отдать все свои прелющества и идти снова въ студенты.

— Ты за ней просто волочишься?

— Я не очень, а ты-бъ послушала, какого мнѣнія о ней нашъ старшій братъ Лука! Онъ говоритъ, что «провелъ съ нею самое счастливѣйшее лѣто въ своей жизни». А вѣдь ему скоро пойдетъ восьмой десятокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ она тамъ у него въ прошломъ году чудесъ надѣлала! Мужикъ у него есть Симка, медвѣдей все обходить. Человѣкъ сорока восьми лѣтъ и ниисомъ заболѣть. Распотѣлъ и посидѣлъ на промерзломъ камнѣ,—вотъ и нииса... болѣзнь сѣдалищаго нерва... Понимаете, приходится въ какомъ мѣстѣ?

— Ты безъ подробностей.

— Такъ вотъ его три года врачи лѣчили, а братъ платилъ; и по разнымъ мѣстамъ цѣлители его исцѣляли, и тоже не исцѣлили, а только деньги на молитвы брали. И вся огромнѣйшая семья богатыря въ раззоръ пришла. А Лидя пріѣхала къ дядѣ гостить и говорить: «Этому можно попробовать помочь, только надо это съ терпѣніемъ».

— Ну, этого ей, дѣйствительно, не занимать стагъ!—замѣтила съ сдержанною проницей хозяйка.

— Да, она и начала класть этого мужичищу мордой внизъ, да по два раза въ день его подъ поленницей разминала!.. Понимаете вы? Этакими-то ея удивительными античными руками, да по этакому-то мужичьему мѣсту! И по-

смотрѣлъ и говорю: «Какъ же теперь послѣ этого твою руку цѣловать?» Она говоритъ: «Руки даны не для того, чтобъ ихъ цѣловать, а для того, чтобъ онѣ служили людямъ на пользу». А братъ Лука... онъ вѣдь сталъ старикъ цѣлный и первый: онъ какъ увидать это, такъ и зарыдалъ... Понѣ приходилъ къ нему дровъ просить, такъ онъ схватилъ его и потащилъ, и показываетъ пону: «Смотри! — говоритъ,—видишь ли?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вижу, ваше высокопревосходительство!»

«— А разумѣешь ли?»

«— Разумѣю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Маловѣрны только и ко храму лѣбностны, но по дѣламъ очень изрядны.

«— То-то вотъ и есть «очень изрядны!» А ты, вотъ, и молись за нихъ въ храмѣ-то. Это твое дѣло. А я тебѣ велю за это дровъ дать.

«— Слушаю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Буду стараться!»

— И ничего, небось, не старался?

— Ну, разумѣется: дуракъ онъ, что ли, что будетъ стараться, когда дрова уже выданы? А только Симка-то теперь ходить и опять дѣтей своихъ кормить, а Лиду какъ увидить, сейчасъ плачетъ и плачетъ: «Не помирай, барышня! Лучше пусть я за тебя поколю... Ты намъ matka!» Нѣтъ, что вы ни говорите, эти дѣвушки прелесть!

— Только съ ними человѣческой родъ прекратится.

— Отчего это?

— Не идутъ замужъ.

— Какой вздоръ! Посватается такой, какого имъ надо, и пойдутъ. А, впрочемъ, это бы еще и лучше, потому что, по правдѣ сказать, нашъ братъ мужичинники-то стали такая подгань, что и не стѣнать за нихъ и выходить путной дѣвушкѣ.

— Пусть и сидятъ въ дѣвкахъ.

— И что за бѣда?

— Старыя дѣвки все злы дѣлаются.

— Эго только тѣ, которымъ очень хотѣлось замужъ и ихъ темпераментъ безноконтъ.

— Дѣло совсѣмъ не въ темпераментѣ, а на старую дѣвушку смогрять, какъ на бракованную.

— Такъ смотрять дураки, а умные люди, наоборотъ.

даже съ уваженіемъ смотрятъ на пожилую дѣвушку, которая не захотѣла замужъ. Да вѣдь дѣвство, кажется, одобряетъ и церковь. Или я ошибаюсь? Можетъ-быть, это не такъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка улыбнулась и отвѣчала:

— Нѣтъ, это такъ; но всего любопытнѣе, что за дѣвство вступаешься ты, мой грѣшный Захарикъ.

— А что, сестрица, дѣлать? Теперь и я уже не тотъ, и въ шестьдесятъ пять лѣтъ и ко мнѣ, вмѣсто жизнерадостной гризетки, порою забѣгаетъ мысль о смерти и заставляеть задумываться. Ты не смѣйся надъ этимъ. Когда и самъ дьяволъ постарѣетъ, онъ сдѣлается пустыннымъ. Посмотри-ка на нашихъ старовѣровъ, не здѣсь, а въ захолустьяхъ! Все вѣдь живутъ и согрѣшаютъ, а волгъ какая у нихъ есть отличная манера: какъ старичку стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ отъ сожительницы изъ чулана пречь, и даже часто выселяется совсѣмъ изъ дому. Построить себѣ на огородѣ «хижину», подъ видомъ баньки, и поселяется тамъ съ нарочитымъ отрокомъ, своего рода «Гіезіемъ», и живетъ, читаетъ Богословца или *Ключъ разумія*, а въ деньгахъ и въ дѣлахъ уже не участвуетъ, вообще не мотрошится по глазамъ у молодыхъ, которымъ надо еще въ жизни своей чередъ отвести. Я это, право, хвалю. Пускай тамъ и говорятъ, будто отшельнички-старички разъ въ недѣлку, въ субботу, по старой памяти, къ своимъ старушкамъ къ чуланъ заходятъ, но я вѣрю, что это они только приходятъ чистое обѣщанье взять... Милые старички и старушечки! Какъ имъ зато хорошо будетъ въ вѣчности!

— Вѣднѣй Захарикъ! Можетъ-быть, и ты такъ хотѣлъ бы?

— О, безъ сомнѣнія! Но только куда намъ, безвѣрнымъ! А кстати, чтѣ это я замѣтилъ: у твоего Аркадія, кажется, опять новый отрокъ?

Хозяйка сдвинула брови и отвѣчала:

— Не понимаю, съ какой стати это тебя занимаетъ?

— Не занимаетъ, а я спросилъ къ слову о Гіезіи, а если объ этомъ нельзя говорить, то перейдемъ къ другому: какъ Валерій, благополучно ли добираетъ свой университетъ?

— А почему же онъ его «доннибаеть»?

— Ну, да, конечно, что ли! Будто не все равно? Не укусила ли его какая-нибудь якобинская бактерия?

— Мой сынъ воспитанъ на здоровой нищѣ и бактерия не боится.

— Не возлагай на это излишнихъ надеждъ: домашнее воспитаніе все равно, что домашняя температура. Чѣмъ было въ комнатѣ теплѣе, тѣмъ опаснѣе, что дѣти простудятся, когда ихъ охватитъ.

— Тишуйте себя на языкъ. Но я за Валерія не боюсь: его Богъ бережетъ.

— Ахъ, да, да, да, вѣдь онъ «тепло-вѣрующій»!

— Такими вещами не шутятъ. Мы, русскіе, все тепло вѣримъ.

— Да, мы теплые ребята! Но постойте, господа, я видѣлъ картину Ге!

— Опять яичница?

— Нѣтъ. Это просто *бойня*! Это ужасно видѣть-ся!

— Очень рада, что его прогоняютъ съ выставокъ. Мы его самого показывали... Господи! Чтò это за панталоны и чтò за пальто!

— Пальто воглотило много лучей солнца, но это еще не серьезно.

— А ты находишь, что его мазня—это серьезно?

— Я говорю не о мазнѣ, а о фракѣ.

— Что за вздоръ!

— Это не вздоръ. Онъ долженъ былъ представиться и не могъ, потому что подарилъ свой фракъ знакомому лакею.

— Но почему это узнали?

— Онъ самъ такъ сказалъ.

— Какъ это глупо!

— И дерзко!—поддержала гостя.

А генералъ заключилъ:

— Это *замѣчательно*! Теперь просто говорить: «замѣчательно»!

— А почему замѣчательно?

— А потому замѣчательно, что эти,—какъ вы ихъ кличете,—«непротивленныи» или «малютки» все чему-то противятся, а мы, которые думаемъ, что мы *сопротивленцы* и взрослые.—мы, на самомъ дѣлѣ, ни на чорта не годны, кромѣ какъ съ тарелокъ подачки лизать.

— Ну,—пошутила хозяйка:—онъ опять договорится до того, что кого-нибудь зацѣпшитъ!

И, проговоривъ это, она снисходительно вздохнула и вышла какъ бы по хозяйству.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ гостиной остались вдвоемъ генераль и гостья, и топъ бесѣды сразу же измѣнился.

Генераль сдвинулъ брови и началъ отрывистую рѣчь къ гостѣ:

— Я предпочелъ видѣться съ вами здѣсь, потому что вашъ больной мужъ вчера приходилъ ко мнѣ и былъ неотступенъ. Это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, сверхъ всякой мѣры жестоко—разсылать больного старика по такимъ дѣламъ!

— По какимъ «такимъ дѣламъ»?

— Которымъ на языкѣ поридочныхъ людей нѣтъ имени.

— Я ничего не понимаю, но я писала вамъ письмо, а вы, какъ неаккуратный человекъ, на него не отвѣчали.

— Позвольте, но чтобы прислать вамъ удовлетворительный отвѣтъ на ваше письмо, надо было доставить вамъ тысячу рублей.

— Да.

— Вотъ то и есть! А я не шахъ персидскій, которому стоить зацѣпшитъ горсть брильянтовъ и дѣло готово.

Дама позеленѣла и, сверкая злобой, спросила:

— Что это значитъ? Къ чему здѣсь при мнѣ второй разъ вспоминають персидскаго шаха?

— А я почему могу знать, отчего его при васъ вспоминають? Мнѣ только кажется, что есть люди, которымъ я уже давно сдѣлать все, что я могъ, и даже то, чего не могъ и чего ни за что не стать бы дѣлать, еслибъ это грозило неприятностями только одному мнѣ, а не другимъ людямъ.

Генераль, видимо, сердился и говорилъ зашальчиво.

— Минуло двадцать лѣтъ, какъ вашъ мужъ такъ удивительно узнать, когда я былъ у васъ и... Я спасся и спасъ васъ, да не спасъ мою памятную книжку, и вотъ я берегу людей...

— О! вы все еще возитесь съ этою жалобною сказкой?

— Позвольте: я вожусь! Я не подлець и потому я во-

жусь и дѣлаю для васъ подлости, чтобы только перетерпѣть все на себѣ самомъ. Прошу за васъ особь, съ которыми я не хотѣлъ бы знаться, но вамъ все *мало*. Скажите же, когда вамъ будетъ, наконецъ, довольно?

— Другіе получаютъ больше!

— Ахъ, вотъ зачѣмъ другіе больше? Ну, ужъ это вы меня простите! Я этихъ дѣлъ не знаю, за чтѣмъ кого и по сколько у васъ одѣляютъ. Можетъ-быть, другіе искуснѣе васъ... или они усерднѣе и оказываютъ больше услугъ.

— Пустое! Никто ничѣмъ не можетъ услужить! Уху нельзя сварить безъ рыбы..

— Ну, я не знаю!.. «Безъ рыбы!»! Господи! Неужто ужъ совсѣмъ не стало рыбы?

— Вообразите, да! Безрыбье!

— Ну, я теперь не знаю, чтѣ заведете дѣлать!.. Я вамъ сказалъ, что этихъ вашихъ дѣлъ рѣшительно не знаю! Вѣдь грѣшенъ, вѣдь, но этою мерзостью не занимался!

Генераль высоко поднялъ руку и истово перекрестился.

— Вотъ!—сказалъ онъ, нервно доставая изъ кармана конвертъ и подавая его дамѣ.—Вотъ-съ! Возьмите, пожалуйста, скорѣй! Здѣсь ровно тысяча рублей. Я бѣдный, прогорѣлый человѣкъ, но ничего изъ чужихъ денегъ не краду. Тысяча рублей. Это для васъ пособіе, которое я выпрашиваю второй разъ въ году. Только, пожалуйста, пожалуйста, не благодарите меня! Я дѣлаю это съ величайшимъ отвращеніемъ и прошу васъ...

Дама хотѣла что-то сказать, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, не присылайте больше ко мнѣ своего несчастнаго мужа! Увѣрю васъ, что у меня есть нервы и кое-какой остатокъ совѣсти. Мы его съ вами когда-то подло обманывали, но это было давно, и тогда я это могъ, потому что тогда онъ и самъ въ свой чередъ обманывалъ другихъ. Но теперь?.. Этотъ его рамолитическій видъ, эти его трясущіяся колѣни... О, Господи, избавьте! Бога ради избавьте! Иначе я самъ когда-нибудь брошусь передъ нимъ на колѣни и во всемъ ему признаюсь.

Дама разсмѣялась и сказала:

— Я увѣрена, что вы такой глупости никогда не сдѣлаете.

— Нѣтъ, сдѣлаю!

— Ну, такъ я ее не боюсь.

По лицу генерала скользнула улыбка, которую онъ, однако, удержалъ, и молвилъ:

— Ага! значить, это для него не было бы новостью! О, Господи! Разрази насъ, пожалуйста, чтобы былъ край нашему проклятому безпутству!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, болтунъ!

Улыбка опять простушила на лицѣ генерала, и онъ, вставъ, отвѣтилъ:

— Да, да, я большою болтунъ, это «замѣчательно»!

Онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ гостю надѣлъ въ комнату фуражку и вышелъ, едва удостоивъ собесѣдницу чуть замѣтнаго кивка головою.

Въ передней къ его услугамъ выступила горничная съ китайскимъ разрѣзомъ глазъ и съ фигурою фарфоровой куклы; она ему тихо кивнула и подала пальто.

— Мерси, сердечный другъ!—сказалъ ей генераль.— Доложите моей сестрѣ, что я не могъ ее ожидать, потому что... я сегодня принялъ лѣкарство. А это,—добавилъ онъ шопотомъ:—это вы возьмите себѣ на память.

И онъ опустил свернутый трубочкою десятирублевый билетъ дѣвушка за лифтъ ея платья, а когда она изогнулась, чтобы удержать бумажку, онъ поцѣловалъ ее въ шею и тихо молвилъ:

— Я старъ и не позволяю себѣ цѣловать женщинъ въ губки.

Съ этимъ онъ пожалъ ей руку, и она ему тоже.

Внизу у подъѣзда онъ надѣлъ калоши и, поконившись въ кармапѣ, досталъ оттуда два двугривенныхъ и подать швейцару.

— Возьми, братецъ.

— Покорѣннѣе благодарю, ваше превосходительство!—благодарилъ швейцаръ, держа по-военному руку у козырька своего кокошника.

— Настояще, братецъ... Но на Пескахъ дѣланы... Смѣло можешь отнести ихъ въ лавочку и потребовать себѣ за нихъ фунтъ травленого кофе. Но будь остороженъ: онъ портитъ желудочный сокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ швейцаръ, застегивая генерала полостью извозничьихъ сапей. Но генераль, пока такъ весело шутилъ, въ то же время, дѣлалъ руками вокругъ себя «повальный обмахъ» и убѣ-

дился, что у него нигдѣ нѣтъ ни гроша. Тогда онъ быстро остановилъ извозчика, вырыгнуть изъ саней и пошелъ пѣшкомъ.

— Пройдусь, — сказала онъ швейцару: — теперь прекрасно!

— Замѣчательно, вани превосходительство!

— Именно, братецъ, «замѣчательно»! Считаю за мной рубль въ долгу за остроуміе.

Онъ закрылся подѣленнымъ молью бобромъ и завернулъ на своихъ усталыхъ и отелужившихъ ногахъ за уголъ улицы.

Когда онъ скрылся, швейцаръ махнулъ вельдъ ему головою и сказалъ дворнику:

— Третій мѣсяць занялъ два рубля на извозчика и все забываетъ.

— Протерть горькая! — отвѣчалъ, почесывая спину, дворникъ.

— Ничего... Когда есть, онъ во всѣ карманы разсуесть.

— Тогда и взыщи.

— Безиримѣние!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гостыя, какъ только осталась одна, сейчасъ же открыла свой бархатный мѣшокъ и, вытащивъ оттуда слѣшно сунутыя деньги, стала считать ихъ. Тысяча рублей была сплона. Дама сложила билеты поаккуратнѣе, и уже хотѣла снова закрыть мѣшокъ, какъ ее кто-то схватилъ за руку.

Она не замѣтила, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ хорошо упитанный, розовый молодой человекъ съ играющимъ кадыкомъ подъ шеей и съ откровенною улыбкой на устахъ. Онъ прямо ловкою хваткой положилъ руку на бронзовый замокъ бархатной сумки и сказалъ:

— Это арестовано!

Гостыя сначала вздрогнула, но мгновенный испугъ сейчасъ же пропалъ и уступилъ мѣсто другому чувству. Она освѣтилась радостью и тихо произнесла:

— Valerian! Гдѣ былъ ты? Боже!

— Я? Какъ всегда: вездѣ и нигдѣ. Впрочемъ, теперь и прямо съ неба, для того, чтобы убрать къ себѣ вотъ этотъ мѣшочекъ земной грязи.

Дама хотѣла ему что-то сказать, но онъ показалъ ей пальцемъ на закрытую дверь смежной комнаты, взялъ у

нея изъ рукъ мѣшокъ и, вынувъ оттуда всѣ деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

Гостыя всего этого точно не замѣчала. Глядя на нее, приходилось бы думать, что такое обхожденіе ей давно въ привычку и что это ей даже пріятно. Она не выпускала изъ своихъ рукъ свободной руки Валеріана и, глядя ему въ лицо, тихо стонала:

— О, если бы ты зналъ!.. Если бы ты зналъ, какъ я истерзалась! Я не видала тебя трое сутокъ!.. Онѣ мнѣ показались за вѣчность!

— А-а! что дѣлать? Я этихъ деньковъ тоже не скоро забуду! Куда только я ни метался, чтобы достать эту глупую тысячу рублей! Пѣтъ, теперь я убѣжденъ, что самое вѣрное средство брать со всѣхъ деньги, это посвятить себя благотѣльствованію бѣдныхъ! Еще милость Господня, что есть на землѣ дураки въ родѣ oncle Zacharie.

— Оставь о немъ!

— Э, пѣтъ! Я благодаренъ: онъ уже во второй разъ даетъ намъ передышку.

— Но не доведи себя до этого, мой милый, въ третій.

— Если я такъ же глупо проиграюсь еще разъ, то я удавлюсь.

— Какой вздоръ ты говоришь!

— Отчего же? Это, говорятъ, очень пріятная смерть. Что-то въ родѣ чего-то... Смотрите, вотъ у меня про всякій случай при себѣ въ карманѣ и сахарная бечевка. Я попробовалъ: она выдержитъ.

— О, Боже! Что ты говоришь!—и, понизивъ голосъ, она прошептала:—*Avancez une chaise!*..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ комическую гримасу и опять молча показалъ на завѣшенную дверь.

Дама сморщила брови и спросила шепотомъ:

— Что?

Молодой человѣкъ приложилъ ко рту ладони и отвѣтилъ въ трубку:

— Маша! здѣсь подслушивается!

— И все это неправда! Ты очень часто клеветешь на свою мать!

Валеріанъ перекрестился и тихо увѣрилъ:

— Ей-Богу, правда: она всегда подслушиваетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Итъ, напротивъ, мнѣ за нее очень стыдно, но я ее и не осуждаю, а только предупреждаю другихъ. Я знаю, что она дѣлаетъ это изъ отличныхъ побуждений... Святая чувства матери...

— Approchez vous de moi, милый!

— Значитъ, вы не вѣрите, что она слышитъ?.. Ну, я ее сейчасъ кликну...

— Пожалуйста, безъ этихъ опытовъ!

— Лучше поѣзжайте скорѣе домой. и черезъ двадцать минутъ...

— Ты будешь?

Онъ согласно кивнулъ головой.

Она сжала его руку и спросила:

— Это не ложь?

— Это правда, но не надо царапать ногтями мою руку.

— Когда же я не могу!

— Пустяки!

— Поцѣлуй меня хоть одинъ разъ!

— Еще что!

— Но отчего же!

— Ну, хорошо!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ ее и всталъ съ мѣста: онъ очень хотѣлъ бы, чтобы его дама сейчасъ же встала и ушла, но она не поднималась и еще что-то шептала. Ея дальнѣйшее присутствіе здѣсь было ему мучительно, и это выразилось на его искаженномъ злостью лицѣ. И зато онъ взялъ ея руку и, приложивъ ее къ своимъ губамъ, сказалъ:

— *Lilas de perse*—это мило: я люблю этотъ запахъ!

Дама вспрыгнула и, сжавъ рукой лобъ, покачнулась.

— Что съ вами?—спросилъ ее Валеріанъ.— Сибните на воздухъ!

Она взглянула на него исподлобья и прошипѣла:

— Это низко!.. это подло!.. это безчестно!.. Послѣ того когда я тебѣ это откровенно объяснила... ты не имѣешь права... не имѣешь пра... ва... пра... ва...

— Бога ради только безъ истерики!.. Вамъ нужно скорѣе на воздухъ!

— Воздухъ... Пустяки... Я все это должна была выполнить...

— Ну да... и выполнила... Поѣзжай скорѣй домой и все будетъ прекрасно.

При этомъ обрадованіи она опять взяла его руку и прошептала:

— Шу да... О, Боже! Но если жъ я тебѣ уже все сказала, для чего это такъ было нужно, то для чего жъ говорить: «*lilas de perse*»? Вѣдь это низко!.. Я всёмъ скажу... вотъ именно... какъ это низко... А я отсюда не уйду...

— Да, да! Пожалуйста останьтесь: шатап сейчасъ придетъ.

И онъ всталъ съ мѣста, но она его удержала.

— Я вѣрно схожу съ ума!—произнесла она, приложивъ къ бьющимся вискамъ тыльную сторону своихъ стынувшихъ пальцевъ, и повторила:—Помогите! Я, право, схожу съ ума!

Валеріанъ испугался страдальческаго выраженія ея лица и началъ ее крестить. Она съ негодованіемъ его оттолкнула и прошептала:

— Креститель!

— Что жъ тебѣ надо?

— Миѣ? Униженія и новыхъ обидъ! Миѣ нужно, чтобы ты былъ со мною!

— Но я же съ тобою!

— О-о, конечно, не здѣсь!

— Ну, и поѣзжай скорѣе домой, и я сейчасъ буду, и тамъ надай, какъ хочешь.

— Какъ я хочу... Меня стѣбитъ убитъ!..

Она хотѣла сказать что-то еще, но, вмѣсто того, поцѣловала его руку, а онъ съ своей стороны нагнулся къ ней и прикоснулся губами къ выщелся на ея шеѣ косичкѣ.

Искаженное лицо женщины озарилось румянцемъ чувственнаго экстаза, и она послѣднѣе закрыла себя вуалью и вышла. По ея щекамъ текли крупныя, истерическія слезы, и ея глаза померкли, а губы и носъ покраснѣли и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалѣвшей отъ страсти собаки.

Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалемъ.

Когда она проходила мимо швейцара, тотъ молча подаль ей, хранившееся у него за обилагомъ ливрен, письмо съ адресомъ «живчика», а она бросила ему трехрублевый билетъ и сѣла въ сани, тронувъ молча кучера пальцемъ.

— Инда земли не видить отъ слезъ!—замѣтилъ своему собесѣднику швейцаръ.—А ему хоть бы что!

— Да, поше себя мужской цоль не теряюгъ напрасно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Молодой Валеріанъ собственноручно заперъ дверь за дамою и, возвратясь въ гостиную, вынулъ изъ кармана напталонъ скомканныя деньги и началъ ихъ считать.

Изъ-за двери, на которую Валеріанъ указалъ гостей, изъ самомъ дѣлѣ послышался голосъ его матери. Она спросила:

— Ты что-то дѣлаешь?

— Да и ужъ сдѣлать.

— Ты можешь кунить «промышленные»: все увѣряють, что они къ веснѣ сыграють вдвое.

— Мама, я знаю кое-что повыгоднѣе.

— А что такое, напримѣръ?

— Ну, мало ли! Теперь вѣдь носыпають переселскимъ поронкомъ ростовищковъ и даже нангъ «взаимный другъ» Michel окочурился... Въ ихъ мѣсто нужно же нѣчто новое.

— Вотъ то и есть, но что же именно?

— Ахъ, мама! Это возможно только тому, кого, какъ меня, считаютъ беззаботнымъ мотомъ, у котораго нѣтъ ничего на душою.

За двѣяо что-то рѣзали и положили пошнцы.

— Вы, мама, что-нибудь шьете?

— Да, мой сынъ, я зашиваю свои дыры, я чинюсь... подшиваю лохмотья, которыхъ не хочу показать моей горничной.

— Это, мама, очень благоразумно и благородно.

— По неурятно.

Юноша хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ, и только кадыкъ у него ходилъ клубясь яблокомъ.

За дверью опять послышалось, какъ что-то отрѣзали пошницами и снова положили ихъ на мѣсто, и, въ то же время, хозяйка сказала:

— Я думаю, что ты гораздо больше бы выигралъ, если бы помогъ дядѣ Захару поправить увлеченія его молодости. Лука это навѣрное бы оцѣнилъ и сталъ бы принимать насъ.

— Очень можетъ быть, мама, но я вѣдь не самолюбивъ и не надокъ на то, чтобы хвалиться, гдѣ меня принимаютъ.

— Но онъ бы тебѣ просто далъ много денегъ.

— Что-жъ, я очень радъ, но только какъ это сдѣлать?

— Надо взять бумагу, которой бонится дядя Захарь.

— То-есть, милая мама, ее вѣдь надо *украсть!*

— У тебя такая грубость, что съ тобой нельзя говорить.

— Мамап, я ничего не грублю, а я только договариваю то, что надо сдѣлать.

— Неправда. Эта женщина сама все тебѣ сдѣлаетъ.

— Э-э! ошибаетесь! Эта женщина есть превосходный агентъ и превосходный математикъ, но ея же не оплетиши.

— Однакоже, она считаетъ тебя игрокомъ и мотомъ.

— Да, шатап, но я употребляю очень большія усилія, чтобы устроить себѣ такую репутацію, только изъ-за того, что это должно сослужить мнѣ службу при новомъ курсѣ.

— Сказать по совѣсти, я ничего не понимаю, для чего это нужно.

— А кажется, что проще! Всѣ уже вкусили «добляго» житія, и оно, наконецъ, надоѣло... Что дѣлать? Родъ людской неблагодаренъ и злонаравенъ... *Felicitas temporum* откланивается... Нуженъ реваншъ... есть потребность въ реакціи...

— И что же будетъ въ реакціи?

— Это, шатап, еще не ясно, но извѣстно всеѣмъ, что явленія не повторяются, а послѣ дождика бываетъ вѣдро, и потому прослыть мотомъ и кутилой теперь, все-таки, выгодно—это значить обнаружить въ себѣ извѣстную благонадежность, которая пригодится очень скоро.

— А вы уже на все готовы!

— Какъ же вы хотите иначе? Вѣдь мы же такъ и на-тасканы, чтобы быть на все готовыми.

— Скажи, однако, какъ немудрена ваша мудрость!

— Ахъ, шатап, что такое намъ мудрость? Ужъ фельетонисты, и тѣ гдѣ-то вычитали и повторяютъ, что «благѣ мудрость съ наслѣдіемъ», а вѣдь вы съ нашимъ намъ наслѣдія не уготовили.

— Христіанскіе родители и не обязаны снабжать вась наслѣдіемъ.

— Нѣтъ-съ, извините-съ, обязаны!

— Гдѣ же это сказано?

— А вотъ въ «премудрости Павла чтеніе», на которое любятъ ссылаться; тамъ это и сказано: «не дѣти *должны собирать* имѣніе для родителей, но родители для дѣтей».

— Это что-нибудь изъ толстовскаго, въ простомъ этого пѣтъ!

— Извините-сь! Не угодно ли посмотреть въ самомъ въ простомъ второе посланіе къ коринѳянамъ, двѣнадцатая глава?

— Откуда ты все это знаешь, гдѣ и какая глава?

— Га! Я интересуюсь-сь! Я хочу этимъ побить Толстого!

— Такъ и бей! Это прекрасно тебя выставить.

— Позвольте-сь,—придетъ время.

— Какого еще надо время: онь надоѣтъ.

— Прекрасно-сь, но ничего не надо дѣлать даромъ... Изъ ихъ похвалъ не шубу шить. Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены денежныя знаки, за всякія услуги надо платить: я изъ руки выпускаю услугу, а ты клади объ это самое мѣсто денежный знакъ.

— Но ты бы могъ и получить наслѣдіе.

— Ахъ, вамъ все не идетъ изъ головы дядя Лука!

— Именно не идетъ.

— Ну, я васъ уснокою: съ наслѣдствомъ этимъ все конечно: «оставь надежду навсегда!»

— Ты этого не можешь знать.

— Нѣтъ, знаю. Я это купилъ, родная, у нотаріальнаго писаря. Все отдано на «читательныя учрежденія» и «открытое наученіе».

— Ты шутишь!

— Нисколько-сь.

— А Индія?

— Ей не нужно; она не хочетъ возбуждать зависти и ссоръ, и отказалась.

— Вотъ дура!

— И вредная! не отдала роднымъ!

— Но этого нельзя допустить!

— Не надо бы-сь!

— Что жъ дѣлать?

— Надобно снасаться, чѣмъ знаете, хоть даже чудомъ!

— Теперь ты вѣришь въ чудо?

— О, да, шаман!.. Я вѣрю во все, во что угодно: я жить хочу.

И жить, я чувствую, я буду!

Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!

Я вамъ даже нѣчто и больше скажу, но это между нами.

— Пожалуйста.

— Надо проводить новаго чудотворца.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ-съ: это надо. И у меня такой есть!

— Но что же онъ можетъ дѣлать?

— Не безпокойтесь!.. маленькія вещицы онъ уже дѣлаетъ, и очень не дурно, но надо его хорошо вывести и хорошо рекомендовать. О, я знаю, что надо въ жизни!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мать и сынъ умолкли. Казалось, они оба вдругъ устали отъ всѣхъ перебранныхъ ими впечатлѣній и тяжести такого рѣшенія, послѣ котораго каждымъ изъ нихъ опущалась потребность въ какомъ-нибудь виѣшнемъ толчкѣ и отвлеченіи, и за этимъ дѣло не стало. Въ эти самыя минуты, когда мать и сынъ оставались въ молчаніи и ужасѣ отъ того, на что они рѣшились, съ улицы все надвигался сгущавшійся шумъ, который вдругъ перешелъ въ неистовый ревъ и отогналъ отъ нихъ муки сознанія. Валерій все еще былъ погруженъ въ соображенія, но хозяйка встревожилась и оживилась: она выбѣжала въ беспорядочномъ туалетѣ въ гостиную, бросилась къ окну и закричала:

— Смотри, какая толпа!

Валеріанъ лѣниво потянулся, какъ бы спросонья, и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Нелѣная толпа, маман, не стѣбитъ и смотрѣть!

— Да, но, однако, это трогательно!

— А я такъ думаю—нимало.

— Но да, но, все-таки, вѣдь это вѣра!

— Не знаю, право!

— А вообрази. панъ пивейцаръ: онъ, должно-быть, совершенный инглистъ.

— Онъ, кажется, когда-то славился другимъ.

— А именно?

— Онъ помогаль переводить инглистовъ. О немъ знаетъ вашъ генераль.

— Но какъ же,—я его спрашиваю,— что это значить? А онъ отвѣчаетъ: «Необстоятельный народъ-съ мечется, а не знаю чего».

— Онъ, однако, умно вамъ отвѣтить.

— Ну, полно, пожалуйте! Но что за глупые, вправду, чего они всѣ разомъ хотятъ?

— Вѣроятно. они хотятъ, чтобъ ихъ вытолкали и нобили.

— И какіе гадкіе: испитые, оборванные!

— Ну, да, труждающіеся и обремененные. Тутъ, вѣрно, гдѣ-нибудь Jean или Onthon.

— Гляди, пожалуйста: вотъ и эта бойкая женщина, на которую жалуются. Взаправду, смотри, какъ она ихъ царапаетъ!

Валеріанъ всталъ и оживился.

— А-а! — сказалъ онъ, улыбаясь: — вотъ къ этой я неравнодушенъ. Это личность съ характеромъ, ее зовутъ какъ-то въ родѣ Елизаветъ Воробей; она вывозитъ знаменитость въ свѣтъ, и бьетъ, и царапаетъ ту самую публику, которая сдѣлала имъ всю ихнюю славу. По-моему, она да Менцерскій только двое и постигли, что нужно людямъ, которые не знаютъ, чего хотятъ. Пойду посмотрѣть, какъ она этихъ олуховъ лущитъ!

Valerian вышелъ въ переднюю, гдѣ было темно, но у лампы возилась со свичками та самая красивая горничная съ китайскими глазами, которая нѣсколько времени назадъ ласково позволила генералу цѣловать ее въ шею. Увидавъ ее, Valerian поморщился и сталъ надѣвать перчатки.

Дѣвушка бросила свички и хотѣла уйти, но опять остановилась. Она была неспокойна и лице ея разгоралось и принимало дерзкое выраженіе.

Молодой человекъ это замѣтилъ и, вскинувъ на голову фуражку, сталъ самъ надѣвать, безъ помощи, свое пальто.

Дѣвушка посмотрѣла на него некоса и рѣшилась ему помочь. Она взяла у него изъ рукъ пальто, но едва лишь онъ началъ вдѣвать его въ рукава, какъ она бросила пальто на полъ и исчезла за вѣшалкой, гдѣ была маленькая дверь въ каютку, служившую ей помѣщеніемъ. Изъ этой каютки на парадную лѣстницу выходило маленькое зеркальное окошечко, затянутое голубою тафтой.

— Свинья! — прошепталъ велѣдъ ей Валеріанъ и, поднявъ съ полу пальто, отряхнулъ и надѣлъ его безъ посторонней помощи, а потомъ, выйдя на лѣстницу, торопливо побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Но быстрота его не спасла и велѣдъ ему изъ окна раздалось:

— Инъ, сторбилъ какъ виноватую свиню! Думаетъ, не знаю, куда посылѣнаеть! Драть бы васъ съ вашимъ старухамъ-то!

Но Валеріанъ убѣгалъ и старался не слушать о томъ, чего, надо думать, онъ заслужилъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Внизу лѣстницы встрѣтились два брата: Аркадій и Валерій, «рохля» и «живчикъ». Аркадій (рохля) былъ старше Валерія (живчика) лѣтъ на шесть и гораздо его солиднѣе. Онъ былъ тоже породистый «полукровокъ»: какъ Валерій, пухлый и съ кадыкомъ, но какъ будто уже присѣлъ на ноги. Съ лица онъ походилъ разомъ на одутловатое дитя и на дрессированнаго волка. Отъ него нахло необыкновенными духами, напоминавшими аромать яблочныхъ зеренъ.

Дверь материнной квартиры рохля нашелъ не закрытою. Такъ она оставалась послѣ недавняго выхода Валеріана. Аркадій презрительнымъ тономъ обратилъ на это материно вниманіе. Та пожала плечами и сказала:

— Что-жь дѣлать? Мы, вѣдь, даже не вольны въ нашей прислугѣ. Принять и отпустить челоуѣка — цѣлая процедура, и люди это знаютъ и не боятся, а позволяютъ себѣ все, что угодно.

Аркадій перебилъ:

— Надо, чтобы Валеріанъ не ставилъ себя въ такое положеніе, чтобы зависѣть отъ женщины!

Мать махнула рукой и сказала:

— Ахъ, ужъ оставь говорить противъ женщинъ!

Изъ комнаты за вѣшалкой какъ бы въ отвѣтъ на это слышалось тихое истерическое всхлипываніе.

Хозяйка встала и заперла эту дверь, и снова сѣла.

— Я всегда буду говорить, что женская прислуга нигде не годится, — произнесъ тихо Аркадій.

— Она дешево и полезна, — отвѣчала мать.

— Зато вотъ и терпите ея выходки.

— Ахъ, я ужъ и не знаю, отъ какихъ выходокъ хуже! Миѣ кажется, отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній можно сойти съ ума.

— Это всегдашняя ваша пѣсня, маман... Но зачѣмъ вы за мной посылали?

— У меня былъ братъ Захаръ... Когда жъ это кончится?

— Да что такое? Дядя вѣчно болтаетъ... Онъ извѣстный болтунъ!

— Пусть онъ болтунъ, но ты не портъ свою карьеру. Я за тебя дрожу!

— Да чего вамъ дрожать, шаташ! То время, когда шантажъ былъ развитъ, прошло. Теперь все въ высшемъ классѣ знаютъ, что за шантажъ есть наказаніе, и, къ тому же, я и самъ не хочу здѣсь больше оставаться, гдѣ этотъ *fabulator elegantissimus* не вѣсть что обо всѣхъ сочиняетъ. Тети Олимпія сама взялась мнѣ уладить это съ Густавычемъ. Его зятя переведутъ на Западъ, а я получу самостоятельное назначеніе на Востокъ.

— О, пусть бы она хоть этимъ загладила свой грѣхъ передо мной!

— Какой же это грѣхъ?

— Грѣхъ? Несчастье всей моей жизни.

— Ахъ, это что-нибудь такое, чего мы, какъ дѣти, не должны знать!

— Вы не знаете ничего, кромѣ того, что васъ самихъ касается. Но когда же она тебя устроитъ?

— Сегодня... можетъ-быть, сейчасъ! Если я получу назначеніе, то тата Олимпія сюда заѣдетъ... Да вотъ и она,— добавилъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу: — я вижу, у подъѣзда ея коляска и кучеръ съ часами на поясищѣ.

Рохла пошелъ въ переднюю и открылъ дверь на лѣстницу, по которой поднималась пожилая, очень массивная дама въ тальмѣ дипломатическаго фасона, который, впрочемъ, очень любятъ и наши кухарки. Подъ мѣховою тальмою, представляющей какъ бы рыцарскую мантію, на могучей груди дамы сверкала бисерная кираса. Дама немощко тяжело дышала, но поднималась бодро и говорила, улыбаясь, «рохла»:

— Смотри, мнѣ скоро шестьдесятъ пять лѣтъ, а мое сердце работаетъ еще какъ добрый кузнецъ.

При этомъ она взяла руку племянника и приложила ее къ своей кирасѣ, а потомъ, войдя въ переднюю, подставила хозяйкѣ свою щеку для поцѣлуя и продолжала:

— Прости, я къ вамъ на минуту: взойду, но не раздѣнусь. Я лишь затѣмъ, чтобы васъ обрадовать: Аркадій, ты назначенъ! Ступай, сейчасъ ступай благодарить! Это его свидѣть и отрѣжетъ ему путь къ отступленію.

— Сейчасъ, ma tante,— отвѣчала Аркадій и стала некать свое пальто.

Изъ-за вѣшалки показалась оправившаяся горничная, но Аркадій судорожно отъ нея уклонился и сѣбно вышелъ.

Олимпія это замѣтила и, входя въ гостиную, сказала съ улыбкой:

— Онъ все еще попрежнему... такой же шутъ... боится женщинъ!

— Ахъ!

Хозяйка махнула рукой.

— Э, милая, не стоить думать!.. Это теперь совсѣмъ не такъ необыкновенно! Но хорошо, однако, что il ne met plus de manchettes... Теперь онъ, все-таки, похожъ какъ все люди. Но, однако, adieu! Я къ тебѣ, можетъ-быть, еще заверну поговорить по душѣ, а пока у меня миллионъ дѣлъ. Вы все вѣдь здѣсь уснули! Такъ нельзя! Вы просто *opix-nete*, какъ это говорятъ, и, притомъ, жуete онучь... Васъ надо будить! Куда ни заглянешь, вездѣ всѣхъ надо будить. Вашъ сонъ ужасно затрудняетъ все славянство. Святая Русь есть сила міра, и это будетъ ея имя: *Silamira!* Но это еще пока спящая сила! Современемъ это будетъ не такъ! Тогда не надо будетъ приходить съ Запада и толкать васъ, какъ теперь, когда вы начинаете очень скандально сонѣть и храпѣть...

— Да, но у насъ теперь все вѣрують!

— А по-моему, вы даже плохо и вѣруете: вы вѣруете все какъ-то сонно... точно во снѣ... точно вы насилу иль-вете и насилу вѣруете, и, того и гляди, сейчасъ куда-то опуститесь и все позабудете... Прощай! До свиданія!.. Ты, разумеется, уже слышала, что сдѣлала Ниша, Захарова дочь?

— Говорить, будто она... будетъ матерью.

— Чего тамъ: «говорить»! Это фактъ! Конечно! она будетъ матерью... Но какъ это случилось?.. Вѣдь графъ такъ старъ и такъ глухъ, что онъ женился только на зло своихъ дочерямъ Гонерильѣ и Реганѣ...

— Какая безнравственность!

— Нѣтъ, да ты, вѣроятно, еще не все знаешь? *C'est un inceste!*.. Ей поручили отвѣти племянника, который еще до сихъ поръ кадетъ или что-то подобное...

— О, Боже! Боже!

— Да, именно ужъ это настоящій *criminal conversation de Byzance!*

И она замотала руками и головой и пошла къ двери, но хозяйка удержала ее у порога и сказала:

— Ты много сдѣлала, что устроила опять Аркадія, но я боюсь, что если онъ вправду сумасшедшій?

— Оставь и будь спокойна.—отвѣтила Олимпія:—помни, что говорилъ Оксенитіеріа: «не великъ умъ надо, чтобы дѣлать политику».

Олимпія прижала ладони къ своей кирасѣ и добавила:

— Это совѣтъ не наша обязанность, чтобы поставятъ умы для всего свѣта, а наше *métier* совѣтъ иное. и оно все въ томъ, чтобы насыпать соли на хвостъ всѣмъ, кто рвется впередъ.

Объяснивъ свое призваніе, дама еще разъ щелкнула себя по кирасѣ и, встряхнувъ руку хозяйки аглинскою встряской, сонла внизъ, сѣла въ коляску наискось противъ часовъ, торчавшихъ на поясищѣ кучера, и повеселась *jouer un tour de son métier*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйка осталась одна и сейчасъ же спросила себя пальто и калоши, взяла въ карманъ флаконъ съ нюхагельною солью и ушла изъ дома, сказавъ, что хочетъ сдѣлать покупки въ «бракованной лавкѣ».

Она чувствовала ту ужасную усталость, о какой можетъ имѣть понятіе только актриса, исполняющая роль, которая не спускаетъ ее цѣлый актъ со сцены.

Она была очень утомлена, почти измучена, но въ ней еще много силы для такихъ же бореній. Она скоро оправится на воздухъ и будетъ въ состояніи дать наилучшій отчетъ на своемъ мѣстѣ.

А пока кошка въ отсутствіи, безъ нея начинаютъ шалить домашнія мыши.

По уходѣ хозяйки, горничная съ китайскими глазами и фигуркой фарфоровой куклы прошла по всѣмъ комнатамъ и вездѣ открыла форточки, а потомъ отдернула портьеру и отворила дверь изъ гостиной въ будуаръ, который служилъ тоже хозяйкѣ и ея кабинетомъ, и тайникомъ. Здѣсь дѣвушка убрала беспорядокъ, потомъ вынула изъ кармана подобранный ключикъ, открыла ямъ столъ и доставъ оттуда надушенный листокъ сложенной бумаги, зажгла свѣчи и начала выводигъ:

«Если предложенія ваши обстоятельны, то хотя ваши дѣла и не сходны, но за вѣжливость вашу я согласна имѣть для васъ полныя чувства, только никакъ не въ вашемъ собственномъ домѣ и не при вашихъ людяхъ».

Она перечитала написанное и внизу послѣ своей подписи еще приписала:

«Только пожалуста съ отвѣтомъ по почтѣ».

Написавъ это письмо, дѣвушка достала изъ бювара своей госпожи конвертъ и начала тщательно выводить адресъ. Въ это время портьера раскрылась съ другой стороны будуара и въ комнату, выпятивъ зобъ, какъ гусыня, вошла рослая, бѣлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ большимъ ротомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ. Это была домовая кухарка.

— Достань-ка мнѣ у нея пару напиросокъ,—сказала она горничной.

— Возьми сама,—отвѣчала дѣвушка и продолжала надписывать конвертъ.

Кухарка взяла изъ серделиковой коробочки нѣсколько напиросъ, закурила одну изъ нихъ и, сѣвши на шелковомъ пуфѣ передъ зеркаломъ, начала выдавливать потными прыщами на подбородкѣ, а потомъ она занудрила это мѣсто барынной пуховкой и сказала:

— Мочи нѣтъ, какъ прыщи одолѣли!

— Не лакай чернаго пива.

— И то ужъ не нью.

— Ну, такъ не тискай мальчонковъ, которые приносятъ покушки.

— Ты, что ли, это видала?

— Еще бы! Зеленицкова мальчонку вчера, думала, ты, какъ русалка, совсемъ зацекочешь.

— Онь ребенокъ, еще совсемъ безъ понятъевъ.

— Такъ ты и станешь дожидаться своихъ понятъевъ!

— Пѣть, я вѣдь, ей-Богу, я только всего и люблю баловать, да помять ихъ, красивыхъ дѣтшишковъ. У меня крестникъ ужъ былъ шестнадцати лѣтъ, да вотъ померъ.— я и скучаю. А ты это на кого еще грѣхъ новый наводнишь кому это пишешь?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Думаешь, я не знаю? А я знаю!

Китайка опять промолчала.

— Хочешь, скажу?

— Ну, говори!

— Генерала ты путаешь, вотъ что!

— Ну, такъ и знай, что его самого!

Она стала наклеивать марку.

— Вотъ ты надо мною смѣешься, что я ласкаю дѣтшиковъ, а сама хуже попалась.

— Ничего не попалась.

— А отчего жъ ты ревешь и некрасивая стала?

— Реву о томъ, что дура была,—въ вѣрности жить полагала.

— Вотъ то-то и есть: а теперь и видать—неворожия.

— И врешь, ничего еще пока не видать.

— Отчего же, когда батюшка былъ, онъ меня поблагословилъ и понить мнѣ чайку дать съ своего блюда, а тебѣ ифть?

— У меня на лбу ифтушки были нагрѣнаны: онъ не любить. Да и не надо: не все то и сбывается, что онъ говорить.

Кухарка покачала головой и, вздохнувши, сказала поучительнымъ тономъ:

— Да, ужъ это неизвѣстно, почему такъ онъ по кулечеству много отмакиваетъ, а изъ разныхъ звашьяхъ не можетъ.

— Не потрафляетъ!

— Не надо, дружокъ, такъ говорить, потому что хотя онъ и не потрафляетъ, и не все пусть не сбывается, ну, а все мы должны вѣрить въ Божье посланье, хотя я и сама... этой драчихѣ, которая царанаетъ, такъ бы ей всѣ космы и выдрала!

— И отвели бы тебя подъ судъ. — сказала дѣвушка, у которой правъ былъ шкродивый, но робкій. Но кухарка, женщина опытная, смѣло ей отвѣчала:

— Ничего не значить: «нарушеніе тишины безпорядка! Восемь дней на казачьемъ парадѣ!» Эй-Богу, вздую!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ это время внезапно раздался звонокъ. Кухарка и горничная обѣ быстро вскочили: дѣвушка проворно опустила письмо въ карманъ и побѣжала отворить парадныя

входъ, а кухарка прошла въ коридоръ. соединяющій переднюю съ кухней, и притаилась у двери.

Вошелъ Валеріанъ и негромко спросилъ:

— Кто у насъ?

— Никого,—отвѣтила дѣвушка.

— А мама?

— Вышли.

— Не вышелъ ли, кстати, и изъ тебя твой дурацкій капризъ?

— Какъ не дурацкой! Скажите, пожалуйста... нечего мнѣ капризничать?

Дѣвушка забирала самую бранчивую ноту.

— Возьми, пожалуйста, вотъ это себѣ и не дуйся, какъ дама женскаго пола.

— Что это такое?

— Серьги.

— Мнѣ не серьги нужны, а добудь мнѣ средство.

— Постѣ, добуду.

— Итъ, вы меня обманываете! Я вамъ не дура!

— Бери пока это!

— Не надо.

— Чтò за глупость! Кому же я ихъ отдамъ?

— Мнѣ что за дѣло? Я не хочу! Ничего отъ васъ не хочу, потому что вы не благородный господинъ и студентъ, а самый низкій и подлый мужчина!

Валерій хотѣлъ ее остановить какою-то грубостью, но она дернулась и сказала:

— Смѣй-ка, посмѣй!—и ушла въ свою каютку.

Молодой человѣкъ юрнулъ туда же за нею и заговорилъ съ лаской:

— Послушай... Вѣдь ты же хотѣла... ты просила серёжки... Бери же теперь, когда куплено!

— Куплено!.. Гдѣ?.. Въ чемъ магазинѣ? Или, быть-можетъ, сдериуль шутя у Савки на лавкѣ?

— Зачѣмъ ты этакія пошлости говоришь?

— А какъ же не спросить? Быть-можетъ, ихъ и носить нельзя?

— Это еще чтò за глупость?

— А, можетъ-быть, эта жимолость увидить и съ ушами оторветь.

Молодой человѣкъ всыхнулъ.

— Какая «жизелость»? — вскричалъ онъ.

— Да старуха-то эта... ваня Камчатка... Вѣдь она... жи-
молостная...

— Какаа Камчатка!

— Не знаешь!

— Разумѣется, не знаю!

— Полно дурака-то валить!

— Я тебѣ говорю, что не знаю: что такое Камчатка и почему Камчатка!

— Такъ ты у нея спроси, что это она сама Камчатка или за нее другихъ посылають въ Камчатку, а только я ей не боюсь и говорю, что она самая пренюдная-нюдная и ужъ давно бы ей бы пора умереть, а не ребятъ нанимать, которые хуже самой болтуницей дѣвочки.

— Однако, ты дѣйствительно невыносимо забываешься!

— Что же? Миѣ еще можно. Зато, когда старухой сдѣлаюсь, не позабудусь.

Валеріанъ бросилъ свой подарокъ на комодикъ дѣвцы и, сжавъ ей руку, прошепталъ:

— Я тебя ненавижу!

— Чего благороднѣе, какъ теперь ненавиждѣть!

— Ты сама довела, что миѣ стала противна.

— А противна, такъ зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Я только и хотѣлъ тебѣ это сказать, что ты скверна!

— Ну, да! Сдѣлайте одолженіе!.. Непремѣнно скверна!.. Для кого-нибудь не скверна, а ты сказала и уходи. Со-
всѣмъ напрасно ваши пульсы бьются...

— Ты врешь, мои пульсы не бьются?

— Ну, да!.. оно и видно!

— Ну, такъ я тебѣ это сейчасъ объясню, для чего они бьются.

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ отъ этихъ вашихъ объясненіевъ-то вонъ какимъ уродомъ стала, что даже всѣ замѣчаютъ.

Онъ что-то сказалъ, но она отвѣчала: «нѣтъ», потомъ опять «нѣтъ» и потомъ еще:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что-о?.. Ага!.. Нѣтъ!.. Подаренье миѣ — это въ составъ не входитъ, а ты виновата и прощенья проси.

— И еще попроси!

— И еще!

— Ну, вот так! А то слунай вопль... Вашего брата надо пробирать!

Подслушивавшая кухарка отъ этихъ послѣднихъ словъ пришла въ восторгъ и, озабившись радостной улыбкой, плюнула и прошептала:

— Ахъ, ты нельма! давно ли изъ деревни, а какъ умѣеть! Это она опять на колѣни его поставила! Тьфу! Ей-Богу въ ее чортъ ложку меду кладетъ!

И кухарка еще сильнѣе затаила дыханіе, чтобы наблюдать, что будетъ, но дальнѣйшей проборки уже не было слышно, потому что дверь маленькоі каютки закрылась, а съ другого конца коридора, гдѣ своимъ чередомъ совершалась забота о нищѣ, полозъ невыносимый чадъ.

Кухарка бросилась къ своему бурливому алтарю и застала на плитѣ самый полный безпорядокъ: одно перекинуло и било черезъ край, другое перегорѣло, пережарилось и все наполняло смрадомъ помѣщеніе, съ потолка и до пола.

Кухарка разсердилась и закричала:

— О, чортъ бы васъ взялъ, съ ваими пульсами и съ лапшею проборкой! Всѣ, дьяволы, будете нынче безъ жратвы!

Съ этимъ, полная гнѣва, она вскочила на стѣлу, открыла форточку и размахнула настежь дверь съ чернаго хода: но едва она это сдѣлала, какъ вся просіяла: на ея концѣ улицы тоже заходилъ праздникъ: у самаго порога стоялъ румяный лавочный мальчикъ съ корзиною на головѣ и перѣнался перешагнуть.

— А-а!—привѣтствовала его весело бѣлая баба: — то-то я, братцы, слышу: кто это съ такою великолѣбною гордышью ползеть и катится, а это ты нишь-ныжь —лавочный мышь? Здорово, Петрунька!

Мальчикъ дулся и молчалъ, а кучерявая бабеллина разсмѣялась и, потянувь его за фаругу въ кухню, бойко продолжала:

— Полно дуть губу!.. Дуракъ! Въдь живъ, чай, остался!

— Только и есть, что живъ вамъ достался! — отвѣтилъ плаксиво розовый мальчикъ и вразъ измѣнилъ голосъ, кригнувь: — Принимай, что ли, скорѣе корзину! Миѣ не время!

— А миѣ что за дѣло? Тутъ не снимай!.. Ви цинь, здѣсь чадно! Неси вопъ туда, въ мою комнату.

Мальчикъ съ корзинкою тронулся и опять въ перѣшительности остановился; но кухарка втокнула его въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался жалостный пискъ.

Вечеръ густѣетъ. Все тихо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ кухнѣ прочистилось; чады утѣшились; изъ кухаркиной комнаты, озираясь, вышелъ робко лавочный мальчикъ; у него на головѣ опрокинута опорожненная корзина. Она закрываетъ ему все лицо, и въ этомъ для него, повидимому, есть удобство. Кухарка его провожаетъ и удерживаетъ еще на минуту у порога; она молча грозитъ ему пальцемъ, потому сыплетъ ему горсть сухого господскаго компота, и, наконецъ, приподнимаетъ у него надъ головою корзинку, беретъ руками за алыя щеки и цѣлуетъ въ губы. При этомъ оба цѣлующіеся смѣются.

Мальчикъ уже сбросилъ съ себя свою дѣтскую робость, а она ему шепчетъ:

— На гулянье пойдемъ вмѣстѣ. Гляди тамъ какое веселье!.. Я тебѣ къ празднику голубую рубашку сошью. Прибѣги только завтра примѣрить.

— Прибѣгу,—отвѣчаетъ мальчишка.

Она его еще обняла и, прижавъ къ груди его головенку, сказала ему съ материнскою нежностью:

— А когда тебя пошлютъ къ пращѣ въ заведеніе, ты съ ея гладильницами не разговаривай!.. Слышишь?.. Онѣ дѣвчонки вѣтренныя. Можешь пропасть!..

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣчалъ мальчикъ. — Мнѣ и такъ всѣхъ стыдно!

— Вотъ то-то и есть! Да всѣ, мила, ничего и не значить!.. А я всѣхъ дворниковъ подкупию и мнѣ сейчасъ все и донесутъ.

Онъ пошвыстываетъ и спускается съ лѣстницы, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ «великолѣпную гордость».

Дворничій работникъ встрѣчаетъ его съ вязанкою дровъ и говоритъ:

— Пѣтра, сколько ты прожилъ лѣтъ?

— Тринадцать.

— Ишь, старикъ! А жить хорошо?

— Ничего.

— Ожидай, значить, лучшаго!

Пётра благодарить и уходить въ ожиданіи лучшаго.

Онъ будетъ на гуляньѣ, она ему подаритъ рубашку. Съ-временемъ онъ попроситъ ее купить ему часы. А то ну ее къ чорту!

Въ передней и въ кухнѣ засвѣтились хорошо прогертыя лампы. На плитѣ въ кастрюляхъ все подлито и подправлено, буря прошумѣла и отхлынула, наступаетъ снова чистота и порядокъ, какъ требуется. Надо и себя примупдирить.

Кухарка повернула кранъ и спустила надъ раковиной воду до холодной струи. Этой воды она налила полный жестяной уюловникъ и всю ее выпила. Она пьетъ съ жадностью, какъ горячая лошадь, у которой за всякимъ глоткомъ даже уши прыгаютъ. Прежде чѣмъ она кончила свое умыванье, въ кухню входитъ тоже и горничная, и эта точно такъ же молча взяла уюловникъ, и такъ же налила его холодной водой, и такъ же пьетъ съ жадностью, и красныя уши ея вздрагиваютъ за каждымъ глоткомъ.

Затѣмъ и эта умылась холодною водою надъ тою же самую раковиной и замахала надъ головой мокрыми руками, потому что забыла взять съ собою утиральникъ.

Говорить ей не хочется.

Кухарка ее поняла, кинула ей чистый конецъ своего полотенца и, поклонившись ей наподобіе реверанса, сказала:

— Поздравляю съ пріятнымъ бонжуромъ!

Горничная сдѣлала шутовскую гримасу и отвѣтила:

— И васъ съ тѣми же дѣлами!

Онѣ, кажется, признавали за настоящія «дѣла» — только одинъ дѣла природы, которая множитъ жизнь, не заботясь о томъ, въ чемъ ея смыслъ и значеніе.

Оглавленіе

XXVIII тома.

	стр
Загадочный человекъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ Н. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу). . .	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112
